

И. Лапицкий

В тени небоскребов

И. Лапицкий

В тени небоскребов

Из записной книжки

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“

1958

Лапицкий Исаак Маркович

В ТЕНИ НЕБОСКРЕБОВ

Редактор *Я. Киселев*

Художник *К. Кащеев*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *И. Шувалов*

* * *

А08667 Подп. к печ. 23/IX 1958 г. Бумага

$84 \times 108^{1/2} = 4,25$ бум. л. = 13,94 печ. л.

13,4 уч.-изд. л. Заказ 810

Тираж 90 000 экз. Цена 5 р. 55 к.

* * *

Типография „Красное знамя“

изд-ва „Молодая гвардия“.

Москва, А-55, Сушевская, 21.

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Молодой читатель, если ему нет еще и тридцати, конечно, не помнит об инциденте, происшедшем более четверти века назад и глубоко потрясшем общественность нашей страны. Случилось это на берегу Волги, на Сталинградском тракторном заводе, к которому в то время было приковано внимание всех советских людей и значительной части мира. Сводки медленно набиравшего темпы производства тракторов печатались тогда на первой странице «Правды». Завод лихорадило, он переживал первую «детскую болезнь» освоения советскими людьми техники поточного производства машин. На завод выезжали комиссии Политбюро, ВСНХ, ЦК комсомола. На заре индустриализации вся наша страна переживала муки рождения самого что ни на есть первенца первой пятилетки.

И когда сталинградцы повезли в подарок XVI партсъезду собранный бессонными ночами штурмовыми методами первый трактор, это был праздник для всей страны.

— Было немного странно встречать трактор, — писал по этому поводу старый московский рабочий. — Мы привыкли встречать живых людей, встречать даже мертвых, но выйти навстречу трактору со знаменами? Это было странно. Но мы пошли встречать первый трактор. Он шел впереди рядов московских рабочих. В уверенной поступи трактора было начало картины, которую рисовал величайший, гениальный художник нашего времени — ВКП(б). За этим трактором чудились другие колонны спокойных, несокрушимых стальных коней.

...Позади оставались героические дни строительства завода, первые шаги освоения производства. С этой задачей рабочие, прибывшая со всех концов страны по путевкам комсомола молодежь справились в рекордные сроки, поразившие опытейших американских специалистов. Но предстояли еще большие трудности. Молодым парням и девушкам, только вчера оторвавшимся от сохи, нужно было по-настоящему овладеть передовой техникой.

Для ознакомления с этой техникой в Соединенные Штаты Америки направили группу молодых способных советских инженеров. С этой же целью в Сталинград пригласили группу американских специалистов — инженеров и рабочих.

Среди них-то и произошел описываемый инцидент, впервые познакомивший меня, шестнадцатилетнего парнишку, тоже приехавшего работать на завод по комсомольской путевке, с американцами. До этого я встречал их только на страницах увлекательных книг Джека Лондона, Марка Твена, Фенимора Купера.

В жаркий июльский день, когда нещадно палило сталинградское солнце и всем хотелось скорее после работы окунуться в прохладные воды Волги, по заводу разнесся слух: на Нижнем поселке, где жили американцы, какие-то фордовские молодчики избили своего земляка Роберта Робинсона, работавшего шлифовальщиком у нас в инструментальном цехе. Они, оказывается, не могли свыкнуться с тем, что негр Робинсон чувствует себя в Сталинграде равноправным человеком, работает на тех же условиях, что и они, живет в таком же доме, обедает в одной с ними столовой, гуляет на том же берегу Волги. Очень уж сильна была в них расистская закваска, привычка к своему американскому образу жизни.

Помню, как это событие всколыхнуло весь коллектив завода. Состоялось собрание. Рабочие единодушно потребовали выгнать обнаглевших молодчиков с завода, с советской земли. Проходили собрания в Москве, Ленинграде и в других городах. Процесс расистов Луиса и Брауна широко освещался в печати. По приговору суда они были высланы из Советско-

го Союза. В Америке их подняли на щит, сделали героями. Портреты Луиса и Брауна печатались в газетах, у них брали интервью о том, как они пытались насадить американские нравы в стране большевиков на берегу Волги...

Так я впервые столкнулся с одним из уродливых явлений американского образа жизни. Позднее я познакомился с американцами поближе, узнал, что среди них были разные люди, с разными взглядами на свою и окружающую жизнь, на Советский Союз и на их собственную страну.

Приехали они к нам в разгар жестокого экономического кризиса, охватившего США и другие капиталистические страны. Они еще были оглушены раздавшимся в «черную пятницу» взрывом капиталистической спекулятивной машины, лопнувшей подобно гигантскому размалеванному пузырю, из которого мутным потоком потекла накопившаяся гниль. Кризис нарастал с бешеной скоростью. Повсюду закрывались заводы и фабрики. Промышленное производство сократилось наполовину. Армия безработных, скитавшихся по улицам Америки в поисках работы, достигла 17 миллионов. Еще больше людей было занято неполную рабочую неделю. Хозяева наполовину урезали зарплату тем, кто еще оставался на работе...

У нас в это время начиналось гигантское строительство, экономически отсталая крестьянская страна решала титаническую задачу. Волею большевиков она набирала невиданно быстрые темпы, чтобы сделать скачок в первые ряды мощных индустриальных держав.

Реакционная печать пугала, отговаривала американцев от поездки в Советский Союз. «Не ездите в джунгли, к большевикам», «Там принудительный труд», «Там обобществляют женщин», «Всех поголовно в коммунисты записывают», «Вас обманут, не вернетесь живыми», — писали буржуазные газеты.

Поехали смельчаки. Но и они были разными людьми. Многие прельстились возможностью подзаработать, хотя бы временно укрыться от кризиса, безработицы. У других примешивалось любопытство, интерес к начатому Лениным «великому эксперименту», о котором

они слыхали так много противоречивого, желание собственными глазами посмотреть, «как это все получается» в первом в мире государстве рабочих и крестьян.

Были среди приезжих и разного рода прощелыги и авантюристы, «стоцентные» негодяи типа Луиса и Брауна или просто тупые пьяницы и бездельники типа Шуллета из 31—32-го пролета механосборочного цеха, человека невежественного и циничного, не знавшего ничего, кроме одного станка, при этом не желавшего делиться с молодежью даже этими скудными знаниями. Он мнил себя сверхчеловеком и не упускал случая кичиться своей принадлежностью к «высшей цивилизации».

Иногда Шуллет лениво затевал с кем-нибудь из рабочих спор и начинал каркать:

— Можете не стараться. Толку не будет. Не научитесь вы делать трактора. Для этого нужна вековая индустриальная культура. Ваше дело сеять хлеб. Машины делают на Западе... Да и куда вам без хозяев справиться.

— Скажите этому ослу, — спокойно отвечал через переводчицу добродушный паренек в спецовке, у которого из-под кепки выбивался непослушный чуб, — что мы не работаем без хозяев. У нас хозяев больше, чем у него там, в Америке. Все мы хозяева.

— И никому не дадим портить наше добро: ни своим, ни чужим, — добавлял он, намекая на бракованные шестерни, которые накануне «запороли» по вине того же Шуллета. — А что касается производства тракторов, то пусть не хорохорится. Мы их будем делать столько, что у наших недоброжелателей с утра до ночи будет рябить от них в глазах. Так и скажите ему, пожалуйста, не стесняйтесь.

Временами Шуллет прибегал к другому приему. Растопырив ноги, разглаживая жилет на толстом брюхе, он принимался сравнивать свои добротные на толстой кожаной подошве туфли с нашими грубыми башмаками или свой пиджак с нашими потрепанными телогрейками. А то вытаскивал из кармана пачку отпечатанных на глянцевой бумаге фотографий небо-

скребов и расхваливал их так, словно они принадлежали ему, Шуллету, а не Рокфеллеру.

С ним вступали в спор молодые ребята, которым не хватало еще очень и очень многого: и одежды, и квартир, и продовольствия, а больше всего — знаний, технических знаний.

— Ничего, Шуллет, — говорили они американцу. — Наша жизнь будет краше вашей, и города наши будут получше ваших. Впрочем, они и сейчас лучше: по ним не бродят безработные в поисках куска хлеба.

Шуллет никогда не выдерживал спора с горячей, упрямой молодежью. Он либо переходил на ругательства, от которых краснела переводчица, либо просто прекращал разговор.

Шуллет был не единственным американским «специалистом», рассматривавшим свое пребывание в СССР как увеселительную экскурсию, во время которой не стоит утруждать себя работой. Некоторые устраивали пьяные оргии, умудрялись по неделям не выходить на работу. В общей суматохе и тысячах забот, связанных с налаживанием производства, кое-кому из них это до поры до времени сходило с рук. Другим сразу же предложили убраться и не мешать делу, которому они не могли или не хотели помогать.

Но было среди американцев и немало честных, деловых людей, искренне желавших поделиться своим опытом с пытливой советской молодежью. В механическом цехе молодежь быстро нашла общий язык с «Патом и Паташоном», как называли маленького, толстого и добродушного Уорда и его друга Винтона. Мастера Холмс и Маклейн вместе со всем коллективом переживали «орден верблюда», прибитый к дверям литейной, и помогали вытягивать ее из прорыва. В кузнице большим уважением пользовались сухопарый, строгий и молчаливый Болл, полный, широкоплечий, с густыми бровями Гартман, очень любивший, чтобы в свободные минуты комсомольцы читали ему по-русски отрывки из «Гайаваты». Временами, под настроение, он рассказывал о себе: о тяжелом жизненном пути индейца, которому понадобилось железное упорство, чтобы преодолеть бесчисленные рогатки

и стать квалифицированным рабочим, получить право работать на паровом молоте. Помнится, он говорил, что для этого ему пришлось в течение тринадцати лет работать только в одной смене — в ночной.

Были и другие американцы, оставившие по себе добрую память.

Честную, добросовестную работу американцев высоко оценило Советское правительство. Некоторые из них были награждены высшей наградой — орденом Ленина. Многие получили от своих благодарных советских товарищей почетные книжки ударников.

Но учение не было односторонним процессом. Молодежь, жадно учась у американских специалистов обращению с заокеанскими станками, овладевая техникой, стала предлагать новые приспособления к ним, начала превышать проектные мощности станков, агрегатов, цехов, а вскоре она перекрыла запланированную американцами проектную мощность всего завода. Для многих американских специалистов пребывание в Советском Союзе было большой школой новой жизни. Они увидели новое отношение людей к труду, друг к другу и к обществу.

— Любовь к машине, какое-то особо нежное отношение к ее устройству и работе проявились с самого первого дня моего общения с моими юными помощниками, — рассказывал впоследствии Ролло Уорд. — Они меня забрасывали вопросами, не давали мне передохнуть, хватали меня за лацкан пиджака, если им казалось, что я хочу увильнуть или недостаточно охотно им отвечаю. Их интересовал каждый винтик, каждая гайка станка, за которым им предстояло работать. Они не довольствовались малым, они хотели все больше и больше. И тут впервые я понял огромную разницу между капиталистическим строем и строем страны, которую я впервые посетил. Я привык к тому, что у меня на родине капиталистам невыгодно допускать рабочих к тайнам работы станка. Там из них делают дешевых автоматов, все дело которых заключается в передвижке рычага. Здесь, наоборот, всеми поощряется изучение своего станка, считается, что каждый не только имеет право, но обязан знать все тайны

механизма. Здесь хотят быть не двуногой машиной, автоматически выполняющей несложную работу, а живым человеком, заинтересованным в станке, работающим сознательно и планомерно.

В то время как часть его бесчинствовавших соотечественников надрывала глотки, выражая недовольство тем, что дело американцев Луиса и Брауна, избивших негра Робинсона, вызвало такой взрыв негодования по всей нашей стране и привело к высылке этих двух негодяев, Ролло Уорд присматривался к своим русским друзьям, изучал их на работе, в учебе, в быту.

— Я не социолог и в политике, откровенно говоря, слаб, — говорил Уорд. — Не ждите от меня описания значения коммунистического образа жизни как идеала товарищеского общества. Но, даже и не разбираясь в таких премудростях, я могу смело сказать, что моим соотечественникам есть на что посмотреть, есть чему поучиться у моих юных советских друзей. Никогда и нигде я, например, не видел таких изумительных взаимоотношений между юношами и девушками! И это несмотря на то, что они пока еще живут в плохих культурных и бытовых условиях. Я стал приходить к ним все чаще и чаще, они свыклись со мной, и я мог молча наблюдать их во время отдыха и игр. Игры их были веселы, отличались каким-то исключительным молодым, свежим задором, которого не встретишь в «цивилизованных» странах. Мне не трудно было заметить, что они умели учиться.

Ролло Уорд видел, как бережно, по-хозяйски относятся к своему производству молодые советские рабочие, с каким упорством и воодушевлением они осваивают новую технику, как они мечтают и дерзают. И, прощаясь с ними, он говорил:

— О'кэй! Вас никто не остановит. Вы своего добьетесь!

Уорд не ошибся.

...Много воды утекло из Волги, с тех пор как на ее седых берегах молодежь впервые осваивала производство тракторов. Сколько славных страниц вписала за эти годы советская молодежь в историю своей Родины, во всемирную летопись!

Оглядываясь назад, видишь, насколько рядовой американский рабочий оказался более дальновидным, чем многие его высокопоставленные соотечественники. Сейчас и они признают великие плоды раскрепощенного труда. Вот, например, текст телеграммы Уильяма Рандольфа Херста-младшего, ставшего после смерти своего отца во главе крупнейшей газетной империи Америки. Эту телеграмму он отправил в Нью-Йорк перед посадкой в советский реактивный самолет, направлявшийся в Москву:

«Я еду для освещения празднования сорокалетия большевистской революции в Москву, которая, по единодушному мнению европейской печати, является новой столицей мировой науки... Наше представление о России, как о главной технической державе, было несколько туманным. Мы вместе с миллионами людей считали, что мы на несколько лет идем впереди во всех важных исследованиях, происходящих в мире. Едва ли нужно упоминать о потрясающих изменениях, которые произошли с тех пор...»

...По роду журналистской профессии мне в послевоенные годы неоднократно приходилось бывать в США. Каждая поездка расширяла и углубляла мои первые представления об этой стране, начало которым было положено еще в Сталинграде. Просматривая записные книжки, собственные снимки, вырезки и иллюстрации, заимствованные из американских изданий, я решил поделиться накопившимися впечатлениями, главным образом об американской молодежи, о ее горестях и радостях, о том, как сказывается на ее жизни, быте и нравах господство хищных монополий, с какими проблемами ей приходится сталкиваться, в каких трудных условиях в ее среде зреет сознание необходимости и неотложности борьбы за мир и дружбу между народами, за достойную человека жизнь.

Описывая некоторые стороны «американского образа жизни», рассказывая о его проявлениях среди молодежи, автор всегда имел в виду, что американские юноши в целом, особенно трудящаяся молодежь, — это неотъемлемая часть трудолюбивого, энергичного и талантливого американского народа.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Путь от Москвы до Нью-Йорка удивительно короток. Даже если вы будете завтракать в Риге, обедать в Праге, проведете более четырех часов в Париже и битый час станете прогуливаться по бетонированному полю Гандера в Ньюфаундленде, все равно за сутки со Внуковского аэродрома доберетесь до аэродрома Айдуайд. Это уже Нью-Йорк. Правда, и время при этом будет работать на вас: когда в Москве 12 часов дня, в Нью-Йорке только 5 часов утра.

Но в наши дни и такая скорость не кажется пределом. Сидя в комфортабельном воздушном лайнере французской компании «Эр Франс» — он реклами-

руется как новейшее достижение американской авиационной техники, — невольно ловишь себя на попытке подсчитать: насколько быстрее этот огромный путь покрыли бы наши новейшие реактивные пассажирские самолеты, если бы они стали обслуживать такую рейсовую линию.

Да, современная техника удивительно сократила расстояния. И жаль, что искусственно создаваемые барьеры так долго не позволяли использовать столь благоприятные возможности для общения людей.

...В Нью-Йорк я приехал вновь после почти десятилетнего перерыва. Естественно, что меня интересовало, какие перемены здесь произошли.

На площади в триста с небольшим квадратных миль, куда втиснуто свыше 8 миллионов жителей, стало еще теснее. Выросло много новых зданий деловых контор и отелей, обычно повторяющих квадратные формы прежних небоскребов. Новые силуэты появились на Парк-авеню, в уличной теснине Уолл-стрита.

Еще богаче стали витрины на аристократическом Пятом авеню, самой красивой городской магистрали. На ней устраиваются наиболее помпезные парады Американского легиона и других реакционных организаций, призванных раздувать шовинизм. Ассоциация Пятого авеню, только что отпраздновавшая свой золотой юбилей, состоит из рафинированных представителей денежного мешка. Она, конечно, стоит на страже классовой чистоты этой магистрали. Доступ сюда имеет не всякий капитал, а только самый солидный.

Тесно стало рокфеллеровской нефтяной монополии в 30-этажном доме № 26 на Бродвее, и она воздвигла новые роскошные хоромы — блестящий (в буквальном смысле этого слова) 45-этажный небоскреб из нержавеющей стали. Помимо внешнего эффекта, сталь позволила сделать стены более тонкими и выиграть дополнительную полезную площадь.

Корпорация «Сигрэм» свою новую резиденцию сверху донизу облицевала бронзой, а компания «Тишмэн» одела два небоскреба на Парк-авеню в алюминий. То же самое она собирается сделать с 38-этажным зданием, строящимся на Пятом авеню.

На площади Колумба возник «Колизей» — новое просторное выставочное помещение, в котором остро нуждался город. С большим интересом мы осматривали здесь Национальную автомобильную выставку машин 1957 года — первую такую выставку за последние шестнадцать лет.

Кормит, поит и... калечит

Хотя выставка продолжалась всего девять дней, автопромышленники не пожалели средств на рекламирование своей продукции, образцы которой разместились на трех этажах. Наибольшее число зрителей привлекали самые дешевые модели машин, но новшествами, вполне понятно, отличались самые дорогие машины.

Над самой маленькой автомашиной висел рекламный плакат: «Зачем тратить полдня на поиски стоянки для динозавра?»

Проблема «парковки» машин в Нью-Йорке, которая и десять лет назад не была простой, сейчас еще более осложнилась. Человеку часто приходится крутиться вокруг десятков кварталов, окружающих его дом, прежде чем он найдет стоянку для своей машины. Жители города шутят: «Автомашина скоро вовсе вытеснит нас из Нью-Йорка».

Приезжих всегда поражало обилие автомашин в Америке. И. Ильф острил по этому поводу: «Пешеходов нет, все в автомашинах. У них скоро атрофируются ноги, останутся только штучки, чтобы нажимать педали».

Наличие автомашин часто выставляется в качестве главного показателя благополучия и «процветания» рядового американца. Действительно, в Америке больше людей имеют собственные машины, чем в любой другой стране. Автомашина часто служит американцу крайне необходимым средством передвижения на работу, которая находится далеко от его дома, нередко в другом городе; обеспечивает ему «маневренность»; расширяет радиус, в котором он может искать,

находить и удерживать работу. Но утверждение, будто наличие автомашины — гарантия процветания, это чистейшая выдумка. Об этом вам скажет любой честный американец. Правда, в США производство массового серийного автомобиля сравнительно дешево, хотя оно значительно дороже, например, западногерманского, к тому же значительная часть американцев покупает не новые, а уже подержанные машины с длительной рассрочкой их оплаты*. Пока американец имеет работу, он регулярно выплачивает взносы за автомашину, холодильник, телевизор или радиоприемник. Но стоит ему хотя бы временно потерять работу или перейти на сокращенную рабочую неделю, как он оказывается в таких клещах, из которых не может выбраться. Когда в результате сокращения производства в начале 1958 года почти каждый десятый промышленный рабочий в США оказался в рядах безработных, тысячи людей потеряли свои домики, автомашины, холодильники, телевизоры, оказавшись не в состоянии продолжать вносить установленные взносы.

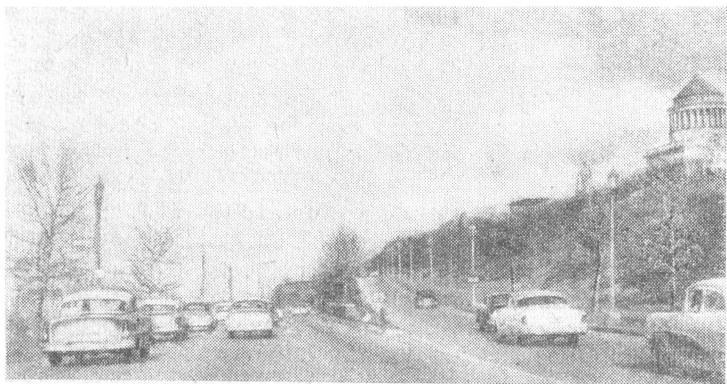
В Детройте, например, число рабочих, выселяемых из домов, за которые они не в состоянии продолжать платить, увеличилось за короткое время в два раза.

Вернемся, однако, к автомобильной выставке.

Новинки автомашин на выставке, как правило, не были радикального свойства и шли главным образом по линии украшения машины, ее внешнего и внутреннего оформления, увеличения числа фар, автоматизации некоторых вспомогательных устройств.

Можно было наблюдать продолжение тенденции к созданию машин с более низкой посадкой и более мощными моторами, с большим использованием стекла, а также алюминия и других цветных металлов на дорогих моделях. Особой роскошью отличались различного типа «кадиллаки», в том числе трехкомнатный «оффис» на колесах, предназначенный для круп-

* Согласно американским данным, из каждых трех продаваемых машин две являются подержанными; более 60 процентов новых автомашин продается в рассрочку.

На дорогах Америки много автомашин.

ных бизнесменов. Такие машины оборудованы множеством разнообразных устройств — телефонами, аппаратами, записывающими директивы хозяина машины и проигрывающими для него краткие обзоры газет, сводки новостей и биржевых котировок, установкой для кондиционирования воздуха и т. д.

Значительно разнообразнее стала расцветка машин. Вам могут предложить «арктически белую» или «лазурно-голубую» машину, «медно-золотую» или «зеленую, цвета распускающейся яблони», хотя стоявший рядом с нами немолодой американец долго доказывал своей жене, что такого зеленого цвета он в природе не наблюдал.

Центральное место на выставке было отведено 36-миллионному экземпляру «шевроле», как бы олицетворявшему могущество американской автомобильной промышленности, от которой зависит заработок каждого седьмого американца и которая поглощает четверть стального проката, три четверти алюминиевого литья, две трети каучука, более половины ковачного чугуна, свыше сорока процентов свинца и более 20 процентов никеля, производимых в стране... Одна

десятая часть населения штатов зарабатывает себе на пропитание, сидя за баранкой грузовика, легковой машины или автобуса.

Но автомашина не только кормит и поит американца — она давит и калечит его.

Конкурентная борьба и погоня за покупателями заставила автомобильные компании состязаться в производстве легковых машин с наиболее мощными моторами и с наибольшей скоростью. Шестиместная легковая машина с мотором в 210—230 лошадиных сил, развивающая скорость до 200 километров в час, стала сейчас весьма распространенным явлением. Это одна из главных причин большого числа катастроф на американских автодорогах. Другая немаловажная причина — заметное увеличение потребления алкогольных напитков в стране.

В результате всего этого автомобиль из удобного средства передвижения, по словам одного американского специалиста, «превратился в опасное орудие разрушения, убийства и самоубийства».

Ежегодно 1 миллион 300 тысяч американцев получают ранения в автомобильных катастрофах, 100 тысяч из них полностью лишаются трудоспособности, а 40 тысяч погибают. Каждый третий американец, умирающий в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, кончает свою жизнь под колесами или под обломками автомашины.

Печать и радио на все лады смакуют сообщения об автомобильных катастрофах. Мы были свидетелями того, как в праздничные дни, когда число катастроф особенно возрастает, радиостанции и газеты, стремясь обогнать друг друга, прерывают обычные программы и выпускают экстренные издания, чтобы с каким-то непонятным азартом передавать сводки о рекордно высоком числе жертв автомобильных катастроф.

«Число жертв превышает прошлогоднее», — гласит аншлаг в газете.

«Предсказания экспертов превзойдены. За рождественские дни на автострадах погибло не 660, как предполагалось, а 703 человека», — торжественно объявляет диктор по радио.

Дворцы и трущобы

Строительство в Нью-Йорке продолжается: то тут, то там, главным образом в центре, с небольших площадок (земля дорога!) устремляются ввысь новые «скребницы неба», еще больше заслоняющие небосклон. Корпорации соревнуются в возведении все более высоких, оборудованных по последнему слову техники контор.

Это своего рода лихорадка. В городе сооружается свыше 100 таких зданий, в том числе новые главные конторы для «АРАМКО ойл», «Юнион карбид», 60-этажный корпус «Голбрит корпорейшн», 47-этажное здание для журнального издательства Генри Люса («Тайм», «Лайф», «Форчун»). Оно дополнит ансамбль из 15 небоскребов Рокфеллеровского центра и займет целый квартал — от 50-й до 51-й улицы.

Крупнейший банк Нью-Йорка — «Чейз Манхэттен» (принадлежит Рокфеллерам) ассигновал 75 миллионов долларов на постройку 60-этажного подобия Рокфеллеровского центра в другой части города. Предполагается, что туда перекочет часть перенаселенных контор Уолл-стрита.

Появились и новые роскошные жилые резиденции, рассчитанные на людей с большими, или, как говорят за океаном, независимыми, доходами. Построено немного жилых домов и для более широкой публики, со средними доходами.

Однако все это не избавляет Нью-Йорк от трущоб. Число людей, вынужденных жить в трущобах, не только не уменьшается, но, наоборот, все более увеличивается. Сотни тысяч горожан буквально осаждают муниципальные власти, требуя строительства недорогих жилищ.

«Наблюдая, как вырастают новые дома, — пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин» по этому поводу, — многие могут подумать, что жилищная проблема разрешается, хотя и медленно, но верно. В действительности это не так, во всяком случае, поскольку речь идет о трущобах...»

Трущобы в городе растут. Специалисты спорят

между собой о точных размерах городской площади, занимаемой трущобами. Одни говорят, что она достигла 4 тысяч гектаров, другие склоняются к большей цифре. Городские власти признают, что полтора миллиона человек живут в домах, которые следует отнести к трущобам или «полутрущобам». Из «традиционных» трущобных районов Восточного Гарлема, Ист-Сайда, Восточного Бронкса трущобы постепенно распространяются на новые кварталы и районы, где жадные до наживы домовладельцы перенаселяют свои дома, стесняют жильцов, взвинчивая квартплату и перестраивая квартиры так, чтобы сдавать их возможно большему числу съемщиков. Спекуляция жильем продолжается вовсю.

В свое время мы были свидетелями того, как началась послевоенная спекуляция жильем. Она особенно затрагивала молодежь: возвращавшихся из армии солдат, молодых людей, начинавших самостоятельную семейную жизнь. Крупные домовладельцы наживались самыми ухищренными способами. Скажем, после долгих поисков молодожены находят, наконец, подходящую свободную комнату или квартиру. Представитель домовладельца при осмотре помещения указывает на стоящее в углу старое, потрепанное кресло и говорит:

— Это кресло стоит тысячу долларов.

— Но эта рухлядь мне вовсе не нужна, тем более за такую фантастическую цену, — пытается возразить будущий жилец.

— В таком случае вам, вероятно, не нужна и комната. Кому нужна комната, тому придется взять и кресло...

Такие сцены повторяются и сейчас.

Для миллионов трудящихся острота жилищной проблемы за эти годы не уменьшилась, а увеличилась, поскольку и без того высокая квартплата еще больше повысилась.

Мы оказались свидетелями очередной перебранки между республиканцами и демократами о том, кто несет большую ответственность за трущобы.

Как-то в воскресенье губернатор штата Нью-Йорк Гарриман, избранный на этот пост от демократической

партии, совершил поездку по районам трущоб и выслушал жалобы на жилищные условия и высокую квартирную плату. Губернатор был вынужден признать справедливость этих жалоб, но вину за создавшееся положение попытался возложить на контролируемое республиканцами законодательное собрание штата.

Не успел Гарриман сделать такое заявление, как законодательное собрание приняло резолюцию, возлагающую ответственность за трущобы на мэра города — демократа Вагнера, и предложило губернатору «немедленно потребовать от Вагнера отчета» в его деятельности в этой области. Гарриман ответил, что не намерен этого делать, так как удовлетворен деятельностью мэра.

Когда мы покидали Нью-Йорк, перебранка еще продолжалась, но решение проблемы трущоб от этого с места не двигалось.

Что еще в Нью-Йорке бросилось нам в глаза? Приятно было отметить, что с Третьего авеню исчезла, наконец, ветхая и грязная, очень шумная и скрипучая надземная железная дорога, отравлявшая жизнь населению многих кварталов. Эта еще недавно запущенная улица, на которую выползали трущобы, сейчас довольно быстро застраивается современными зданиями, в том числе небоскребами. Зато как жаль было узнать, что общественности города не удалось отстоять домик-музей Марка Твена, которым безжалостно жертвовали в интересах земельных спекулянтов.

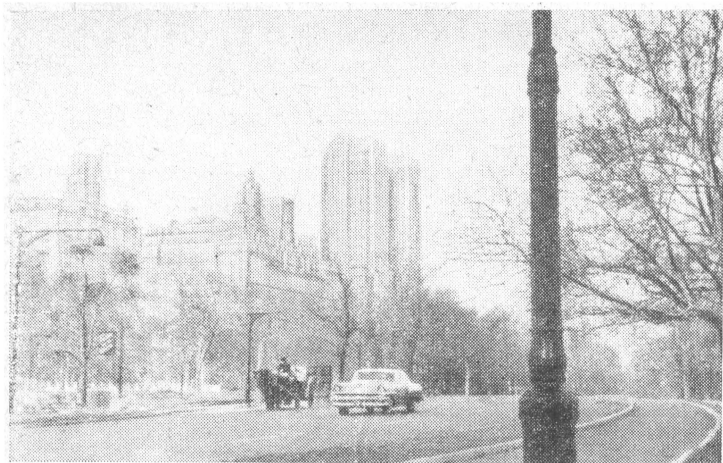
Несколько чище стали улицы Манхэттена, особенно центральные кварталы. В метро, автобусах и повсюду на улицах появились плакаты, настойчиво вопрошающие: «Загрязнил ли ты сегодня Нью-Йорк?» Крупные буквы надписей призывают пользоваться большими корзинами из железных прутьев, выставленных тут же.

Однако по европейским нормам Нью-Йорк остается довольно грязным городом. По пыльным, пропитанным бензиновой гарью улицам ветер разносит обрывки газет и прочий мусор: не хватает уборщиков, говорят, отпускается недостаточно средств.

Весьма разветвленное нью-йоркское метро по-прежнему служит основным видом транспорта для городского населения. Минимальное число служащих быстро обслуживает огромный поток пассажиров. Один-два кассира справляются с продажей круглых жетончиков, заменяющих билеты, а установленные у входов автоматы — турникеты, в которые опускается жетончик, для того чтобы можно было пройти, избавляют от необходимости иметь контролеров. Кстати, в автобусах эта проблема решена еще проще: входить разрешается только спереди, где сидит водитель, который следит за тем, чтобы вошедший пассажир опустил в прозрачный стеклянный сосуд полагающуюся монету. Если у пассажира нет мелочи, водитель быстро заменяет ему бумажные деньги и смотрит, как тот опускает монету. Водитель — единственный человек, обслуживающий машину.

В метро появилось еще больше автоматов, продающих сладости, папиросы, большой ассортимент холодных и горячих напитков. Таких автоматов очень много во всех американских городах. По данным статистики, объем продажи товаров автоматами за десять лет возрос в тридцать раз и достиг почти 2 миллиардов долларов. И это несмотря на снижающуюся покупательную способность населения. Автоматы приносят большую прибыль. Им не нужно платить зарплату. Они вытесняют большое число работников торговли. На устроенной в Чикаго выставке демонстрировалось много интересных образцов таких машин. Автоматы принимали деньги, выдавали сдачу, выбрасывали покупателям большой ассортимент товаров — от тушеных устриц и горячего бульона с крекерами до комплектов косметических принадлежностей.

Не изменилось, к сожалению, за эти годы само нью-йоркское метро. Слабое освещение, сырость и грязь делают его очень неприветливым. На станциях так темно, что в большинстве случаев невозможно читать газету или книгу. Правда, и тут мы наблюдали небольшой сдвиг: после долгих споров решено было, наконец, улучшить освещение центральной станции

В Сентрал-парке можно проехаться и на извозчике.

«Таймс-сквер» на Бродвее. До сих пор эта станция, как и все другие, была плохо освещена. Теперь теоретически ее освещение усилено в девятнадцать раз, но более яркий свет особенно подчеркнул грязь и запущенность нью-йоркской подземки...

— Теперь, когда стал виден потолок, — сказал представитель администрации, — нам придется, пожалуй, его покрасить.

Ехавший с нами в метро французский корреспондент заметил:

— Меньше бы тратили на гонку вооружений, меньше было бы таких проблем....

Я вспомнил об этом, когда на одном приеме беседовал с редактором американского медицинского журнала. Он говорил о росте заболеваний, особенно сердечно-сосудистых. Печать много пишет об этом и призывает жертвовать «никели» (пятицентовые монеты) в фонд научно-исследовательских и лечебных учреждений. По всему городу расставлены кружки, с помощью которых у населения собирают гроши на эти цели.

При нас устраивались специальные «сердечные» воскресенья, недели и месячники по сбору средств. Члены городской ассоциации по сердечным заболеваниям ходили из дома в дом, чтобы собрать полтора миллиона долларов на лечебные мероприятия.

— Почему же при таких больших налогах, какие существуют в вашей стране (636 долларов на душу населения), столь неотложные нужды нельзя финансировать из государственного бюджета? — спросили мы своего собеседника.

Редактор пожал плечами. По лицу его трудно было судить, знает ли он ответ. Тут я вспомнил про французского журналиста — тот знал.

Знают его, конечно, и очень многие американцы.

Заботы простых людей

Жизнь рядового американца далеко не так спокойна и беззаботна, как пытаются изобразить американские иллюстрированные журналы и голливудские кинокартины. Что же тревожит его, или, как говорят в штатах, отчего у него голова болит?

Высокие налоги, непрерывный рост квартплаты и цен — самая распространенная тема разговоров. Это также тема газетных карикатур, эстрадных куплетов, анекдотов, которые вы услышите по радио или по телевизору независимо от того, включите ли популярные телепередачи Эда Салливэна или его главного конкурента — Стива Аллена.

В Нью-Йорке, как и в других американских городах, цены растут на все, начиная от хлеба и ботинок и кончая стоимостью проезда в метро. Однажды я спросил одну американку, жаловавшуюся на дороговизну: «На что за последние годы цены не выросли?» Она долго думала и, наконец, сказала:

— На автоматических весах, установленных в метро, можно взвеситься за прежнюю плату, а на некоторых даже получить вдобавок гороскоп, который обещает быстрое обогащение, избавление от долгов и другие приятные вещи. Не поднялись цены пока и на

медный жетон со словами молитвы, который за мелкую монету выбрасывают автоматы в лавочках на Бродвее...

Больше она ничего не могла припомнить и опять принялась перечислять, насколько вздорожали продукты, одежда, домашняя утварь.

В ходе предвыборных кампаний кандидаты давали обещания снизить налоги. Эти обещания не выполнены и, по единодушному мнению печати, в ближайшее время не могут быть осуществлены из-за роста военных ассигнований. Речь идет скорее о новом повышении косвенных налогов. И действительно, такой выход предложила Национальная ассоциация промышленников. Она выступила с требованием введения дополнительных налогов почти на все товары широкого потребления.

Вот как, по сведениям печати, реагировали на это жители Нью-Йорка:

Тереза Сапот (работница из Бронкса):

— Я целиком за новые налоги, если только их возьмут на себя промышленники. Они, безусловно, смогут их выдержать лучше, чем потребители, которые сейчас несут главное бремя.

Ида Шмидт (домохозяйка из Манхэттена):

— Страшно даже думать об этом. Сколько можно из нас выжимать? Вот если бы промышленники платили нашим мужьям столько, сколько полагается, нас бы это так не трогало.

Инге Уолф (тоже домохозяйка из Манхэттена):

— По-моему, это ужасно. Цены и так уже высоки без дополнительных налогов. Разве промышленникам мало тех прибылей, которые они получают?

Зигмунд Уффер (мелкий предприниматель):

— Я категорически против. Новые налоги не только заденут мелких предпринимателей, но могут их совершенно разорить.

Уффер знает, что дела мелких предпринимателей оставляют желать лучшего. Число банкротств сейчас больше, чем в кризисном 1932 году.

Следует, конечно, иметь в виду, что экономическая конъюнктура в Соединенных Штатах в последние годы

была относительно высокой, как и занятость в большинстве отраслей промышленности. Многие семьи жили на две и даже на три заработные платы — главы семьи, жены, сына или дочери. Им, естественно, несколько легче было переносить бремя налогов и высоких цен. Теперь же жалобы на трудности жизни так широко распространены, что их не могут более не замечать приукрашивающие действительность буржуазные газеты.

Печать напоминает американцам о неустойчивости экономики, о новом кризисе. Финансовые страницы газет пестрят неутешительными сведениями о состоянии производства и положении на рынках. Рядовой американец мало интересуется биржевыми котировками, а то и вовсе не разбирается в них. Но если завод, где он работает, переходит на четырех или даже на трехдневную рабочую неделю с соответствующим сокращением заработка или вовсе закрывается и рабочих извещают, что они могут «отдохнуть в течение неопределенного времени», то рядовой американец, которого кормят его руки, не может не реагировать на это.

Первой экономической кризис или «спад» ощущает молодежь. Она составляет значительную часть наименее обеспеченной, наиболее слабо организованной и защищенной части пролетариев. Даже в периоды относительно высокой конъюнктуры, когда легче найти и удержать работу, молодежь образует наибольшую прослойку подсобной и малоквалифицированной рабочей силы, получающей самую низкую заработную плату. Согласно официальной статистике, молодые рабочие, которых относят к «низшим категориям», составляют 20 процентов общего числа рабочих, но получают лишь 3 процента общей заработной платы.

Сильно сказывается на рабочей молодежи и автоматизация, которая приводит к увольнению в первую очередь малоопытных, неквалифицированных рабочих.

Рабочая молодежь очень остро чувствует колебания американской экономики. Среди 15—20 миллионов безработных в тридцатых годах было немало молодежи, вступившей в жизнь с клеймом «безработный». Один миллион юношей и девушек, покинув голодные

семьи, в поисках работы и куска хлеба скитались по дорогам Америки. Их прозвали «потерянным поколением». Теперь их дети, выросшие в годы относительного «процветания», вызванного войной и благоприятными для американской экономики послевоенными факторами, сталкиваются с многими невзгодами, которые в свое время выпали на долю их отцов. Безработица среди молодежи, так и не исчезающая за эти годы, временами принимает значительные размеры. В начале текущего десятилетия среди молодежи шестнадцатилетнего возраста насчитывалось 20 процентов безработных; двадцати-двадцатичетырехлетнего возраста — 11 процентов и т. д. Сейчас, к концу пятидесятых годов, безработица снова растет, усиливая тревогу трудовой молодежи.

Реакционная пропаганда убеждает молодежь, что ее надежды на получение работы, на хорошие заработки и обеспеченную жизнь неразрывно связаны с войной и подготовкой к ней, с гонкой вооружений.

— Мы можем двигаться в одном из двух очевидных направлений, — заявил автомобильный король Америки Генри Форд II. — Одно из них — война, другое — банкротство.

Монополистические круги, связанные с военным производством, настойчиво внедряют эту мысль. Но миллионы рядовых американцев на деле убедились, что война и подготовка к ней означают для них лишь новые тяготы, лишения и ограничения. Тем, кто говорит: война или банкротство, они отвечают: ни то, ни другое — есть иной путь, путь, отвечающий национальным интересам страны. Это путь переговоров, путь мира и сотрудничества государств и их народов. Такой путь открывает перспективу решения многих насущных проблем, упирающихся в нехватку бюджетных ассигнований, три четверти которых направляются на непроизводительные военные расходы. Сколько средств в таком случае высвободилось бы, скажем, для борьбы с засухой в зоне, где проживает 20 миллионов американцев, для борьбы с серьезнейшими болезнями, на расширение крайне нужного жилищного строительства...

Многие проблемы тревожат американцев. Немалое место среди них занимают вопросы обучения и воспитания молодежи. Деятели просвещения и печать давно бьют тревогу по поводу плачевного состояния начальной и средней школы — нехватки помещений, квалифицированных учителей, низкого уровня преподавания многих дисциплин.

— Американские дети получают сейчас меньше знаний, чем их дедушки и бабушки получали пятьдесят лет назад, — заявил президент Совета по вопросам просвещения профессор Артур Бестер.

В газетах вы можете прочитать сообщение о том, что «низкооплачиваемые учителя штата Нью-Джерси, потерпев поражение в десятилетней борьбе за повышение жалованья, решили перейти на другую работу». Подобные сведения поступают и из других штатов.

Выступая в Нью-Йорке на конференции мэров, жаловавшихся на плохое состояние школ и требовавших помощи от правительства, вице-президент Никсон летом 1957 года предупредил муниципалитеты, что ввиду больших военных расходов им не следует надеяться на финансовую помощь федеральных органов. Такую же позицию занял и конгресс.

Надо было присутствовать в палате представителей во время обсуждения законопроекта об ассигнованиях на школы, чтобы убедиться, как далеки были помыслы большей части депутатов от интересов избирателей, которых они представляют. Высказываясь против законопроекта о строительстве школ, Джон Гендерсон (из штата Огайо) сказал: «Нам нужно остерегаться тех зловещих сил, которые скрываются за такого рода предложениями... За ними маячат силы социализма, которые надеются, что будет принят законопроект о школах». А член палаты представителей от Флориды Мэтьюз с видом знатока говорил, что он вообще не видит надобности в строительстве школ. Детей можно обучать и без школ, заявил этот законодатель.

Усилиями большей части депутатов школьный законопроект провалили.

В витрине надпись: «Прекращаем торговлю». Хозяева разорились и назначили дешевую распродажу товаров. В таких случаях большие очереди выстраиваются с ночи.

Американцы рассказывают о тревожно большом количестве детей, бросающих школу из-за материальных трудностей. Многим школьникам, старшим и даже младшим, приходится сочетать учебу с работой, зачастую тяжелой. На учебу и чтение дома в таких случаях времени, конечно, не остается. Каникулы целиком идут на то, чтобы заработать немного денег, помочь семье.

«Бакалейщика обвиняют в чрезмерной эксплуатации ребят», — читаем мы заголовок в «Вашингтон стар», рассказывающей, как крупный бакалейщик заставляет тринадцати-пятнадцатилетних школьников работать в каникулы семь дней в неделю по пятнадцать-шестнадцать часов в день. За такой тяжелый труд они получают по 15 долларов в неделю.

Рост цен и инфляция создают дополнительные проблемы для очень многих студентов. Плата за обучение в высших учебных заведениях США велика и постоянно растет. Проведенное в 1957 году обследование 75 высших учебных заведений показало, что подавляющая их часть испытывает серьезные финансовые затруднения и намерена повысить плату за обучение. В начале 1958 года плата действительно была повышена на несколько сот долларов в год. Это приведет к еще большему отсеву студентов из трудящихся семей и даже из средних классов.

«Высокая стоимость расходов, связанных с получением диплома врача, — пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — суживает прослойку населения, поставляющую будущих врачей». Будущий врач, по данным журнала, должен израсходовать не менее четырнадцати тысяч долларов только за первые четыре года обучения (по 3 500 долларов в год). Такие расходы под силу только самым богатым семьям. Тут, конечно, трудно рассчитывать на то, что студенты из трудовых семей сумеют заработать такие большие деньги, совмещая учебу в институте с работой сторожа, буфетчика, грузчика. Многие студенты так именно и учатся. Студентки подрабатывают в качестве машинисток, стенографисток, маникюрщиц, продавщиц, медсестер, домашних работников, уборщиц. Многие за небольшую плату присматривают за детьми в чужих семьях. Это широко распространенное занятие получило название «бэби ситтинг». Некоторые умудряются сочетать работу в нескольких местах с учебой.

Мы познакомились с одной студенткой Колумбийского университета, которая ежедневно работает три часа машинисткой в адвокатской конторе, по вечерам — библиотекарем. Кроме того, она бесплатно обслуживает семью, в которой ей предоставили угол.

— Когда же вы занимаетесь? — спросили мы ее.

— Сутки имеют двадцать четыре часа. Я не привыкла много спать, — ответила девушка.

Бледное лицо, впалые щеки, темные круги под глазами подтверждали это.

В таких университетах, как Массачусетский и Принстонский, число студентов из очень состоятельных семей составляет значительно больший процент, чем в других высших учебных заведениях страны. Эти студенты здесь просто господствуют. Но и в этих институтах повышение платы за обучение, общежитие и других расходов вызывает бурное возмущение студентов. Более пятисот студентов Массачусетского технологического института (МТИ) в Кембридже устроили весной 1957 года демонстрацию в знак протеста против плохого качества питания и повышения на 11 процентов платы за общежития. В результате столкновения демонстрантов с полицией было ранено 8 полицейских и 1 студент. Полиция арестовала 31 студента.

Даже при существующей высокой плате за обучение, многие вузы не в состоянии покрыть свои расходы и обращаются за субсидиями к крупным магнатам, устанавливающим соответствующую опеку над этими учебными заведениями. Доктор Фрэнк Спаркс, президент Уобашского колледжа, опубликовал доклад, в котором он привел такие данные: за один год 455 руководителей высших учебных заведений обивали пороги 20 тысяч корпораций, чтобы просить у них денег и покровительства. «Руководители высших учебных заведений, — сказал он, — все больше и больше свыкаются с этой своей коммивояжерской функцией». За один год крупные корпорации дали вузам 100 миллионов долларов. Бизнесмены не привыкли бросать денег на ветер. Само собой разумеется, что, подчинив себе попечительные советы, они влияют на учебные программы и всю жизнь опекаемых ими университетов, институтов, колледжей, стремясь приспособить их к своим нуждам.

Некоторые американцы склонны считать это одной из причин снижения общего академического уровня в высших учебных заведениях, о чем в американской прессе пишут много после запуска Советским Союзом первых в истории человечества искусственных спутников Земли и других ярких доказательств быстрого развития советской науки и техники. Профессор Ко-

лумбийского университета Барзан жаловался, что аспирантские диссертации «утратили свое первоначальное назначение, выродившись... в представление рукописи определенной длины и формы — скорее исполнение ритуала, нежели порождение свежей мысли».

Министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения Фолсом, говоря об общем состоянии образования в своей стране, обратил внимание на то, что американские студенты ежегодно в среднем имеют вдвое меньше учебных часов, чем студенты советских вузов. А президент Массачусетского технологического института Дж. Киллиан (ставший позднее специальным помощником президента США по вопросам науки и техники) в статье, озаглавленной «Невидимый кризис в науке», жаловался на слабую подготовку учеников средней школы, поступающих в институт, на нехватку средств, засилие коммерческих принципов в американских учебных заведениях, на широко распространенное презрительное отношение к науке и ее представителям.

Многие иностранцы также указывают на снижение уровня образования в американских высших учебных заведениях.

Например, английский журналист Джон Браун, изучавший учебные программы в этих вузах, пришел к выводу, что обучение здесь ниже европейских стандартов.

— Диплом об окончании американского высшего учебного заведения, — говорит Браун, — это в большинстве случаев свидетельство о способности приступить к освоению какой-нибудь высшей конторской или технической специальности в зависимости от профиля учебного заведения. Диплом рассматривается как своеобразный вступительный взнос на право принадлежать к классу служащих. Но даже при этом низком уровне требований примерно половина лучших выпускников средних школ не может продолжать обучение в высших учебных заведениях по финансовым причинам. Очень многим американским студен-

В Массачусетском технологическом институте студенты устроили демонстрацию протеста против повышения платы за учебу, общежитие и питание. Многих демонстрантов арестовала полиция.

там приходится подрабатывать, чтобы продолжать учебу...

Американские деятели в области просвещения говорят: «Следует значительно увеличить финансовую помощь, чтобы поощрять нуждающихся талантливых студентов». Но этим уже занимаются крупные монополии, которые через своих представителей в вузах стараются высмотреть, подобрать и «приручить» будущих талантливых инженеров, ученых, организаторов производства и коммерции, купить их «на корню» вместе с умом и сердцем. Даже бывший сенатор Герберт Лимэн, выступая в коммерческой школе имени Баруха в Нью-Йорке, выразил беспокойство по поводу усилившегося влияния крупных монополий на формирование мировоззрения студентов и молодых специалистов.

— Крупные корпорации, — говорил Лимэн, — выискивают и «поглощают» наиболее талантливую студенческую молодежь. Большой бизнес ломает индивидуальные взгляды и склонности в пользу регламентации и единообразия. Свыше девяноста процентов инженеров, занимающихся научными исследованиями, и ученых работают на большой бизнес. Гигантские корпорации, располагающие громадной властью, простирающейся на столь многие области нашей общенациональной и личной жизни, несут ответственность только перед бухгалтерской книгой, отражающей баланс и прибыль. Многообещающим специалистам они предлагают хорошее жалованье, обеспечение, продвижение. Но что хуже всего — и об этом часто забывают — они навязывают им определенный образ жизни. Корпорация «Дженерал электрик», например, в специальной брошюре предлагает своим кадровым служащим не проявлять интереса к каким-либо «спорным» проблемам. Многие студенты, собирающиеся работать на предприятиях таких корпораций, заранее прислушиваются к таким советам.

«Холодная война» на внутреннем фронте, разгул реакции, маккартизм создали атмосферу гнетущего страха в стране. В печати часто появляются статьи,

в которых буржуазные публицисты и писатели называют молодежь своей страны «безгласным», а то и «циничным» поколением.

На это обратил внимание и лидер английских лейбористов Эньюрин Бивен во время своей поездки в США в конце 1957 года. Характеризуя доминирующие черты «американского образа жизни», Бивен назвал три из них: засилие рекламы, страх, ненависть. «Страх потерять работу, страх перед тем, что могут подумать, что ваше мнение противоречит мнению ваших работодателей», — говорил Бивен. Ссылаясь на беседы с американскими профессорами, Бивен отмечал, что «даже студенты, заканчивающие учебу... боятся, как бы их высказывания не были использованы против них, когда они станут искать себе работу».

Многие молодые американцы отдают себе отчет, к чему это ведет и уже привело.

— Мы являемся поколением покорных, — заявил двадцатичетырехлетний старшекурсник колледжа в Утике Дональд Фелпс. — Наши отличительные черты — апатия, слабость духа, принятие на веру всего, что нам говорят. Мы к тому же безгласное поколение из-за существующей политики. Мы боимся придерживаться определенных взглядов и высказывать их, так как опасаемся, что нас потом могут вызвать в сенатскую комиссию по расследованию, нас будут преследовать за идеи, которых мы придерживались четверть века назад, в детские и юношеские годы.

Характеристика, данная Фелпсом своим сверстникам, служит убийственной аттестацией того общества, которое их воспитало и стремится выращивать поколения бездумных, безгласных, покорных автоматов. Но Фелпс напрасно умолчал о большой — и все более растущей — части молодых американцев, которые не желают мириться с установленным монополиями образом жизни. О том, что они не сидят сложа руки, говорит усиление забастовочной борьбы, подъем движения за раскрепощение негритянского народа, борьба за демократические и гражданские права,

против агрессивной внешней политики, которая тяжелым бременем давит налогоплательщика и все больше ущемляет интересы молодежи.

Правда, немало американцев, — их, пожалуй, больше всего среди молодежи, чье мировоззрение формировалось в годы «холодной войны», — все еще находится в плену иллюзий, ложных представлений и идей, навязанных империалистической пропагандистской машиной.

Несмотря на газетные шоры

Беседуя с американцами, часто поражаешься крайней неосведомленностью многих из них в весьма важных международных вопросах. Для иностранца это кажется тем более странным, что газеты здесь выходят на многих страницах («Нью-Йорк таймс» ежедневно насчитывает более 30 страниц, а ее воскресное издание вместе с приложениями весит до 2 килограммов). Но, несмотря на обильную площадь, которой располагают газеты, и большую корреспондентскую сеть, информация доходит до американского читателя в таком «просеянном» и «отработанном» виде, что создает грубо тенденциозную, искаженную картину международного положения и жизни других народов, особенно в странах социалистического лагеря.

Достаточно привести всего лишь несколько примеров. Распространенный ежемесячный журнал «Макколз мэгэзин» (его тираж приближается к 5 миллионам) провел опрос среди населения и выяснил, что 30 человек из 100 не знают, какой город является столицей СССР; 70 процентов не могли назвать ни одного русского писателя; половина ответила отрицательно на вопрос, имеются ли в Советском Союзе бесплатные государственные школы; один из четырех, окончивших среднюю школу, не мог ответить, является ли СССР членом ООН. На вопрос, «хотите ли вы поехать в Россию?», половина опрошенных мужчин ответила утвердительно, а двое из

каждых трех женщин — отрицательно, причем одна из этих женщин даже пояснила, чем вызваны ее опасения: «Это слишком опасно, — сказала она. — Они убивают американцев...»

Подобные ответы дают наглядное представление о том, как американская печать, радио и телевидение «информируют» граждан своей страны о Советском Союзе.

Как-то вечером в Нью-Йорке мы включили телевизор и, услышав знакомый голос диктора, днем и ночью рекламирующего «Лексойл»*, хотели было выключить его, как вдруг услышали:

— Сейчас начнется специальная программа: «Москва вечерняя».

Передача носила характер вопросов и ответов. Вопросы задавал обозреватель компании «Нэйшнл бродкастинг систем», а отвечал на них московский корреспондент этой компании Ирвинг Левайн, прибывший в Нью-Йорк. Временами «для большей убедительности» он включал кадры заснятой им киноплёнки. Корреспондент явно стремился нарисовать тусклую картину вечерней Москвы.

— Вы привезли меню московского ночного клуба?

— Да, вот оно.

Корреспондент упоминает лишь самые дорогие блюда московского ресторана. Показывает заснятые где-то кадры единоборства человека с туго поддающим ножу бифштексом.

— Дошел ли рок-н-ролл до Москвы?

— Да, дошел.

— Верно ли, что «Правда» и «Известия» в передовых статьях нападают на рок-н-ролл?

— Да, эти газеты критиковали рок-н-ролл, но молодежь им увлекается, — безапелляционно отчеканивает корреспондент.

— Верно ли, что правительство тратит больше денег на театры, чем на ночные клубы? — торжествующе спрашивает обозреватель.

— Верно, — на сей раз правдиво подтверждает

* «Лексойл» — жидкость для чистки домашней утвари.

корреспондент. Он даже показывает кадры, заснятые в Большом театре. Но объектив своего киноаппарата он умудрился направить не на сцену или публику, а на расписной потолок театра и его люстры. Затем он демонстрирует несколько сценок, заснятых в московском цирке. Обозреватель неуклюже пытается высмеять лозунги мира, развешанные повсюду в Москве, не подумав о том, что американские телезрители могут сравнить их с призывами к войне, которые нередко появляются на страницах американских газет и журналов. Далее он показывает танцующую советскую молодежь, стараясь найти унылые лица, наименее опрятно одетых людей, и снабжает эти кадры мрачными комментариями.

Тут я вспомнил про московского корреспондента «Коламбия бродкастинг систем» Даниэля Шорра, который в эти же дни в каком-то приливе откровения писал на страницах одного американского журнала: «Мы смотрим на Россию сквозь затуманенное, а иногда и разбитое стекло».

Вот уж поистине меткая характеристика приемов некоторых американских корреспондентов, в том числе и самого Шорра, который, например, усердно искажал события VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Следует, однако, добавить, что иные американские обозреватели не пытаются скрывать, что информация отбирается и фильтруется в их газетах для определенной цели: оправдать расходы на гонку вооружений. «Большинство американцев знает о внешних отношениях столько, сколько им следует знать: эти отношения требуют повышения налогов», — заявил небезызвестный журналист Джордж Сокольский из газеты «Нью-Йорк джорнэл — Америкэн».

Но при всей своей слабой осведомленности американцы живо и часто весьма остро реагируют на те или иные авантюристические затеи дипломатического ведомства своей страны. Они инстинктивно угадывают, какая за этим кроется опасность.

Во время нашего пребывания за океаном была провозглашена пресловутая «доктрина Даллеса—

Эйзенхауэра». Развернулась большая пропагандистская кампания, целью которой было, как выражаются в Америке, «продать» эту доктрину народу. Но в стране нашлось мало покупателей на этот товар. В дни обсуждения доктрины в конгрессе избиратели наводняли канцелярии депутатов письмами, полными тревоги и негодования по поводу «нефтяной доктрины». Как сообщала «Нью-Йорк таймс», житель Такомы (штат Вашингтон) писал, что в новой доктрине он «чувствует запах нефти», а избиратель из штата Нью-Йорк предупреждал, что при новой аванюре «достаточно оступиться, чтобы скатиться туда, откуда нет возврата».

Газета «Дейли ньюс», самая распространенная в Нью-Йорке, любит задавать «человеку с улицы» глупые вопросы, например: «Что бы вы предпочли потерять — зубы или волосы?» Однако недавно она провела опрос на более серьезную тему: «Что, по вашему мнению, должен осуществить Эйзенхауэр во второй срок своего пребывания на посту президента?»

Вот полученные ответы:

Джерри Фэйн (молодой продавец с авеню Шекспира, Бронкс):

— Обеспечить более прочную основу для мира... Я — призывник, отправляюсь на действительную службу и хочу возвратиться обратно.

Марсия Дейтч (молодая работница магазина, Манхэттен):

— Я хочу, чтобы президент разработал более широкую внешнюю политику, способную обеспечить нам уважение и дружбу других наций. Мне также хотелось бы видеть более справедливое распределение налогового бремени.

Бадди Малфетано (мужской портной, Третье авеню):

— Я был бы рад, если бы он достиг соглашения с русскими по вопросу о водородной бомбе.

Джозеф Вэрон (продавец, Центральное авеню, Бруклин):

— Если бы ему удалось держать Соединенные

Штаты подальше от союзов типа НАТО, это было бы его величайшим достижением. Подумайте, насколько лучше было бы наше положение! Полученная денежная экономия позволила бы провести сокращение налогов.

Выражая свои опасения в связи с упорным отказом влиятельных кругов пойти на ослабление международной напряженности, Джон Уиндер, житель Джексонвилла (Монтана), ясно сказал:

— Американский народ не хочет никакой войны, даже малой; мир нужно обеспечить, пока еще можно предотвратить войну.

Такие мнения мы слышали от многих. Рядовые американцы не считают гонку вооружений средством избавления от своих забот и облегчения своих нужд. Это представляется им чрезвычайно опасной и чересчур дорогостоящей затеей.

Ти Вон Ли едет в Америку

Ти Вон Ли, девятнадцатилетний юноша из Южной Кореи, хорошо знал английский язык. Оглядываясь назад, он думает, что в этом, быть может, и заключалось его несчастье. Жадно читал он доходившие до него красочные американские журналы. С их обложек, с прекрасной глянцевой бумаги на него смотрели ослепительно красивые, вечно веселые девушки. Они настойчиво приглашали покупать душистое мыло и электрические бритвы, консервированные сосиски и чудесные автомобили новейших марок. Девушки были настолько милы, что даже не упоминали о стоимости таких машин. Да разве это проблема там, в Америке? Там все возможно, все доступно.

Когда он временами наталкивался в каких-нибудь журналах на рекламу пилюль от головной боли, которые предлагала американская красавица, Ти Вон Ли сперва думал, что это какое-то недоразумение или что реклама предназначена не для них, американцев, а для таких, как он, корейцев. Потом

возникала мысль: эти американцы — чудаки, у них небось голова болит от хорошей жизни.

Говорил же ему американский солдат, с которым он встречался в Пусане: «У нас все не так, как у вас. У нас даже ты был бы человеком. Ты мог бы учиться, получить хорошую работу — все, что хочешь».

Ти Вон Ли все чаще задумывался.

То, что говорил ему солдат, подтверждали американские журналы. Он смотрел также много картин, поставленных в лучших киностудиях Голливуда. И жизнь в далекой Америке представлялась ему такой, какой он ее видел на экране, — безмятежной, полной благополучия и достатка. Хочешь работать — пожалуйста, выбирай себе работу по душе. Хозяин днем и ночью будет думать о твоём благе. Ведь в Америке нет ни классов, ни классовой борьбы, ни бедных, ни богатых, хотя богатые, впрочем, имеются — все американцы богатые. А если ты и слышишь о каких-то забастовках, так ведь это все «красные» мутят воду, они всегда чем-то недовольны. Ты будешь зарабатывать большие деньги, обзаведешься машиной, домом, семьей. Живи себе не тужи. А может, захочешь учиться, стать инженером, врачом, агрономом, писателем? Пожалуйста! Разве ты не видел на страницах «Лайфа» счастливую жизнь американских студентов — просторные лектории, залы, чудесные лаборатории, прекрасные общежития, пансионы, лучшие спортивные команды.

Как все это отличалось от тяжелой, полной нужды, серой и безрадостной жизни на его родине, в Южной Корее.

И Ти Вон Ли принял решение...

Не без труда ему удалось устроиться на работу в Пусанском порту. Вскоре он бежал на американском грузовом пароходе.

Бегством это, собственно говоря, трудно было назвать. Американцы охотно набирают в других странах, особенно в Азии и Латинской Америке, молодых моряков для выполнения наиболее тяжелой и грязной работы на своих пароходах. В этом есть большая вы-

года: иностранцам, тем более если они «беженцы», можно платить гроши и держать их в черном теле — за них некому заступиться. Они становятся своеобразными узниками, их жизнь и судьба — в полном распоряжении капитана. А опытный капитан знает, как этим пользоваться.

Поэтому, когда корейского юношу на следующий день «обнаружили» спрятавшимся на пароходе, никто не был огорчен этим обстоятельством, разве только сам Ли, для которого поездка в Америку оказалась далеко не увеселительной прогулкой.

— Я говорил им, — рассказывал он потом, — что хочу поехать в Америку — хорошую страну, что я хочу учиться, получить образование.

В ответ раздавался хохот.

Но делать было нечего. Ли ехал в Америку, в обетованную страну. Он еще им покажет, на что он способен! Он не будет жалеть своих молодых сил. Он станет человеком, его будут уважать, с ним будут считаться.

Так он прибыл в Нью-Йорк. Ли удалось бежать с парохода, который ему успел опротиветь. Он твердо решил, что это будет его первая и последняя работа на американском корабле.

Первые дни жизнь казалась такой, какой он ее себе и представлял: вертящиеся и скачущие огни неоновых реклам, шикарные машины, роскошные витрины магазинов. В кармане у него были сбережения — 350 долларов. Это все, что он сумел накопить за свою жизнь. Но он еще совсем молод, жизнь впереди, она, можно сказать, только начинается. И у Ли было легко на душе.

Однако веселых и радостных дней оказалось не так много. Уже в первый день своего пребывания в Нью-Йорке, гуляя по Мэдисон-авеню, он встретил нищего. Тот стоял у кафетерия с протянутой шляпой. Никто не обращал на него внимания. Ли дал ему «никель» и задумался. Впрочем, когда он вышел на Бродвей, мрачные мысли рассеялись. Их отвлекали ловко устроенные рекламы, призывавшие пить только пиво «Шеффера», покупать автомашины только

«Шевроле», а штанами запастись только у фирмы «Бонд».

Ли был огорчен. Ему не удалось сразу устроиться в Нью-Йорке, этом большом и шумном городе с его заманчивыми рекламами и призрачными силуэтами небоскребов. Но в конце концов на Нью-Йорке свет клином не сошелся. И он попытал свое счастье в других городах. Там ему тоже решительно не везло. Казалось, что на каждом шагу возникают какие-то непредвиденные препятствия. Он снова пересчитал остатки своих сбережений и купил билет в первом попавшемся междугородном автобусе.

Так он попал в Буффало. Но и в Буффало его ждали разочарования. Ли уже давно потерял надежду найти интересную работу, которая позволила бы ему чему-то научиться, получить специальность. Его единственной мечтой стало приобрести хоть какой-нибудь заработок. Ли готов был согласиться на любую работу, лишь бы ему хоть немного платили, — так, чтобы хватало на обед. Но корейца не хотели брать на работу. Кое-где ему отказывали в вежливой форме, в других местах просто прогоняли.

Когда в кармане у него оставалось двадцать шесть центов и бесследно исчезли последние иллюзии насчет обетованной страны, усталый и измученный Ли постучал в дверь полицейского участка. Юноша был сыт по горло «американским образом жизни». Он готов был вернуться даже в Южную Корею.

— Я хочу признаться, — быстро проговорил он. — Я больше не могу...

Ти Вон Ли сдался американской полиции.

«Шайн?»

В Нью-Йорке очень много чистильщиков обуви, значительно больше, чем в Лондоне, Париже или Москве. Их там, быть может, больше, чем в каком-либо другом городе на нашей планете. Чем это объясняется, я не берусь судить: тем ли, что капризный

климат с меняющейся по несколько раз в день погодой предъявляет какие-то особые требования к обуви обитателей этого гигантского города, или тем, что постоянное, на протяжении десятков лет обилие не находящих применения рабочих рук позволило создать так много «чистильных пунктов» на улицах и площадях, в станциях метро и на вокзалах, в каждой парикмахерской, у кафетериев, ресторанов, спортивных площадок, магазинов, кинотеатров.

В некоторых местах установлены автоматы: бросив монету, вы затем подставляете под вертящиеся щетки то один, то другой ботинок, пока они не очищаются от пыли и на них не появляется подобие глянца. Автоматов этих немного даже в Нью-Йорке, они очень несовершенны, и ими мало кто пользуется. Владельцам крупных трестов, прибравшим к своим рукам и этот бизнес, видимо, выгоднее применять ручной труд, чем совершенствовать свои автоматы. Иногда они, правда, сочетают ручную работу с автоматизацией несложных операций — это дает им возможность платить меньше рабочим и пропускать больше клиентов.

Свернув с центральной части Бродвея у Таймсквер на залитую огнями электрических реклам кинотеатров, магазинов и баров 42-ю улицу, вы уже через сотню метров увидите многоцветную неоновую надпись «Автоматическая чистка обуви». Зайдя в узенькую, грязную, кажущуюся особенно мрачной после ярких уличных огней лавчонку, вы, к своему удивлению, увидите, что в этой «автоматической чистилке» вдоль стены протянулся длинный ряд низких круглых стульчиков, на которых, сгорбившись, сидят худые, с потными лицами негры и пуэрториканцы. Их тут человек десять-двенадцать. Каждый приглашает к себе. Около дверей у толстой стеклянной банки с отверстием стоит столь же худой и неважно одетый белый человек. Он вроде надзирателя. Каждого входящего он предупреждает: деньги за чистку нужно бросать в этот стеклянный сосуд, а не отдавать неграм. Сам он обувь не чистит, а следит за порядком.

К вашей обуви наклоняется широкоплечий негритянский юноша. У него усталое лицо. Трудно целый день сидеть в таком положении, особенно если в этой каморке ему даже нельзя вытянуть свои длинные ноги. Щетками, приводимыми в движение электричеством, он очищает ботинки от пыли и грязи, потом покрывает их мазью и снова пускает в ход электрические щетки. Работает он быстро, проворно. Если вы хотите оставить ему дополнительную монету, то сделайте это осторожно, чтобы не увидел белый надзиратель, стоящий у дверей. Иначе юноша лишится этой монеты, а она ему, несомненно, пригодится — в этом можно не сомневаться: на нем сильно изношенная выцветшая рубашка, драные штаны, потрепанные туфли.

Разные встречаются в Нью-Йорке чистильщики обуви.

Если бы вам довелось побывать в Куинсе, одном из районов Нью-Йорка, и забрести на Гринпойнт-авеню, от вашего внимания вряд ли ускользнула бы группа юных чистильщиков обуви, о которой я хочу здесь рассказать. Вы заметили бы их не только потому, как весело предлагали они свои услуги и призывали прохожих пожалеть свою обувь. Многие вам показалось бы в них странным и необычным. И то, как они гурьбой толпились вокруг своих ящиков и общим хором кричали «шайн?» («почистим?»). И то, с каким рвением, хотя и без большой сноровки, они наводили глянец на туфли своих клиентов, как настойчиво приглашали их снова прийти сюда, только сюда, к ним, — к любому из них, но ни в коем случае не ходить к чистильщикам на соседних улицах...

Бывалый чистильщик в Нью-Йорке, как правило, не ограничивается обычными, предписанными его профессией операциями. Он, кроме того, считает себя обязанным «занять» человека, которого он обслуживает. Это входит в понятие «сервис». А «сервис» должен быть на высоком уровне. Если он имеет дело с постоянным клиентом, чистильщик обязательно заговорит с ним о каких-нибудь делах, спросит про

здоровье, задаст вопрос или выскажет свое мнение о результатах вчерашнего бейсбольного матча. Даже если он вас видит впервые в жизни, чистильщик обязательно заговорит с вами о погоде, последнем сенсационном убийстве, о котором только что сообщила «Дейли ньюс», или о новом повышении цен на кофе, которого американцы пьют во много раз больше, чем чая.

Ребята, с которыми мы разговорились в Куинсе, оказались интересными собеседниками. Их было шестеро. Это были белые мальчишки. Старшему тринадцать, младшему едва исполнилось восемь. От них мы узнали историю, плохо вязавшуюся с той сильно приукрашенной жизнью, о которой так много приходилось читать в американской печати.

Все началось с большого несчастья. Тринадцатилетнему Блейну ампутировали ногу. Это наделал рак — болезнь, которая ежегодно со страшной регулярностью поражает полмиллиона американцев и уносит в могилу четверть миллиона граждан этой страны.

Болезнь, а тем более серьезная, — явление тяжелое и неприятное в любой стране, где бы ни жил пострадавший от нее человек. Но в стране капиталистической, особенно в Соединенных Штатах, маломальски серьезная болезнь тянет за собой столько дополнительных неприятностей, что превращается в катастрофу и для больного и для всей его семьи, если, конечно, речь не идет о такой богатой семье, которой под силу очень большие расходы на лечение.

Медицина — значительный бизнес в Соединенных Штатах. Все тут подсчитано и рассчитано. На все вам представят счет. У вас перелом бедра? Пожалуйста: вас уложат в больницу на 176 дней, сделают все, что нужно. Извольте уплатить 3 677 долларов. Конечно, операция грыжи, при которой в больнице держат не более 18 дней, обходится дешевле — 1 176 долларов, чуточку меньше, чем лечение язвы желудка с пребыванием в больнице в течение 21 дня и расходом в 1 264 доллара и 50 центов. Но это не-

большое утешение. Ведь больному не дано выбирать болезнь, и если у него перелом бедра, то он не может заменить назначенное ему лечение операцией грыжи или язвы. А кроме того, даже такие, более дешевые операции не по карману простому американцу. Посудите сами: 14 миллионов американцев принадлежат к семьям, доход которых не достигает и одной тысячи долларов в год, 10 миллионов человек вынуждены жить на среднегодовой доход семьи ниже полутора тысяч долларов.

Что же остается делать рядовому американцу, которого постигла серьезная болезнь? Он оказывается в очень трудном, а часто — просто в безвыходном положении.

К нашим юным чистильщикам и их рассказу о Блейне мы скоро вернемся. Такие случаи далеко не единичны. Мне вспоминается другой американский мальчик, о судьбе которого мы узнали со слов одного рабочего. Звали этого мальчика Джими Уигли. Джиму еще больше не везло. Можно было бы рассказать о нужде, которая сопровождала его с первого же дня появления его на свет в рабочей семье, о том, как мало радости было в его короткой жизни и как она еще больше помрачнела, когда он остался без отца, на руках у матери — клепальщицы авиационного завода «Рипаблик корпорейшн» на Лонг Айленде. Тяжелые условия жизни не способствовали здоровому росту ребенка. К тому же он был слабым и хилым от рождения.

Когда ему исполнилось тринадцать лет, понадобилось срочное и очень квалифицированное хирургическое вмешательство — Джиму нужно было оперировать сердце. Мать убивалась. За операцию в клинике требовали уплатить такую сумму, которую она при всей своей бережливости не могла мечтать собрать за несколько лет. А деньги нужны были срочно. Жизнь сына была в опасности. Но это был ее сын, и все считали, что это ее личное дело. Во всех больницах ей заявляли одно: платите деньги.

На помощь работнице пришли ее друзья, такие же, как и она, рабочие. Трудно сказать, кто из них

первым подумал о том, что нужно ей помочь, вызволить из тяжелой беды. Для оплаты операции члены профсоюза механиков собрали тысячу долларов. Они сделали все, что могли. Спасти сына клепальщицы им все же не удалось. Потому ли, что сложная операция производилась не в лучшей из клиник, или потому, что в поисках денег был упущен какой-то решающий момент, или мальчик действительно был в безнадежном состоянии.

Трудно сказать, какая из этих причин привела его к гибели. Для матери это, пожалуй, уже не имело значения. Никто не мог утешить ее, возместить самую страшную для нее утрату. Но слишком долго предаваться горю не приходилось. Нужно было скорее впрягаться в лямку, искать дополнительный заработок. Жизнь требовала своего. После смерти сына оставались долги. Ведь и на похороны у нее не нашлось денег. Эти расходы также пришлось взять на себя товарищам по работе...

Блейн, о котором нам рассказала веселая «команда» чистильщиков из Куинса, не был из бедной семьи. Его отец считался сравнительно высокооплачиваемым служащим. Он, как доверительно поведали ребята, работал где-то частным сыщиком. Но болезнь Блейна обошлась семье в 2 300 долларов. Даже для такой семьи это оказалось целым состоянием. А тут еще мальчик остался без ноги. Где взять деньги на протез? Он стоит кругленькую сумму — 400 долларов.

На помощь неожиданно пришли товарищи самого Блейна, которого они ласково зовут Бадди. Ребята долго думали о том, как помочь своему товарищу, и, наконец, придумали: они объединятся в своеобразную бригаду и будут чистить обувь на улицах города. В «бригаду» вошли четыре приятеля Бадди и два его брата — Джоэль одиннадцати лет и восьмилетний Ли.

За первые полтора месяца ребятам удалось заработать 32 доллара. При таких темпах им еще долгие месяцы придется бродить по улицам города в стужу и жару с ящиками, щетками и прочей аму-

ницией. Но они не унывают. Нужно выручить товарища.

И мы снова слышим их звонкие голоса:

— Шайн, сэр?

«Лишние» люди

Справа фотография кочующего батрака. Этот человек уже успел состариться. Его морщинистое лицо покрыто седой щетиной, худые, мозолистые руки привыкли к тяжелому труду. Проработав долгую жизнь, он не заработал права на отдых, даже не смог обеспечить себе крышу над головой, получить постоянную работу. Вот он сидит в открытом поле на перевернутом деревянном ящике в минуту отдыха, когда ломит спину и хочется вытянуться на зеленой траве.

Кругом чужие плантации. В эти дни он трудится здесь в поте лица от зари до зари, получая похлебку и

жалкие гроши. А что с ним будет завтра — будет ли у него где укрыться от дождя, от стужи, сумеет ли он найти работу, чтобы прокормиться?

Кочующий батрак не может с уверенностью ответить на эти вопросы. Он давно привык к тому, что у него нет ни кола, ни двора — ничего, кроме собственных рук. А жизнь так устроена, что, даже когда он здоров, руки не всегда могут его прокормить. Вместе с сотнями тысяч белых и цветных американцев он превратился в своеобразного «спутника солнца», следуя за небесным светилом по мере созре-

вания плодов с юга на север — от Флориды и Техаса до Нью-Йорка и далее до штатов Новой Англии.

Никому нет дела до того, где и как он проводит зиму, которая тянется мучительно долго. Он самый бесправный человек. Он лишен возможности вступать в профсоюз, лишен защиты даже куцых законов о труде, лишен образования в молодости и покоя в старости, лишен возможности лечиться в случае болезни. Спрос на его руки появляется в лучшем случае весной, а иной год приходится ждать до лета, когда на полях, на хлопковых, овощных и фруктовых плантациях созревают плоды и их нужно быстро снять, упаковать в ящики, отправить на рынки или на перерабатывающие предприятия. Но и тогда у него появляется много конкурентов, «своих» и «чужих». Для того чтобы сбить расценки, плантаторы ввозят много дешевых сельскохозяйственных рабочих из соседней Мексики, из Пуэрто-Рико. Одних рабочих нанимать дешевле, чем других. Дело иногда доходит до драк. Выигрывают от этого хозяева. Они получают дешевые рабочие руки. Разобщая рабочих, им легче их эксплуатировать.

Сколько в Соединенных Штатах кочующих или сезонных батраков? Трудно ответить на этот вопрос. Официальная статистика предпочитает не замечать этих рабочих. Печать же считает, что в США насчитывается не менее 2 миллионов таких батраков. Некоторые журналисты полагают, что с учетом членов семей батраков эту цифру следует значительно увеличить: ведь рядом с родителями на полях батрачат их маленькие дети.

...К полуразвалившимся баракам сельскохозяйственного лагеря в Потер-каунти, в Пенсильвании, подъехала вереница грузовиков, до отказа набитых людьми. Судя по запыленным, облепленным засохшей грязью машинам, они проделали большой путь. Мужчины и женщины, молодежь и старики, маленькие дети вылезают из грузовиков с небольшими котомками, вмещающими все их пожитки. Они оглядываются кругом на новое временное пристанище, где

им предстоит провести две-три недели на копке картошки. Сюда они прибыли с далеких цитрусовых плантаций Флориды. Дорога была очень утомительной. Агент по найму так гнал водителей, что они редко делали остановки.

— Скоту, который везут с откормочных ферм Айовы на скотобойни Канзаса или Чикаго, полагаются больше удобств при перевозке, более частые остановки, его более регулярно кормят и поят, чем кочующих рабочих, перебрасываемых на поля Севера, — рассказывает американский журналист Аллан Келлер.

На копку картошки вместе с родителями вышли маленькие дети. Им было по пять-восемь лет. Когда Келлер пытался их сфотографировать, дети мгновенно, как по команде, спрятались за кустами. Это уже были опытные батраки «со стажем».

— Первое, к чему приучают детей кочующих рабочих, — говорит Келлер, — это относиться с подозрением ко всякому белому человеку. Может оказаться, что это какой-нибудь инспектор, учитель или еще кто-нибудь в этом роде. Тогда несдобровать родителям, а заодно и их детям. Хозяин выставит, и придется убираться куда глаза глядят.

Большинство лагерей сельскохозяйственных рабочих расположено подальше от людных мест, где-нибудь в конце проселочных дорог. Иногда их размещают за большими городскими свалками, куда ни у кого не появится желания заглядывать. В иных местах лагеря располагают за какими-нибудь складами, около товарных станций или на болотистой местности.

— Туристы, — замечает Келлер, — могут проехать по всем главным дорогам страны и ни разу не увидеть этой потрясающей нищеты. Даже для местных жителей это удобнее, как говорят: «С глаз долой — из сердца вон».

Дети кочующих рабочих автоматически теряют всякие шансы на сносную жизнь в будущем. В школу они ходить не могут, вырастают безграмотными, и им остается лишь по примеру отцов пополнять ар-

мию батраков-кочевников. Только немногим семьям батраков удалось перейти на полуседлый образ жизни в годы относительной стабильности американской экономики. Некоторые устроились на заводах и фабриках, поселившись в городских или пригородных трущобах.

В нескольких километрах от Чикаго из таких рабочих семей образовался поселок в Де Плейнсе. Раньше батраки приезжали сюда на уборку сахарной свеклы. Позднее, по мере того как они устраивались подсобными рабочими на местных предприятиях, кочевники стали здесь оседать. В ветхих хижинах, построенных из ящиков и фанеры, или в маленьких прицепных вагончиках здесь сейчас живет около полутора тысяч семей.

— Все хотят, чтобы мы делали за них грязную, тяжелую работу, — говорит Рамондо Ислас, рабочий мексиканского происхождения. — Но никто не хочет нас впускать в сносные дома... Многие из нас воевали в прошлую войну. За что же мы сражались?

Долгое время поселок бывших кочевников предпочитали не замечать, благо его прикрывали густые плакучие ивы. На поселок закрывали глаза, а если о нем заходила речь, то местные чиновники заявляли, что он не хуже чикагских городских трущоб, в которых проживают сотни тысяч людей. О поселке заговорили только тогда, когда проживавшая по соседству в загородных виллах местная знать испугалась распространения эпидемических заболеваний. Она потребовала снести поселок и выгнать его жителей. Последним пришлось повести отчаянную борьбу за свои лачуги.

«Они приехали к нам, чтобы собирать плоды, а пожинают только горе», — заметила по этому поводу одна чикагская газета.

«Лишние люди», — назвала их другая газета.

В Соединенных Штатах всегда много таких людей. «Лишними» здесь считают обитателей трущоб, которые своим дешевым трудом обогащают жителей роскошных особняков, оплачивают своими налоговыми взносами гигантскую военную машину.

Обычных трущобных районов, считающихся классом повыше самого «дна», таких, скажем, как Бауэри в Нью-Йорке или Скид Роу в Чикаго, в США имеется много, почти во всех городах.

— Скид Роу, — говорит майор Роланд Куин, один из видных общественных деятелей Чикаго, — это не просто улица — это состояние умов. Это не только проблема города. Это проблема всего штата, всей страны. Улицы забытых людей имеются повсюду. Характер, масштабы и серьезность положения делают эту проблему общенациональной.

Кто же будет разрешать эту серьезную общенациональную проблему?

Буржуазные ученые, социологи пожимают плечами.

«Лишние люди», «серплес», — заявляют они.

«Является ли ваш ребенок «серплес»?» — спрашивает газета «Нью-Йорк таймс» в заголовке редакционной статьи, посвященной проблеме нехватки школ, учителей, оборудования и ассигнований для американских школьников.

«Два с половиною миллиона детей живут в семьях, зарабатывающих меньше 10 долларов в неделю, еще 1 750 тысяч — в семьях с доходом в 10—20 долларов, — сообщает официальная статистика. И добавляет: — Около миллиона детей приходится на семьи, зарабатывающие менее 40 долларов в неделю, тогда как скромный «стандартный бюджет» семьи рассчитан на 112 долларов в неделю».

«Серплес», «лишний», «избыточный», — этот термин все чаще фигурирует в американской печати и в статистике.

«Лишние» фермеры, «лишние» рабочие, «лишние» художники, инженеры, «лишние» текстильные и кожевенные фабрики, металлургические и автомобильные заводы, «лишние» школьники и студенты... Какой страшный, зловещий смысл скрывается за этим словом — «лишний»...

Если вам случится побывать в Америке и проехать на машине из Миннесоты по направлению к району слияния двух рек-великанов — Миссисипи и Мис-

сури у границ штатов Иллинойс и Миссури, перед вами по пути откроется немало печальных картин. Зброшенные, заросшие сорняками поля, заколоченные дома фермеров, покинутые хозяйственные постройки — следы трагедии миллионов фермерских семей. Они трудились, не щадя своих сил, изворачивались, берегли каждый цент. Как они цеплялись за землю, как боролись за жизнь! И все же им пришлось отступить. Крупные сельскохозяйственные монополии смели их с земли, с насиженных мест, сделали батраками, кочевниками, погнали в города в поисках заработка. В статистике все это отразилось в одной сухой строчке: «За четыре года исчезло 600 тысяч фермерских хозяйств».

Это не намного меньше, чем за целое предыдущее десятилетие.

Исчезают не только «карликовые» хозяйства. Даже фермерам средней мощности трудно выдержать натиск сельскохозяйственных монополий, диктующих цены на все, что они покупают у фермера, и на все, что они ему продают. В условиях хронического кризиса, подтачивающего сельское хозяйство Америки, процесс разорения миллионов фермеров заметно усилился.

— Купив немного инвентаря, — рассказывал нам один такой средний фермер в деревне южнее Ганнибалы, — мне пришлось так влезть в долги, что я до сих пор никак не расплачусь по счетам. Одни проценты по долгам разоряют меня. Ей-богу, не преувеличиваю, когда говорю вам, что мы висим на волоске.

В местной закускойной сидит широкоплечий, сильно загорелый парень в пропитанной потом, выцветшей спецовке. В одной руке он держит булку с «гамбургером» (котлетой), в другой — кружку с кофе. Он не спешит вступать в разговор, хотя и не уклоняется от беседы с проезжими людьми. Это тракторист. Он вырос в здешних местах. Его все хорошо знают, да и он знаком со всеми соседними фермерами.

— Вы спрашиваете, почему бедна наша земля? — повторяет он заданный ему вопрос и, откусив от бул-

ки, задумывается и потом отвечает: — Она требует ухода. Ей подавай пить да есть, тогда и она тебя кормить будет. Землю нельзя истощать, нельзя выжимать ее соки до бесконечности.

— Ну, а человек, его можно истощать, сколько из него можно выжимать соков?

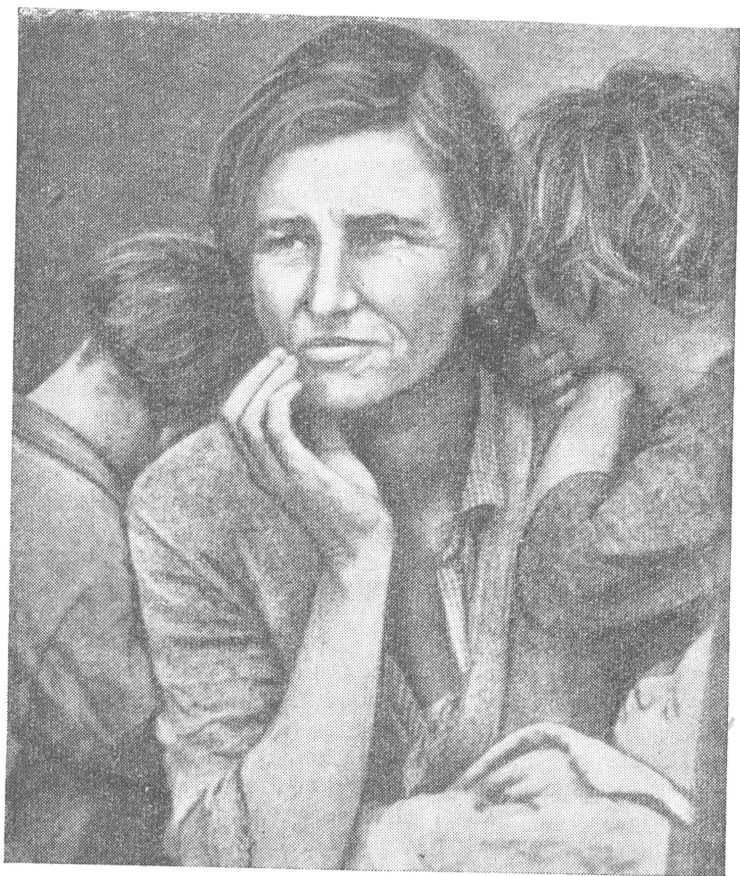
— Человек другое дело, — медленно говорит тракторист. — Человек приходит и уходит. Боже мой, разве кто считает человека какой-то ценностью? У человека нет цены. Другое дело земля. А человек что? Налоги и смерть — вот его удел. Возьмите налоги. Даже имея два заработка, с ними нелегко справиться. Подоходный — раз; налог с продажи, который ты должен платить, что бы ты ни купил, — два; налог с недвижимой собственности, какая бы она у тебя ни была, — три... Да что считать! Пальцев не хватит. Вы говорите — «люди». Кому, черт побери, до них дело? Они у нас тут долго не засиживаются. Исчезают, как вода в сухой земле.

— Люди, — повторяет, качая головой, тракторист. — Странное дело, кому нужны люди...

Несколько секунд он задумчиво глядит на остаток булки с котлетой в руке, потом решительным движением отправляет его в рот, наскоро допивает кофе, вскакивает и уже на ходу прощается. Перерыв кончился, ему пора возобновить работу.

...С Лэри, длинным как жердь, большеглазым парнем, мы познакомились в кафетерии, куда часто забегали позавтракать. Он здесь служил мойщиком и уборщиком посуды. Свою тележку на колесах Лэри подкатывал к каждому столику, снимал с него грязную посуду, счищая объедки в специальный ящик, проводил тряпкой по пластмассовой поверхности стола и двигался дальше. Собрав целую гору посуды, он толкал отяжелевшую тележку на кухню, сгружал тарелки, стаканы, ложки, вилки, ножи, запуская их в моечную машину и вскоре снова появлялся в обеденном зале.

Мы часто обменивались с ним коротким «хэлло!». Если нам случалось приходить попозже и в зале бывало мало посетителей, Лэри иногда проводил пять-

«Человек? Налоги и смерть — вот его удел».

десять минут у нашего столика. Мы его обычно расспрашивали о жите-быте. Он охотно отвечал и, в свою очередь, задавал и нам вопросы.

Когда-то он мечтал стать инженером. Думал накопить деньги и поступить в Массачусетский технологический институт. Об этой мечте он говорил, словно старик, вспоминая далекое детство. Было ему

двадцать шесть лет. Последние пять лет он прожил в Нью-Йорке. Приехал к сестре. Думал, здесь удастся найти что-нибудь поинтереснее, чем в родном Фолл-Ривере, где он работал на текстильной фабрике.

— Работой это трудно было назвать, — вспоминал Лэри. — Мы больше отсиживались дома, чем работали. Иную неделю разрешали два-три дня работать, потом объявляли, что фабрику закрывают «до особого уведомления». Мне это надоело. В Новой Англии нет перспектив для молодого человека. В этом я убедился на собственном опыте. Перекочевал к сестре в Нью-Йорк. Как у меня тут идут дела? Сами видите. Пока что не везло, но, черт подери, должно же человеку хоть когда-нибудь повезти в жизни!

Трагедия Новой Англии

Если взглянуть на карту Соединенных Штатов, то в северо-восточном углу легко обнаружить шесть густонаселенных старых штатов. Это и есть Новая Англия.

В Нью-Йорке, Чикаго, Детройте часто встречаются бывшие текстильщики, обувщики, часовщики, механики, приехавшие из Новой Англии в поисках заработка. Наиболее старый промышленный район страны в послевоенные годы оказался наиболее чувствительным к кризисным явлениям. Отчасти это объясняется тем, что здесь главным образом сосредоточены мирные отрасли промышленности. Они меньше других чувствовали временный эффект искусственных вспрыскиваний в виде раздутых военных заказов.

— Вымирает ли промышленность Новой Англии? — спрашивал несколько лет назад журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». — Создается впечатление, что эти шесть штатов находятся в тяжелом положении...

И дальше приводились данные о хронической безработице в промышленных центрах этих штатов,

о бегстве молодежи из «призрачных» текстильных и горняцких поселков, о разорении фермеров, мелких городских предпринимателей.

Текстильная промышленность вот уже много лет не выходит из состояния кризиса. За десять лет закрылось более тысячи фабрик, а вместо них открылось всего несколько новых. Число текстильщиков в стране за шесть лет сократилось на одну четверть. «Когда на текстильную промышленность севера обрушивается несчастье, — писал журнал «Нэйшн», — промышленники убеждают себя в том, что их предприятия нуждаются в солнечном свете и дешевой рабочей силе. Их мысли обращаются к югу».

Перемещение текстильных и других предприятий с севера на юг в последние годы стало в США очень распространенным явлением. Юг, конечно, прельщает текстильных магнатов не красотами природы и теплым солнцем. Здесь мало организованных рабочих, и с рабов капитала за меньшую плату дерут три шкуры. Наиболее зверской эксплуатации здесь подвергается негритянская молодежь и женщины, которым платят значительно меньше, чем низкооплачиваемым мужчинам. Какую дополнительную прибыль это приносит фабрикантам, можно понять, если учесть, что примерно 40 процентов всех рабочих текстильной промышленности Америки составляют женщины.

Пользуясь кризисным состоянием текстильной промышленности, фабриканты с помощью услужливых профбюрократов сводят на нет социальные завоевания рабочих северных районов, объединенных в профсоюзы. Их хотят поставить в такое же бесправное положение, в каком находятся негритянские и белые рабочие юга.

В Бостоне, считающемся главным центром Новой Англии, вспоминают о пресс-конференции, на которой представитель текстильных фабрикантов Говард Беннет очень откровенно излагал философию хозяев.

— Сейчас наступило время, — говорил Беннет, — когда администрация должна снять перчатки и всту-

пить в настоящую борьбу. Мы заставим ткача работать на таком количестве станков, на каком потребуются. Мы увеличим до предела рабочий день. Или мы прекратим всякую деятельность в Новой Англии и переберемся на юг.

— Какая у нас должна быть программа? — спрашивал Беннет. И отвечал: — Снижайте ставки на десять процентов каждые шесть месяцев, а в промежутках между этими снижениями увеличивайте число рабочих часов.

В последние годы эта программа исправно проводилась в жизнь. Фабрикантам она дала возможность сохранить и даже увеличить свои прибыли, несмотря на кризис в текстильной промышленности. Ну, а рабочим, что дала им эта программа?

— Около миллиона текстильщиков, а если учесть членов их семей, то речь идет, вероятно, о четырех миллионах американцев, — говорит председатель союза текстильщиков Америки Уильям Поллок, — обречены на постоянно снижающийся уровень жизни.

«Не везло» в последние годы и многим другим отраслям промышленности Новой Англии, например часовой. В городе Уолтеме (штат Массачусетс) обанкротилась старейшая часовая фирма «Уолтем уотч компани».

«В Уолтеме остановилось время», — острили газеты.

Дэнбюри — небольшой город в одном из красивейших штатов Новой Англии, Коннектикуте. Главным занятием тридцатитысячного населения города было производство шляп, славившихся на всю Америку. Но каждый спад в экономике страны бьет по жизненным основам жителей Дэнбюри. Что делаешь, когда в кармане пусто, людям не до покупки шляп, даже если их очень настойчиво приглашают обновить свой головной убор. Местная газета «Дэнбюри ньюс таймс» в течение нескольких лет ежедневно выходила с силуэтом шляпы на первой полосе и такой лаконичной надписью: «Носи шляпу! Помоги обеспечить работу своему со-

седу!» Этот призыв, однако, не спас ряд шляпных фирм от банкротства, а многих рабочих от безработицы.

Буржуазные «лекари» предлагали разные способы оживления и оздоровления экономики Новой Англии. Одни настаивали на быстрейшем внедрении здесь военного производства, и этим в последние годы усиленно занимался крупнейший моргановский концерн «Дженерал электрик». Другие предлагали более оригинальные проекты. Джон Тил, представитель университета Макгила, например, с очень серьезным видом выдвигал проект решения проблемы Новой Англии путем... разведения особой породы овцебыка.

«Овцебык, когда-то бродивший по просторам Северной Америки, а ныне почти полностью исчезнувший, — писал он на страницах «Нью-Йорк таймс», — может оказаться ключом к спасению Новой Англии. Если его удастся акклиматизировать на близких к условиям тундры землях Новой Англии, овцебык может стать новым фактором в экономике этого края. Его мясо лучше говядины, шерсть очень легкая, а молоко не уступает коровьему».

Многие дальновидные американцы выдвигали более простое и вместе с тем более радикальное средство. Они предлагали заменить политику «холодной войны» политикой мира и сотрудничества между народами. Такая политика, указывали они, обеспечила бы расширение нормальной торговли, дала бы возможность загрузить гражданскую промышленность Новой Англии, да и многих других штатов.

Пальма первенства

Безработный Джозеф Сакомино из Бруклина хотел покончить жизнь самоубийством. Ему помешали, и он чудом остался жив. Но дали ли работу бывшему ветерану войны Джозефу, позаботился ли кто-нибудь о том, чтобы он имел кров, чтобы он мог прокормиться?

В рабочих семьях дети рано познают нужду.

В газетах, сообщавших о предотвращенном убийстве, ничего не говорилось о дальнейшей судьбе молодого безработного. Да, она мало кого интересует в стране, где все измеряется на доллары и центы.

Джозефом интересовались, когда он служил в военной авиации. Но никто не подумал о нем, когда безработному предложили выселиться на улицу.

Кто довел Джозефа до самоубийства?

— Виновато трудное время, — скажут одни. — Ничего не поделаешь, спад есть спад. Когда падает производство, люди теряют работу. Кто-то должен страдать, кто-то должен кончать самоубийством. Если не Джозеф, то Билл, Макс или Гарри.

А другие, быть может, подумают:

— Что это за образ жизни, который не может использовать заводы и фабрики, производящие полезные, нужные людям вещи, не может применить труд молодых, полных энергии и сил людей, жаждущих творить, создавать.

— Неужели американская молодежь нужна только для того, чтобы в составе вооруженных сил готовиться к разрушению и истреблению? Или для того, чтобы на военных заводах производить орудия смерти?

Кто знает, может быть, именно такие мысли тревожили двадцатилетнего механика нью-йоркского аэропорта, который сел в отлетающий пассажирский самолет и выбросился на землю с высоты в 2 тысячи метров. В письме, которое он оставил, механик жаловался на тяжелые условия жизни. Он не видел prospects.

Не видел его и талантливый американский биохимик Уильям Шервуд, затравленный комиссией палаты представителей по расследованию так называемой «антиамериканской деятельности». Сорокалетний доктор Шервуд решил отравиться, не найдя в себе силы продолжать борьбу против мракобесов, преследовавших его потому, что считали ученого причастным к деятельности прогрессивной интеллигенции. В своем предсмертном письме Шервуд жало-

вался, что комиссия угрожает его жизни и средствам к существованию.

— Я хотел бы провести следующие несколько лет в лабораториях, а мне придется провести их в тюрьме, — писал Шервуд.

В Соединенных Штатах всегда было много самоубийств. Но после войны число их сильно возросло. В статье под деловым заголовком «Самоубийства — его бизнес» мы прочитали на страницах «Сандей миррор» не лишенное интереса интервью с президентом «Национальной лиги по спасению жизней» Уорреном. Эта лига специально создана для предотвращения самоубийств. Это ее бизнес. И у нее много дел. Но что может сделать лига, когда общество, в котором господствует капитал, требует так много бессмысленных жертв?

— Причиной большинства самоубийств, — рассказывал Уоррен, — являются тяжелые экономические условия. Во время войны люди были обеспечены лучше и количество самоубийств сократилось. После войны оно вновь возросло.

Сокращение самоубийств в военное время, огромное их увеличение в мирное время — не служит ли это лучшей иллюстрацией к тому образу жизни, который так превозносят апологеты капитализма?

— Знаете ли вы, что около двадцати двух тысяч американцев ежегодно кончают жизнь самоубийством, что число покончивших с собой на несколько тысяч превышает число американцев, убитых во время двух мировых войн?

Такой вопрос мы прочитали однажды в газете «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан».

По данным полиции и страховых компаний, ежегодно около 100 тысяч американцев тем или иным путем пытаются совершить самоубийство. В подавляющем своем большинстве это отчаявшиеся безработные, разорившиеся мелкие фермеры, обнищавшие люди городов и сельских местностей, затравленные представители интеллигенции. Среди них очень много молодежи, разочаровавшейся в жизни, едва успев с ней познакомиться.

Самоубийства стали столь распространенным явлением, что упомянутая выше газета считала нужным давать своим читателям советы, как уберечь себя от самоубийства. В разделе статьи, озаглавленном «Что делать, если вы несчастны», газета рекомендовала читателям «примириться с существующими условиями».

— Счастье, — философствовала газета, — зависит от того, как вы реагируете на условия жизни, а не от самих условий жизни.

По числу самоубийств, как и по числу психических больных и количеству преступлений среди молодежи, Соединенные Штаты вышли на одно из первых, если не на первое место в мире. Что же, это рекорды, по которым вряд ли кто-нибудь хотел бы отнять пальму первенства у лидера «свободного» капиталистического мира.

Докеры дают о себе знать

Снова, как и десять лет назад, бастовали нью-йоркские докеры. Как и тогда, рабочие требовали увеличения своих скудных заработков, улучшения условий труда.

— Докер, — говорил нам молодой американский рабочий, — человек особенный. Он редко выходит из графы «полубезработных». Если заработаешь полторы-две тысячи в год — хорошо, а две с половиною — значит тебе повезло. А сколько у нас на шее прихлебателей? Из своего заработка я должен платить не только налоги, разные страховые сборы и взносы, но и делать отчисления боссу. Заработаешь десять-пятнадцать долларов, гони боссу трояк, иначе работы не даст. Да все это еще ничего, если не изуродуют. Мы ведь на первом месте в стране по несчастным случаям на производстве...

На сей раз забастовка приняла широкий размах, охватив портовых рабочих всего Атлантического побережья, вплоть до Мексиканского залива, от Портленда до Браунсвила, в штате Техас.

Забастовка фермеров сопровождалась стычками со штрейк-брехерами.

Как и десять лет назад, реакционная печать запугивала бастующих, настраивала против них население города, возлагала на них всю ответственность за транспортные затруднения, за появившиеся перебои в снабжении, умышленно раздувавшиеся крупными спекулянтами, не преминувшими воспользоваться создавшейся обстановкой. Печать требовала усиления антирабочего законодательства, принятия закона, запрещающего «общенациональные забастовки», охватывающие целые отрасли промышленности. Газеты печатали списки именитых леди и джентльменов, которые, возвратившись из зарубежных «вуаяжей», были вынуждены сами таскать свои чемоданы и саквояжи. По радио и телевизору жителей города пугали: на складах накапливаются скоропортящиеся продукты, грузоотправителям придется платить «неустойки», продукты снова вздорожают.

«Забастовка обходится предпринимателям в один миллион долларов в день», — извещала на здании «Нью-Йорк таймс» световая электрическая газета.

И мне вспомнился эпизод, происходивший здесь же, у здания этой газеты. Тогда вместе с докерами бастовали моряки торгового флота. Они ходили по Бродвею и другим центральным улицам с плакатами, на которых значились громадные цифры прибылей разжиревших на военных поставках пароходных компаний и более чем скромные, обесценившиеся дороговизной заработки моряков. Бастующих, как всегда, травил «большая» печать. Военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Гансон Болдуин обрушился на профсоюз бранной статьей. Он с сожалением вспоминал о «добром старом времени, когда суда были деревянными, а моряки железными и не было профсоюзов». Он оскорблял молодых моряков, называл их трусами за то, что они ведут мужественную борьбу против монополистов, в защиту своих жизненных прав, в защиту своих жен и детей.

«Где закаленные морские волки вчерашнего дня? — вопрошал Болдуин. — Где коренастые, зубастые и горластые моряки, способные плевать буре в лицо? Да, тогда были гиганты. А сегодняшний моряк носит профсоюзный билет в кармане. Знаменитые лавки на Саут-стрит, торговавшие грогом, превратились в профсоюзные центры, а шкиперов можно встретить среди пикетчиков».

Болдуин требовал призвать моряков к порядку, «поставить их на место».

Тут он, совершенно неожиданно для себя, увидел гигантов, не испугавшихся поднятой им бури. Возмущенные рабочие двинулись к редакции «Нью-Йорк таймс». Их было около восьми тысяч. Они окружили здание газеты, выставили пикеты и потребовали, чтобы редакция отказалась от клеветнической статьи Болдуина и напечатала собственное опровержение. Рабочие пели свою песню «Вечная солидарность» и кричали: «Долой Болдуина!»

Для охраны редакции было вызвано восемьдесят полицейских. Редактор Джеймс не на шутку испугался. Кто знает, может, он вспомнил про другой инцидент в истории своей газеты, когда много лет назад противники закона о воинской повинности пытались атаковать редакцию, отстаивавшую этот закон. Издатель Реймонд высунулся тогда из окна с пулеметом «Гетлинг» в руках. Рядом с ним, с таким же пулеметом, стоял Л. Джером, дед Уинстона Черчилля, один из тогдашних владельцев газеты.

Но это было давно. Тогда в американских профсоюзах не было 17 миллионов организованных рабочих. Не было такого накала классовой, забастовочной борьбы. И Джеймс решил поступить более благоразумно. Ведь все это происходило в 1948 году. Он поспешил сообщить рабочим, что готов вступить с ними в переговоры. Договорились, что на следующий день газета публично отречется от статьи Болдуина и напечатает опровержение в виде ответного письма моряков. Так она и поступила.

Теперь, в 1957 году, снова бастовали докеры. Рабочие снова демонстрировали свою мощь, снова показывали буржуазному обществу, чьими руками создаются материальные блага, кто возводит небоскребы и мосты, водит суда, нагружает и разгружает их.

Это была восьмая стачка докеров со времени окончания второй мировой войны. В эти годы бастовали не одни докеры. Вместе с ними упорную забастовочную борьбу, самую крупную в истории Америки, вели металлурги, горняки, железнодорожники, текстильщики, нефтяники, рабочие автомобильной и авиационной промышленности, шоферы грузовых машин, связисты.

Возникают забастовки и среди фермеров. Мы наблюдали своеобразную забастовку — бойкот фермеров штата Нью-Джерси, снабжающих молоком город Нью-Йорк. Она носила упорный характер. Фермеры прекратили поставки, демонстративно выливая молоко на землю, лишь бы не отдавать его корпорациям за бесценнок. Они требовали, чтобы скупающие молоко монополии гарантировали им хотя бы цену,

способную покрыть производственные расходы. Происходили стычки между бастующими с одной стороны, полицией и штрейкбрехерами — с другой.

— Большая часть фермеров в северных районах Нью-Джерси, — рассказывал их представитель Джон Дорни, — за последние пять лет влезала в долги. Большинство ферм заложено и перезаложено по закладным. Многие фермеры имеют задолженность порядка 8—10 тысяч долларов по счетам за одни только корма. Каждый из них отчаянно борется за спасение своего хозяйства, родного дома.

Дорни большой, грузный человек. Он вам охотно сообщит, что весит 290 фунтов, а ростом отмахал 6 футов.

Как он стал организатором фермеров? О, это длинная история. В прошлом Джон был водителем автобуса, потом грузчиком. Фермером он стал позднее — так уж у него сложилась жизнь. Организованной борьбе он научился у городских рабочих.

Фермеры Нью-Джерси бастовали весной. А летом «молочную забастовку» объявили 10 тысяч фермеров восточных и центральных районов штата Нью-Йорк — четверть всех владельцев молочных ферм в этом штате. Причина была та же. Фермеры вели борьбу за сохранение своих хозяйств, разоряемых монополиями.

Неоднократно объявляли забастовки молодые продавщицы магазинов, особенно хорошо организованные, но сильно эксплуатируемые работницы универсальных магазинов, таких, как самый крупный в Америке универмаг «Мэйсиз» в Нью-Йорке. Многократно бастовали за эти годы работники многочисленных нью-йоркских кафетериев, снэк-баров, ланч-нетов, где работает много молодежи. Бастовали и служащие самых фешенебельных ресторанов, где за блестящим фасадом работают очень скудно обеспеченные люди.

На Бродвее, между 49-й и 50-й улицами, мы остаемся у ресторана, принадлежащего бывшему чемпиону мира по боксу Джеку Демпси. Большая открытая витрина без драпировки. Хотя время обе-

денное, видны целые ряды свободных столиков. В ресторане почти нет посетителей. Одинокó стоит какой-то старый официант с белой салфеткой на полусогнутой руке. К витрине прикреплен огромный лист бумаги с черными, начерченными от руки буквами. Читаем объявление:

«Старые и преданные мне сотрудники не покинули меня. Заходите, и вас обслужат. Джек Демпси»,

Какой-то прохожий на ходу спрашивает:

— Что, Джек опять воюет с поварами?

Ему никто не отвечает. Медленным шагом мимо ресторана проходит цепочка людей. Их тут человек десять. У некоторых подняты воротники легких для зимнего времени пальто. Угрюмые лица. Каждый держит в руке плакат, прибитый к доске с палкой. На всех плакатах сверху одни и те же слова: «Бастуем. Проходите мимо». Но тексты плакатов разные. На одном читаем: «Джек! Твоя надпись в витрине врет. Тебя покинули старые и молодые. Они здесь, среди пикетчиков». Другой плакат: «Джек живет на 50 тысяч в год, а нам платит по 5 долларов 50 центов. На такие деньги можно только голодать».

«НАРОДНЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

Листая свежий номер пухлой американской газеты, вы обращаете внимание на рисунок мальчишки, бойко торгующего газетами. Он помещен в центре газетной полосы. Через всю страницу крупным шрифтом набран заголовок:

«Капитализм в американском стиле».

Небольшой, напечатанный жирным шрифтом текст воспекает «свободное предпринимательство». В ка-

честве образца такого предпринимательства и приведен юный торговец газетами. Рисунок умело выполнен опытным художником. Нетрудно представить себе, как этот самый малыш сходит с газетной полосы и оказывается где-нибудь в Бронксе, Куинсе или Гарлеме. Вот он стоит на углу улицы со стопкой газет. Не пожалейте пять-десять минут своего времени. Пойдите вместе с нами и понаблюдайте за этим мальчиком. Он бизнесмен — торгует газетами. Как и всякий делец, он рекламирует свой товар. Мальчик выкрикивает сенсационные заголовки, стремясь привлечь как можно больше покупателей. Сперва он кричит об известной кинозвезде, которая развелась с нефтяным миллиардером, потом о победе бейсбольной команды «Янки», затем о железнодорожной катастрофе на Лонг Айленде. Если за день он не заработает более двух долларов, то кто в этом виноват? Никто не мешает ему заработать сто, тысячу или даже миллион долларов — так рассуждает автор прочитанной нами газетной рекламы «Капитализм в американском стиле». Заключает он эту рекламу таким выводом: «Все мы в Америке капиталисты».

Такую же точь-в-точь рекламу вы можете встретить во многих других газетах. Она составлена и оплачена «Рипаблик стил корпорейшн», одной из стальных монополий банкирского дома Морганов.

Подобная пропаганда, которая пытается поставить на одну доску Моргана и продавца газет, Рокфеллера и чистильщика обуви, в последнее время стала широко распространенным явлением. Чем меньше людей верит в легенду о «народном капитализме», тем больше средств тратится на внедрение этого мифа.

Морганы и Рокфеллеры, конечно, не жалеют долларов на распространение вымыслов о «перерождении» капитализма, о «нивелировке» доходов и прекращении процесса концентрации богатства на одном полюсе и нищеты на другом. Магнаты и их агенты болтают о «примирении» классов и их «гармонии», о «классовом сотрудничестве», а то и вовсе об «исчезновении» классовой борьбы и самих классов по-

средством расширения «среднего класса» и т. п. Владельцы монополий щедро субсидируют целую армию социологов, публицистов, журналистов, призванных придумывать и пропагандировать подобные теории для того, чтобы одурманивать трудящихся, сбивать их с толку, раскалывать, всячески тормозить развитие их классовой сознательности. При этом буржуазные ученые и публицисты производят такие манипуляции, которым мог бы позавидовать любой профессиональный жонглер. В понятие «средний класс» они, например, готовы произвольно включить кого попало, без учета отношения людей к средствам производства, лишь бы это соответствовало той задаче, которую ставит перед собой тот или иной фокусник. Так, например, они включают в «средний класс» квалифицированного рабочего и мелкого бизнесмена, зажиточного фермера и конторского служащего или учителя, директора корпорации и продавщицу универсального магазина.

Авторы различных вариантов теории «перерождения» капитализма, какими терминами и словечками они бы ни оперировали, отличаются одной общей чертой. Они закрывают глаза на действительность, не считаются с нею, фальсифицируют ее. Они говорят о «классовой гармонии» в период, когда классовая борьба — экономическая, политическая, идеологическая — резко обостряется у всех на глазах. Например, в предвоенном десятилетии в Соединенных Штатах было официально зарегистрировано более 22 тысяч забастовок, в которых участвовало 9,5 миллиона человек и было потеряно 145 миллионов человеко-дней. Это внушительные цифры.

Правда, это было до войны. Может быть, с тех пор произошли такие изменения, которые дают какое-то основание для «теории» примирения классов? Обратимся к той же официальной американской статистике. Вот что она говорит: за первое послевоенное десятилетие в стране было свыше 43 тысяч забастовок. Число бастующих превысило 26,5 миллиона человек, а количество потерянных из-за забастовок человеко-дней перевалило за 434 миллиона. Таким об-

разом, ведя борьбу за свои требования, трудящиеся с еще большей силой выступают против гнета монополий, против реакционной политики и ее пагубных последствий.

Погоня за прибылью, зверская эксплуатация изображаются монополистами как «естественный процесс», чуть ли не как неизменный закон природы. Многие крупные монополии на протяжении долгого времени печатают в газетах и журналах рекламы, твердящие, что прибыли, получаемые корпорациями, это столь же естественное явление, как, скажем, круговорот в природе. Хозяин крупнейшей мясной корпорации Америки «Хайгрейд фуд продактс» (ее оборот 500 миллионов долларов в год) Семюэл Слоткин рассуждает так:

— Я не загребая деньги. Вся моя жизнь — это процесс рисования картины. Каждый новый день я обогащаю ее одним-двумя штрихами.

Нефтяной магнат Поль Гетти, который, по последним сведениям статистики, открывает список самых богатых людей Америки («и всего мира», — добавляют американские журналисты), заявил недавно, что он уже не в состоянии подсчитывать свои капиталы — так быстро они растут. Помимо огромных нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов в Соединенных Штатах и на Ближнем Востоке, ему принадлежат целые флотилии нефтетанкеров, авиационные, строительные, финансовые, страховые и многие другие корпорации — всего их не менее со-рока.

Семь лет Гетти не ступал ногой на американскую землю. Одни говорят, что он укрывается от повышенного налогообложения, другие утверждают, что ему не хочется встречаться с полдюжиной жен, претендующих на его миллионы, третьи уверяют, что Гетти слишком занят своими операциями на Ближнем Востоке, где ему принадлежат обширнейшие нефтяные концессии. Они-то и приносят ему самые баснословные прибыли, служат для него наиболее сильным магнитом.

«Новый Вандерbilt или Форд?» — спрашивает

журнал «Тайм» и отвечает: «Своим личным богатством Гетти давно их переплюнул».

По собственным словам Гетти, он, может быть, «уже стоит несколько миллиардов». Таким образом, состояние одного нефтяного туза равно доходам нескольких миллионов американских семей. Та же американская статистика подтверждает, что около 3 миллионов семей в США получают годовой доход до одной тысячи долларов.

Это и есть «народный капитализм».

Если послушать теоретиков «народного капитализма», то можно подумать, что каждый, кто хочет нажить миллионы, должен начать чистить на улицах ботинки или продавать газеты, либо приобрести за 10 долларов акцию какой-нибудь компании. Тогда его назовут «капиталистом». И хотя один процент населения, то есть владельцы монополий и крупных корпораций, присвоил себе 60 процентов богатств страны, хотя уровень жизни более половины американских семей на 30 процентов ниже даже официально признанных минимальных норм, хотя 98,6 процента американских рабочих не имеют никаких акций, а остальные 1,4 процента владеют ничтожным их числом, хотя доля трудящихся в национальном доходе постоянно снижается, заправилы финансовых олигархий и их агенты продолжают болтать о «народном капитализме», об «общности интересов» Рокфеллера и гнущего на него спину рабочего — нефтяника или металлурга.

...Арт Шилдс происходит из крупнейшего центра американского рабочего движения — штата Пенсильвания. Мальчиком он тоже работал продавцом газет, но почему-то не стал ни миллионером, ни даже приверженцем прославляемого в его стране образа жизни. Логика классовой борьбы привела молодого Шилдса в ряды передовых людей своей страны. Вместе с ними он всю свою сознательную жизнь ведет борьбу против ига монополий, за раскрепощение людей труда.

Я давно знаком с яркими, страстными, пронизанными глубокой верой в правоту своего дела статья-

ями и очерками Шилдса, часто появляющимися на страницах прогрессивной печати. Но лично с ним я познакомился лишь во время последней поездки в Соединенные Штаты.

Теперь это высокий, худой, седой человек с энергичным лицом. Говорит он неторопливо. Сквозь большие очки на вас смотрят умные, чуть прищуренные глаза. Много видели на своем веку эти глаза. В Питтсбурге и Детройте, в Чикаго и Нью-Йорке, по всей Америке они наблюдали немало острых классовых боев. Шилдс никогда не был пассивным наблюдателем. Он всегда находился в гуще схватки сил созидания, мира и прогресса с империалистическими плутократами, сторонниками зверской эксплуатации, войны и мракобесия.

Мы сидим и разговариваем в его скромной квартирке. Шилдс делится своими воспоминаниями. Рассказывает о стачках пенсильванских металлургов, о бригаде имени Авраама Линкольна, в составе которой он сражался против фашизма в Испании. Наш разговор то и дело переключается с событий, отошедших в историю, к делам и людям сегодняшнего дня, и снова экскурсии в историю.

— На днях я приехал из Питтсбурга, — говорит Шилдс. — Встречался там с очень интересным стариком.

— С Пэтом Кашем? — спрашиваю я.

— А вы откуда знаете? — удивляется Шилдс.

— Из ваших же статей о нем. Это, должно быть, очень колоритная фигура, человек героического склада.

— Да, Пэт интересный человек. Большой кусок нашей истории. Я с ним часто встречался. Думаю написать о нем книгу. Ему уже скоро девяносто, а голова, память еще работает. Славный, боевой старик. Потомственный сталевар. Отец его бежал из Ирландии во время картофельного голода. Он был одним из основателей «сыновей Вулкана» — первого в нашей стране профсоюза рабочих металлургов. Детей своих он тоже учил не уклоняться от борьбы за свои права. Пэту пришлось рано заменить отца, которого насмерть

задавил сорвавшийся товарный вагон. Первый бой с династией Меллонов у него произошел в десятилетнем возрасте. Пэт работал тогда на заводе «Джонс энд Лафлин». Ему, как и другим мальчикам, платили по сорок центов в день. Он уговорил ребят объявить забастовку. Они потребовали пятьдесят центов. Забастовку малолетних тружеников подавили без большого труда, но для Пэта это было первое боевое крещение на долгом пути борьбы за интересы своего класса. В двадцать один год он был председателем крупнейшего отделения Ассоциации рабочих железа и стали в Гомстед, близ Питтсбурга. Историческая стачка металлургов в 1889 году продемонстрировала силу организованного пролетариата. Она заставила отступить стального короля Карнеги. В этой стачке Пэт руководил всеми пикетами. Он был одним из лидеров многих стачечных боев, включая и знаменитую забастовку сталелитейщиков в 1919 году, которую возглавлял Уильям Фостер, ставший впоследствии руководителем компартии. В 1927 году Каш был в вашей стране в составе делегации американских рабочих. В компартию он вступил в возрасте шестидесяти лет и до последнего времени продолжал активно участвовать в рабочем движении. Многими своими завоеваниями, одержанными в кровопролитных боях с капиталом, современные американские профсоюзы обязаны таким людям, как Пэт Каш. Когда-нибудь ему воздвигнут памятник в Питтсбурге. В этом я не сомневаюсь. Но теперь он оказался в мрачном доме престарелых, где над ним к тому же издеваются.

— Значит, и Пэт Каш не стал миллионером?

— Как видите. Хотя он и дожил до очередной большой кампании, призванной обелить капитализм, наклеить на него «народный» ярлык. Пэт проработал полстолетия на металлургических заводах, но его умудрились лишить даже права на пенсию. Вот вам «народный капитализм» в действии.

Позднее я узнал о смерти Пэта Каша, этого славного сына, подлинного героя своего народа. Он умер в конце 1957 года, вскоре после своего девяностолетия.

— Первого в своей жизни миллионера, — расска-

зывал в другой раз Шилдс, — я встретил еще тогда, когда ходил в коротких штанишках и разносил газету «Йорк диспетч». Это был землевладелец Хэрш, мрачного вида человек немецкого происхождения, считавшийся самым богатым в нашем городе. Мы, ребята, прозвали его «бароном», а большой, отступавший от дороги в тенистые деревья дом, в котором он жил, — «замком». Дом этот был расположен в конце моего газетного маршрута. На Новый год лакей выдавал мне из миллионных богатств своего хозяина

круглый серебряный доллар. Чтобы заработать этот чаевой доллар, мне нужно было триста дней в году, в дождь, снег, на солнцепеке, проходить длинный путь, ведущий к дому «барона». Помню, однажды в предвечернюю погоду, когда над городом бушевала буря, я миновал этот дом. За это меня потом обругали как собаку. Я начал было оправдываться, ссылаясь на сильную простуду. Хозяин меня оборвал: «Как ты смел выкинуть такую штуку, да еще против самого мистера Хэрша! Тебя следовало бы уволить». Тогда я понял, что нельзя шутить с миллионерами.

С помощью спекуляции на пригородных земельных участках «барон» Хэрш загреб несколько миллионов. По нынешним масштабам он кажется миллионерской мелюзгой. Но у него было нечто общее с современными Рокфеллерами, Меллонами, Дюпонами и другими миллиардерами. Насколько мне известно, он за всю свою жизнь ни разу не занимался производительным трудом.

Пэт Каш.

— «Народный капитализм»? — спрашивает Шилдс. И сам отвечает: — Вы, вероятно, читали о том, что несколько сот человек в нашей стране имеют личный капитал в размере более пятидесяти миллионов долларов. Любой из членов этой шайки богаче самого богатого властелина Римской империи в разгар ее величия. Каждый из наших самых богатых тузов имеет миллиардное состояние. Сверхбогатые члены этой шайки верховодят Американской империей. Они контролируют президентов и членов кабинета у себя в стране и странах Латинской Америки.

У большинства наших современных миллиардеров богатства накоплены в результате более или менее длительного грабежа на протяжении жизни нескольких поколений. Но есть исключения. Например, нефтяной миллиардер Гарольдсон Хант из Техаса. Мне с ним доводилось встречаться. «Первоначальные накопления» ему обеспечила колода карт в одном из игорных домов нефтяного городка в штате Арканзас. Было это в двадцатых годах. Хант тогда не был нефтяником. За игорным столом он выиграл лицензию на право искать нефть. Позднее он обнаружил ее в Восточном Техасе. Хант начал обогащаться. Эти богатства ему создавали рабочие. Наступили годы гуверовской депрессии. Рабочие Техаса голодали. Хант расплачивался с рабочими мукой, фасолью и другими недорогими продуктами. Снабжавший его бакалейщик обанкротился. «Он так и не заплатил за продукты», — рассказывал мне позднее техасский бакалейщик.

Сегодня Хант — один из самых богатых людей в Америке. Его вышки выкачивают нефть в тринадцати штатах, его уполномоченные ищут нефть в Северной Африке. Посторонние могут только гадать о размерах его состояния. Агентство Юнайтед Пресс оценивает его в два миллиарда, журнал «Форчун» предпочитает снижать эту сумму до семисот миллионов. Во всяком случае, у него хватит денег, чтобы финансировать фашиствующие организации. Он оплачивал радиопередачи таких организаций, превозносил деятельность Маккарти.

Может, конечно, возникнуть вопрос: «Какое у это-

го парня право сидеть на спине американского народа? Он не создавал нефть. Не прилагает он и личного труда, чтобы выкачивать ее из земли. Какое же он имеет право на доход в пятьдесят миллионов в год?»

А братья Рокфеллеры?

Пять братьев Рокфеллеров представляют сейчас самую мощную семью в современном капиталистическом мире. Контролируемые ими нефтяные, обрабатывающие, горнорудные предприятия оцениваются в шестьдесят миллиардов долларов. Однако ни один из этих долларов они не заработали производительным трудом. Основа этих богатств была заложена противозаконными монополистическими действиями три поколения назад. Теперь Рокфеллеры — не просто паразиты, жиреющие на поте трудящихся. Они, кроме того, самые заклятые враги демократии на земном шаре. Вам нужны доказательства? Их столько, что говорить о них можно было бы без конца. Достаточно упомянуть о Венесуэле, где рокфеллеровская военная хунта свергла демократически настроенного президента Гальегоса. Никто больше Рокфеллеров не сопротивляется теперь обеспечению прочного мира. Когда на Среднем Востоке возникает угроза войны, за ней следует искать Рокфеллеров, эксплуатирующих здесь богатейшие в мире нефтяные источники. Их агент Джон Фостер Даллес снова и снова толкает Америку на грань войны.

— Но я верю, — заключает Шилдс, — приближается время, когда американский народ положит конец всем этим махинациям.

Подробные высказывания Шилдса я привел для того, чтобы познакомить читателя с отношением передовых американцев к кампаниям обмана трудящихся.

О масштабах операции по внедрению мифа о «народном капитализме» мы в первые дни приезда в Соединенные Штаты узнали от Джорджа Сельдеса, одного из опытейших американских журналистов с острым глазом и изобличающим пером.

— Самая большая кампания, которая ведется сейчас в нашей стране, — говорил Сельдес, — это кампания по продаже капитализма.

И в самом деле, никогда раньше в США не выпускалось столько рекламных брошюр, книг, фильмов, призванных подкрасить фасад, замазать трещины, припудрить одряхлевшую, подгнившую социальную систему.

— Чем все это вызвано?

— Это третья на моей памяти кампания такого масштаба, — объясняет Сельдес. — Впервые она проводилась после первой мировой войны. Вторая большая кампания в защиту капитализма была развернута в начале тридцатых годов, когда кризис рассеял иллюзии миллионов людей, полагавших, что мир вступил в полосу вечного процветания. Теперь ведется новая кампания. Правящие круги проводят эту грандиозную пропагандистскую кампанию для оправдания и выгораживания капитализма. Она, должно быть, основывается на чувстве преступности, а может быть, и на чувстве страха...

Доводы Сельдеса звучат логично. Не от хорошей жизни ухватились американские монополисты за шаткую теорию «народного капитализма». Но как бы ловко ни внедрялся этот миф, жизнь не приемлет его. Очень уж резко он с нею расходится.

Рокфеллеры развлекаются

В пылу ожесточенных межпартийных споров в конгрессе Соединенных Штатов в Вашингтоне один из лидеров республиканцев, Джозеф Мартин, как-то произнес угрожающую фразу: «Пора показать, кто верховодит американской внешней политикой».

Дальше этой фразы мистер Мартин, разумеется, не пошел. Ибо для того, чтобы показать истинных творцов американской внешней политики, пришлось бы направить луч прожектора на узкую темную нью-йоркскую улицу, именуемую Уолл-стрит, где разрабатывается «большая стратегия» монополий. Пришлось бы разобраться и в том, почему конгресс послушно штампует все, что исходит из главных контор монополий. К этому вовсе не стремился Мартин. В противном

случае он мог бы зачитать письмо Т. Уэлша из Чикаго, появившееся на страницах одной из нью-йоркских газет.

«Политика государственного департамента, — писал Уэлш, — зарождается в конторах «Стандард ойл». Когда заказ на законы, призванные оградить интересы нефтяных королей, исходит от самой династии Рокфеллеров, весь конгресс — от мала до велика — становится в положение «смирно» и делает то, что приказывают хозяева».

В этом мы убедились, когда в дни нашего пребывания в Соединенных Штатах Рокфеллеры навязали конгрессу свою программу, получившую название «доктрины Даллеса — Эйзенхауэра». Но не об этом будет сейчас идти речь.

Американская печать очень редко и скупо пишет о роли Рокфеллеров в формировании внешней и внутренней политики США, хотя в стране широко распространена поговорка: правительства меняются — рокфеллеры остаются. Не встретите вы на страницах американских газет описания кровавых авантур нефтяных магнатов на Ближнем Востоке или в Латинской Америке, организуемых ими заговоров и государственных переворотов, или того, с каким усердием они выжимают жизненные соки из тех стран, в которых им удалось обосноваться с помощью американских штыков, долларов и дипломатов.

И тем не менее Рокфеллеры часто фигурируют на страницах газет. Вы можете узнать об их филантропической и благотворительной деятельности, о том, что один из Рокфеллеров «утратил интерес к нефти» и увлекся театральным бизнесом, а другой «с головой ушел в банковские дела».

Можете узнать, как развлекается двадцатилетняя дочка Джона Рокфеллера III Сандра Рокфеллер, заявившая репортерам, что быть «фантастически богатой просто надоедает», так как все время чувствуешь «искусственность жизни».

— Значительно интереснее, — говорит Сандра, — быть счастливой маленькой бедной девушкой, чем бедной маленькой богатой девушкой.

Этот «каламбур» так понравился газетам, что они его печатали на первых страницах.

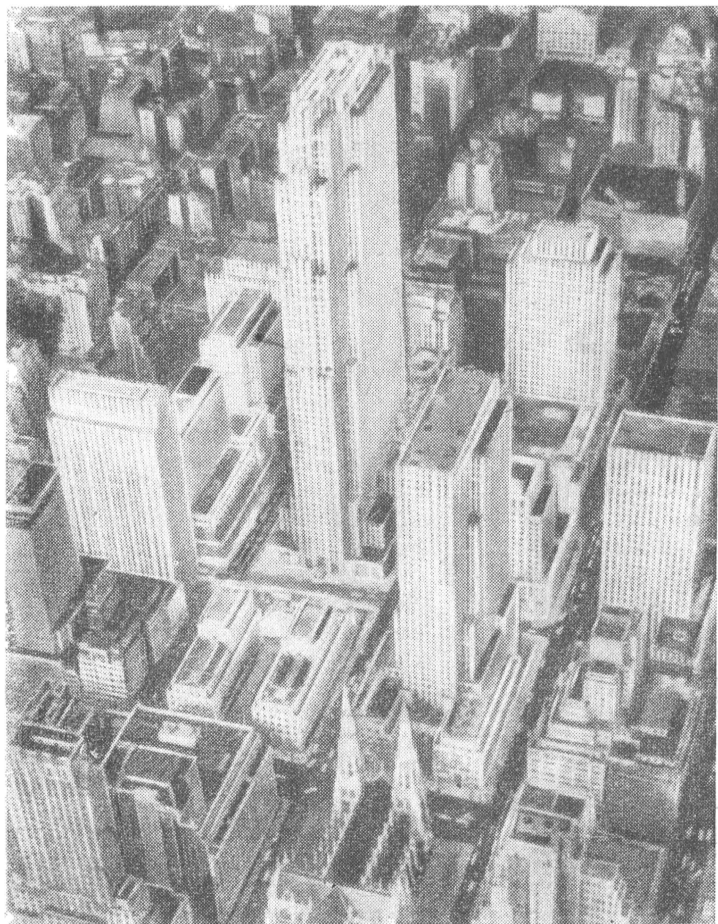
Газеты с восторгом описывали, как Сандра совершала туристское путешествие по Англии, Шотландии и Уэльсу на «экономном бюджете» и «даже останавливалась в домах, где нет центрального отопления» и из крана течет не шампанское, а только холодная вода. Печать расхваливала «подвиг» Сандры, подчеркивая, что для нее это было «необычное приключение».

Или можете узнать, с каким блеском прошла торжественная церемония передачи мистером и миссис Лоуренс Рокфеллер в дар Соединенным Штатам 5 тысяч акров земли на Виргинских островах, в Карибском море, где создается двадцать девятый по счету национальный парк; узнать о том, как Рокфеллеры устроили на этих островах пикник для 920 гостей, прибывших со всех концов страны и даже из Канады; как бойскауты регулировали движение, направляя гостей к местам для выпивки, закуски или развлечения. Вам расскажут, сколько было выпито рома, сколько съедено баранов, поросят и индюшек, как для участия в этом пикнике военно-морской флот специально выделил один из своих крупных кораблей—«Эскейп».

Обо всем этом вам охотно расскажут со всеми мельчайшими подробностями, не утаив даже, какого цвета носки на ногах у Лоуренса Рокфеллера и сколько стоят бриллианты, приколотые к платью его жены.

Но тщетно было бы искать на страницах тех же газет описания куда более важной церемонии передачи Рокфеллерами заказа на нужные им законы, о котором говорил в своем письме американец Уэлш из Чикаго.

...Не желая отставать от Рокфеллеров, известный американский финансист восьмидесятисемилетний Бернард Барух, считавшийся одно время крупнейшим спекулянтом на Уолл-стрите, решил подарить Нью-Йорку к рождеству не один, а целых два острова для расширения не столь большой площади зеленых насаждений в городе. У муниципальных властей самого крупного города Америки «кишка оказалась тонка».

Так выглядит Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке.

Их бюджет не позволял им произвести такую покупку. Для бюджета Баруха она оказалась сущим пустяком.

Газеты на следующий день вышли с благодарственными статьями, возносившими Баруха до небес. Передовая статья «Нью-Йорк таймс», озаглавленная «Острова мистера Баруха», начиналась такими словами:

«В это рождественское утро Нью-Йорк может быть благодарен за своевременный и щедрый дар, преподнесенный Бернардом М. Барухом».

Знакомые американские журналисты уверяли нас, что Барух не обеднел в результате этого подарка. Обеспеченная ему «паблисити», то есть реклама, в несколько раз окупил произведенный им расход.

Рекордсменка Мэйзи

Чего только не коллекционируют на белом свете! Во всех странах люди разных возрастов и профессий увлекаются собиранием почтовых марок, монет, ракушек и камушек, открыток, спичечных коробок, курительных трубок, сабель и сотен других, созданных людьми и природой предметов, овладевающих воображением коллекционеров. Мы даже не удивились, узнав про одного американского миллионера, собравшего богатейшую в мире коллекцию пороссячьих хвостиков. Но то, что собирала американка Мэйзи, пожалуй, превзошло воображение самых изощренных коллекционеров. Она собирала... миллионеров. Да, да, живых, хотя и стареньких, несколько изношенных миллионеров и мультимиллионеров.

Об этом интересном явлении американской жизни мы узнали совершенно случайно. Вот как это произошло.

Знакомясь с Нью-Йорком, его улицами, площадями и парками, мы иногда прогуливались по Пятому авеню — наиболее широкой и красивой магистрали города. Здесь не так много серых, напоминающих могильные глыбы, небоскребов, но зато встречаются самой разнообразной архитектурной конфигурации особняки, принадлежащие крупнокалиберной американской зна-

ти. Однажды — это было зимой — наше внимание привлекло необычное для этой улицы оживление. У особняка толпилось много народу. Мы приблизились и увидели на нем № 1051. К особняку подъезжали роскошные лимузины. Из возбужденных разговоров толпы мы поняли, что вот уже несколько дней здесь идет аукцион — распродажа редких произведений искусства. Подумав, что происходит срочная ликвидация интересного музея, который мы не успеем осмотреть, мы поспешили полюбопытствовать, что творится внутри.

На нашу просьбу зайти в особняк швейцар в ливрее ответил:

— Пожалуйста, заходите.

Представившееся нам зрелище оказалось весьма интересным. Для нас оно было просто диковинным: шла бойкая распродажа богатейших коллекций редчайших картин, книг, мебели. Все это явно представляло большую музейную ценность, но скупалось кем попало. Солидного вида джентльмен с сигарой во рту говорил: «Беру». Чек он выписывал позднее.

Продавалась, как нам удалось установить, какая-то часть имущества скончавшейся леди с довольно сложным сочетанием фамилий: Кодуэлл-Мэнуоринг-Плэнт-Хэйуорд-Ровенская.

Чем знаменита была покойница и почему у нее вместе с ценнейшими коллекциями произведений искусства появилась такая коллекция фамилий, мы узнали на следующий день из газет. Оказалось, что фамилии, как и миллионы, она получала от своих мужей — обстоятельство, впрочем, само по себе ничем особенно не примечательное для Нью-Йорка, где вам могут рассказать десятки таких историй. И тем не менее, захлебываясь от восторга, газеты описывали усопшую героиню и ее несметные богатства. Через несколько месяцев после смерти Мэйзи — так звали многофамильную великосветскую даму — снова стала центром внимания печати, радио и телевидения. Бурная жизнь обеспечила ей «паблисити» и после смерти.

Как писала «Дейли ньюс», усопшая провела «ска-зочную жизнь, коллекционируя мужей-миллионеров,

ценнейшие ювелирные изделия, редчайшие книги, бесценные произведения искусства и музейную мебель в таких масштабах, в каких это редко делала какая-либо другая женщина в истории человечества».

Одним из первых в ее коллекции оказался Селден Мэнуоринг, владелец большой сети ресторанов в штате Коннектикут. Хотя рестораны и приносили солидные барыши, им все же пришлось уступить несравненно более крупным доходам, которыми распоряжался шестидесятидвухлетний мультимиллионер Мортон Плэнт. По словам газеты, Плэнт «позаботился о том, чтобы Мэнуоринг не остался в убытке, когда он уступал ему свою жену». Так Мэйзи — одна из героинь современной Америки — приобщила к своей коллекции первого мультимиллионера — первого, но не последнего. Результаты ее дальнейших походов нанесли заметный ущерб музейным сокровищницам нескольких стран Западной Европы: Мэйзи меняла мужей, но оставалась верна неизменной страсти — она продолжала собирать ценнейшие произведения искусства.

И вот мы присутствуем в Нью-Йорке при распродаже какой-то части оставленных ею богатств. Газеты восторженно описывают эти сокровища, называют имена известнейших французских, итальянских, бельгийских, немецких живописцев, скульпторов.

При жизни Мэйзи была рекордсменкой по части коллекционирования миллионеров. Но и после смерти она продолжала ставить рекорды. За несколько дней на аукционе было установлено целых три новых «национальных рекорда».

Во-первых, общая выручка достигла 2 438 980 долларов, что превышало предыдущий рекорд, державшийся с 1928 года, когда поместье известного стального короля Эльберта Гэри было продано за 2 293 693 доллара. Во-вторых, за один день было продано принадлежавших Мэйзи жемчугов на 1 222 865 долларов. Это тоже рекорд. И, наконец, третий рекорд был установлен все той же Мэйзи: одно ее ожерелье с бриллиантом в 213 карат было продано за 385 тысяч долларов. Такую цену, по уверению современных бытописцев американских миллионеров, не

удавалось получать за одну какую-нибудь вещь на аукционе с 1929 года, когда за картину выдающегося итальянского живописца Пьеро Делла Франческа было уплачено 375 тысяч долларов...

Портреты Мэйзи вновь запестрели на страницах газет. Ее как бы награждали пальмой первенства, ставили в пример всему подрастающему поколению девушек Америки.

«Семейное счастье» — оптом и в розницу

Преклонению перед долларом в США учат упорно и настойчиво с детства и до конца жизни. Система купли-продажи, власть денег охватывает буквально все сферы человеческих отношений. Не оставляет она без внимания и семейную жизнь. В Америке существует целая сеть всевозможных маклерских контор, фирм, «клубов», корпораций, которые с большой для себя выгодой оптом и в розницу торгуют «семейным счастьем».

Для буржуазного общества сводничество — обычное явление, и об этом, возможно, не следовало бы даже писать. Ведь еще в своем «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс более ста лет назад отмечали, что «буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям». Но в Соединенных Штатах продажа и покупка любви организованы в таких широких, поистине американских масштабах, что об этом следует хотя бы кратко рассказать. Это не малый бизнес, со своими коммерческими предприятиями, агентами, «экспертами» и, конечно, со своей большой рекламой. Газеты и журналы пестрят призывами к молодежи верить свою судьбу ловким торговцам.

— Вам нужна блондинка, брюнетка, шатенка? Молодая, средних лет или постарше? Пожалуйста, выбирайте!

— Вы ищете жениха? Прекрасно. Нас интересует только одно: сколько стоите вы сами? Предъявите свой банковский счет и... выбирайте! Чем больший у вас ка-

питал, тем больший у вас будет выбор. Как видите, условия очень простые.

— Жениха или невесту вы можете себе выбрать по каким угодно признакам: по цвету волос, росту или комплекции, по каким угодно признакам либо вкусам, привычкам или склонностям, по профессиям или, наконец, что важнее всего при господствующем здесь образе жизни, по кошельку, по классовой принадлежности.

С самого начала следует оговориться, что хотя американские дельцы внесли много своего, нового, оригинального в древнейшую профессию сводничества, они все еще не произвели в ней коренной революции. Общеизвестная склонность к упрощению и стандартизации любых коммерческих операций пока еще не привела к продаже женихов или невест в универмагах, бакалейных лавках или даже в знаменитых универсальных американских аптеках, торгующих, как известно, чем угодно, — от пилюль, «гарантирующих веселое настроение», до завтраков и обедов, рубашек и трусиков, детективных романов, сковородок, калош, часов, письменных и фотографических принадлежностей и множества других товаров.

Тем не менее своднические конторы для удобства клиентов в значительном количестве имеются во всех городах страны. Большинство торговцев семейным счастьем предпочитает называть свои коммерческие заведения «клубами», «лигами» или «службами».

«Клуб Доры Ли» из Чикаго, например, печатает такие объявления: «Вниманию всех одиноких мужчин, независимо от их возраста. Предоставьте Доре Ли найти вам девушку ваших грез. Будьте спокойны — она у нас есть, она числится в нашей картотеке и лишь дожидается вас. Помните... Одиноким мужчинам не может быть счастливым. Мы располагаем самыми современными в мире средствами для обеспечения счастливого союза. Мы уверены, что разработали систему, которая на много лет опережает наше время. Мы являемся родоначальниками знаменитых «сватов».

Некоторые своднические конторы еще более цинично конкретизируют предмет своего бизнеса. «Бест

клуб». (Голливудский бульвар 5880, Голливуд, Калифорния) обещает выслать своим клиентам «имена и адреса 300 красивых, одиноких, скучающих медсестер, учительниц, модисток, вдов, фермерш и других в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет, с которыми вы будете счастливы познакомиться».

Конкурирующая с этой фирмой коммерческая компания, возглавляемая Алланом Крэйгом (тоже из Голливуда), сулит «фотографии и описания искренне настроенных, привлекательных леди и джентльменов, ищущих «романы», и добавляет: «Результаты гарантированы. В противном случае возвращаем деньги».

«Тропический клуб» из Майами заверяет, что «никто другой не обеспечивает лучшей службы, чем мы», а «Лига судьбы» из штата Вашингтон утверждает, что она гарантирует «самое широкое в мире обслуживание». Дешево и сердито: «За один доллар вам пришлют судьбу Купидона».

Понятно, что если расовая дискриминация пронизывает всю жизнь в Америке, если она практикуется в США на предприятиях, в учебных заведениях, в гостиницах, ресторанах, на транспорте, то не может она миновать и такой тонкий бизнес, как сводничество. «Рекс клуб» (из Миннеаполиса, штат Миннесота), предлагая «большой список фамилий и адресов людей обоих полов, желающих познакомиться с вами», предупреждает, что фирма «обслуживает только белых».

Мы уже отмечали, что своднические конторы имеются по всей стране. Так что если человек, к примеру, живет в Нью-Йорке, ему нет надобности обращаться в Чикаго, Голливуд или Миннеаполис. За соответствующую мзду он может вручить свою судьбу одной из нескольких десятков своднических контор города Нью-Йорка, скажем, такой, как «Матримониальная служба Филда» — «самая надежная», как она сама себя рекомендует. Помещается она на Пятом авеню, на углу 43-й улицы и по «специальному назначению» высылает своих агентов за город, в соседние поселки, деревни и даже в другие штаты.

Не сомневайтесь — Филд все за вас предусмотрит, обо всем позаботится, избавит вас от всяких хлопот,

связанных с выбором друга сердца, и при этом отнимет очень мало вашего ценного времени. Кто-кто, а уж Филд знает, что время — деньги. Он не будет долго мешкать. Он даже даст вам «гарантию успешной супружеской жизни».

Вы сомневаетесь в добрых намерениях мистера Филда? Напрасно. Доброму мистеру Филду так хочется обеспечить людям семейное счастье, что он готов предоставить вам «бесплатную консультацию». И не только консультацию. Почитайте, с какими словами он обращается к американской молодежи:

«Если у вас имеются какие-либо трудности, связанные с женитьбой или замужеством, позвоните вашему лучшему другу мистеру Филду. Результатом этого звонка будет счастливое будущее.

Мы можем навестить вас на дому или на месте работы. У меня имеется прекрасная отборная клиентура — холостые, разведенные, вдовцы и вдовы всех возрастов. Если вы хотите встретить бизнесмена, чиновника, фабриканта, домовладельца, рабочего парня, учителя, дантиста, адвоката, врача или какого-либо другого представителя прекрасного класса богатых мужчин и женщин, зачем вам тратить зря время и деньги. Позвоните нам и назначьте свидание. За этим последуют прекрасные результаты».

А дальше уже следует нечто вроде «реплики в сторону» родителей на случай, если какая-нибудь стесняющаяся девица заупрямится и откажется продавать себя с помощью добрых услуг дядюшки Филда: «Родители! Мы можем устроить свидание для вашей дочери без ее ведома». Для большей убедительности последняя фраза набрана крупным шрифтом.

Я не знаю, как велика клиентура Филда и каких размеров доходы она ему приносит. Но, видимо, и та и другая цифра не малая. Иначе он вряд ли стал бы тратить так много денег на рекламу.

...Некоторые американцы, не желающие прибегать к услугам подобных «матримониальных контор», берут в свои собственные руки коммерческие заботы о своем семейном счастье. В газетах ежедневно

появляются сотни объявлений богатых старух, готовых купить молодых мужей, и наоборот: молодых людей, готовых продаться таким особам. Подобные объявления печатаются даже в справочниках и путеводителях. В издаваемом в Бостоне «Еженедельном путеводителе» вы найдете не только списки гостиниц, ресторанов, универмагов, перечень фильмов, идущих в кинотеатрах, но и такие объявления:

«Словоохотливый, интеллектуально развитый молодой человек, с красивой внешностью желает встретиться с богатой вдовой со слабым здоровьем. Цель очевидна. Обращаться: п/я 2020».

Или несколько более туманно составленное, но не менее циничное извещение:

«Может ли кто-нибудь избавить меня от гнетущего подавленного состояния? Робкий Питер, п/я 2000».

Мечта о богатом выигрыше в «брачной лотерее» служит темой для сотен голливудских кинокартин и не меньшего числа романов, ежедневно выбрасываемых на книжный рынок.

Погоня за богатыми женихами и невестами — излюбленная тема не только бульварной, но и так называемой «солидной» американской прессы. Газеты ежедневно со всеми подробностями смакуют «сцены», конфликты, распри в семьях, власть имущих мультимиллионеров и популярных кинозвезд. Эти сообщения подаются как сенсации, как самые важные события. Их печатают под огромными интригующими заголовками, отвлекающими внимание читателей от информации о забастовках, о росте безработицы или о предложениях по сокращению вооружения, которые помещаются на менее видных местах под мелкими заголовками. При этом на первый план всегда выставляется коммерческая, денежная сторона бракосочетания, размолвки, развода.

Выходящая самым крупным тиражом в Нью-Йорке газета под крупным заголовком через всю первую полосу сообщает:

«Голливуд, 29 января. Красивый нью-йоркский актер Грег Хуарес, ухаживавший за звездой «Мет-

рополитен опера» Пэтрис Мюнсель и часто встречавшийся с Евой Габор, бежал на самолете в Сюидад Трухильо, столицу Доминиканской республики, со своей возлюбленной семнадцатилетней Фредерикой Сигрист, которая, когда ей исполнится двадцать один год, унаследует огромное состояние своего отца, скончавшегося предпринимателя и конструктора реактивных самолетов.

Они вылетели из резиденции Сигристов в Нассау через Гаити, чтобы воспользоваться законом этой республики, разрешающим бракосочетание людей, проведших на этой территории двадцать четыре часа. Посланные матерью невесты сыщики преследуют по пятам беглецов, которых сопровождает миссис Хью Шеннон, вдова аргентинского пароходовладельца — миллионера Альберто Додеро».

«Бывшая кинозвезда требует алименты в два миллиона», — читаем мы крупный аншлаг на первой странице газеты «Нью-Йорк джорнэл — Америкэн». Под заголовком помещена заметка. Вся она набрана жирным шрифтом, чтобы привлечь внимание всех читателей к наиболее важному, по уверению редакции, событию дня. Заметка настолько типична для нравов американского буржуазного общества, что ее стоит воспроизвести полностью, без каких-либо сокращений:

«Эл Скотт, миллионер, владеющий нефтяными и горнорудными предприятиями, подтвердил сегодня, что его жена, бывшая кинозвезда Мариан Марш, добивается развода, требуя 2 миллиона долларов отступного.

Эта сумма намного меньше 5 миллионов долларов, которые, как сообщают, получила от Уинтропа Рокфеллера его бывшая жена Бобо Рокфеллер, но вполне соответствует 2 миллионам, полученным Марианной Обриен Рейнолдс, когда она разошлась со своим бывшим мужем — наследником табачного короля Диком Рейнолдсом.

Скотт, который находится сейчас в городе, отказался сообщить адрес своего нового временного местожительства в Нью-Йорке, но в беседе с нашим

корреспондентом в ресторане «Тутс Шор» подтвердил всю эту историю.

— Она, — сказал он, — выдвигает даже фантастическое обвинение, будто я собрал полмиллиона долларов наличными и обратимыми облигациями и увез все это с собой только для того, чтобы помешать ее замыслу. Мне лично смысл такого обвинения непонятен. Подумайте сами, приходилось ли вам когда-нибудь слышать, чтобы кто-нибудь хранил так много денег в домашней обстановке?

Скотт — популярный человек в Нью-Йорке и Голливуде. Он является другом Дена Топпинга и «аварийного» Келли. В прошлом он был женат на другой кинозвезде — Коллен Мур.

Интересы нынешней г-жи Скотт представляют голливудские адвокаты Герри Гейзлер и Ллойд Райт. Скотт заявил, что хотя сумма, запрошенная его женой, «неимоверно завышена», он не возражает против самого развода. У Скоттов двое детей».

Представитель филадельфийской знати подает в суд на видного кливлендского промышленника — миллионера Вернера, требуя, чтобы тот уплатил ему 500 тысяч долларов за «ущерб», причиненный ему, отцу Леланда Каммингса, двадцатиоднолетнего молодого человека, решившего жениться на дочери Вернера, которой тоже двадцать один год. В чем же выразился ущерб, нанесенный Вернером Каммингсу? Оказывается, лютеранская семья Вернеров уговорила молодого Каммингса (католика) венчаться в лютеранской церкви. Вот за этот «ущерб», нанесенный ему, католику, Каммингс-старший и требует полмиллиона долларов.

Вы спросите — почему полмиллиона? Трудно сказать. Может быть, в эту сумму он оценивает свою католическую веру.

Мутный поток подобных статей и заметок, с восторгом рисующих быт и нравы буржуазной знати, ее стариков и их молодых отпрысков, изо дня в день, из года в год развращает, уродует, отравляет сознание и психику молодежи, прививает ей самые дикие

представления о человеческих ценностях, о смысле и назначении жизни человека.

Пресыщенные, развращенные миллионеры часто меняют своих жен. Это у них считается «страшно модным», своеобразным свидетельством того, что им «все возможно», «все доступно».

Совершая прогулку на автомашине по штату Нью-Йорк, мы однажды обратили внимание на несколько странное объявление в одной провинциальной газете. Оно было набрано самым крупным шрифтом и занимало целую страницу газеты. Озаглавлено оно было так: «Продается Дом невест».

— Почему невест? — спросили мы местного жителя, работника бензиновой колонки.

— А вы что, не знаете Томми Мэнвила? — ответил он, в свою очередь, вопросом.

Мы признались в своем невежестве.

— Так ведь это асбестовый король. Все знают Томми. Он недавно развелся со своей женой номер восемь. Ему надоел дом, в котором жили все эти жены. Посудите сами: в доме-то всего-навсего двадцать восемь комнат. Возможно, вы его видели, проезжая Нью-Рошель, это недалеко отсюда. Дом, конечно, солидный. В доме и окружающих его постройках можно было бы свободно разместить всю нашу деревушку. Но для Томми этого маловато. Он ведь действительно богатый парень.

Наш собеседник не выказывал ни малейшего удивления или возмущения поведением асбестового короля. Внутренне он, кажется, возмущался нашей непонятливостью.

Власть денег, закон купли-продажи, видимо, был в его представлении высшим незыблемым законом. В стране капитала никому не дано нарушать этот кодекс, закон голого, бессердечного «чистогана». Где, как не здесь, в Соединенных Штатах, видишь на каждом шагу, как современная буржуазная цивилизация «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод — одну бессовестную свободу торговли».

СТИЛЯГИ ШТУРМУЮТ ТАЙМС-СКВЕР

Для штурма был избран день рождения Георга Вашингтона, первого президента Соединенных Штатов, хотя поводом вовсе не служило стремление поднять затоптанное в грязь, изодранное в клочья знамя буржуазной демократии.

Повод был куда более прозаический. Молодежь готовилась смотреть премьеру фильма «Не придирайтесь к рок-н-роллу». Он должен был демонстрироваться в одном-единственном кинотеатре, в «Парамаунте», в центре Бродвея, на Таймс-сквере.

Премьера фильма также была назначена на этот день не потому, что в ней возрождались какие-либо демократические принципы, а по той простой причине, что по случаю дня рождения Вашингтона студенты и школьники были свободны, у них не было занятий.

Чтобы набить цену картине, повысить ее популярность (и, конечно, взвинтить цены на билеты), фильмы, предназначенные стать «боевиками», обычно в течение нескольких недель или даже месяцев показывают в каком-нибудь одном центральном кинотеатре, принадлежащем крупному киномагнату, после чего их выпускают на другие экраны. Так было и с упомянутой картиной. В ней участвовали звезды ультрамодернистской музыки и танца: Алан Фрид, Бил Хэли, Алан Дэйл и другие властители стиляжьи сердец.

Очереди стали выстраиваться еще с ночи. К восьми утра, когда открылись кассы, более 5 тысяч озябших и промокших юношей и девушек с криками и воплями ринулись вперед, стремясь первыми попасть в обещанный им «земной рай звуков и ощущений». Они оттеснили слабый полицейский кордон и разнесли в щепки установленные вдоль тротуаров деревянные заграждения с надписями: «Департамент полиции гор. Нью-Йорка», «Полицейский заслон». Все это сопровождалось шумом и грохотом. Толкая, сбивая друг друга с ног, наступая на соседей и топча их ногами, толпа ломала по пути витрины, высаживала двери магазинов, у входа в кинотеатр пригнула к земле медные перила, установленные для направления людского потока, а в самом театре разбила будку кассира. На площади и соседних улицах подростки приостановили движение. Визги, крики и рев были слышны с соседних улиц.

Срочно были вызваны полицейские подкрепления. Их встретили руганью и проклятьями. В них посыпался град помидоров, яиц, яблок, бутербродов. Пришлось вызвать новые отряды полиции. Понадобилось двести дюжих полицейских, вооруженных дубинками, в том числе и конная полиция, чтобы наве-

сти кое-какой порядок, приостановить надвигавшуюся на кинотеатр армию поклонников рок-н-ролла. Каких-то пострадавших девиц увезли в больницу. Кругом стояли истерзанные или сильно помятые молодые люди и девушки. У одних были порваны рукава стилижных курток, мужских узких брезентовых брюк или черных в обтяжку штанов, в которые была одета значительная часть женской половины толпы. Другие ковыляли в одной туфле или ботинке, разыскивали потерянную в суматохе шляпу, шарф, платок или другие предметы туалета, валявшиеся тут же под ногами прохожих. Некоторые всхлипывали, размазывая слезами густо нанесенную на лицо косметику, другие молча потирали поврежденную руку или ногу, рассматривали в зеркальце неведомо откуда заработанный синяк.

В театр впустили более трех с половиной тысяч человек. Но очередь снова распухла до пяти с лишним тысяч. Этим не преминула воспользоваться администрация. Цены на билеты тут же были повышены с полутора до двух, а затем и до двух с половиной долларов. Снова поднялся шум. Послышались возмущенные выкрики, ругательства. Если бы не отрезвляющее присутствие двух сотен полицейских, администрация в этот момент вряд ли избежала бы полного разгрома своего кинотеатра. У многих в кармане не было лишнего гроша — ни цента больше заготовленных заранее полутора долларов, а они были намерены во что бы то ни стало попасть на представление...

Если на улице полиции удалось охладить горячий пыл ретивых поклонников рок-н-ролла, то внутри кинотеатра в это время царил неопиcуемый бедлам. В фойе и кулуарах под звуки разносившейся танцевальной музыки и под собственное улюлюканье молодые пары изощрались в сложных выкрутасах, стремясь перешеголять друг друга в подражании своим кумирам. Несколько десятков частных полицейских, предусмотрительно нанятых администрацией кинотеатра, никак не могли справиться с разбушевавшейся молодежью. Относительное

спокойствие воцарилось только тогда, когда на сцене появился Алан Фрид со своим оркестром и несколькими другими звездами — участниками фильма. Начался обещанный рекламой концерт участников фильма. Но спокойствие продолжалось всего несколько минут. Как только оркестр в бешеном темпе заиграл рок-н-ролл и артисты стали показывать образцы какой-то сложной смеси акробатическо-эпилептических упражнений, публика загудела, и в зале началось нечто трудновообразимое. Девушки и парни то вскакивали на сиденья, хлопали в ладоши и что есть мочи, не жалея глоток, кричали до хрипоты. То они соскакивали на пол и, топая ногами, пытались делать сложные телодвижения в промежутках между рядами, в узких пределах отведенного им места. Это неизбежно приводило к столкновению с соседями. Раздавались визги, крики. Казалось, что большая часть публики просто обезумела. И хотя зал был заполнен стройными, молодыми, едва успевшими вступить в жизнь людьми, внешне мало похожими на тех, кто, «раскачивая жирные бедра», шаркает и топает жирными ногами, нам приходили на память горьковские слова о «стаде толстых людей, вытаптывающих культуру».

Театр содрогался от грохотающей, лязгающей, свистевшей и стонавшей музыки. Она дополнялась воем молодых рок-н-роллистов, подхватывавших конвульсивные ритмы. Ко всему этому добавлялся топот ног.

Топот раздавался не только вокруг нас, но и сверху, над головами. Три тысячи ног, принадлежавших полутора тысячам зрителей, завладевших балконом, казалось, старались во что бы то ни стало обрушить его на наши головы. Угроза обвала заставила пожарников предупредить дирекцию, что она будет нести ответственность за последствия. Они утверждали, что замечены колебания балкона. Не без труда оттуда удалили две трети зрителей.

Концерт продолжался под вопли и топот восторженной публики. Он, видимо, настолько истощил эмоции бесновавшихся зрителей, что когда начался

гвоздь программы — премьера фильма, значительная часть публики физически уже не была в состоянии восторгаться им, тем более что картина оказалась даже не посредственной, а просто убогой. Правда, нервные крики временами еще раздавались. Особенно усилились они в том месте, где герой фильма, ставший знаменитым певцом рок-н-ролла (его играл Алан Фрид), возвращается в свой родной провинциальный городок и встречает там холодный прием, в частности со стороны мэра. Последний произносит на железнодорожной станции речь, осуждающую нервическую музыку, рассчитанную на развязывание низменных страстей, как угрозу моральным устоям молодежи. Тут рок-н-роллисты, казалось, готовы были броситься на экран и растерзать этого мэра. Охрипшие голоса с разных концов театра кричали: «Долой!», «Хватит!», «Заткнись!»

Кассовый сбор оказался рекордным, владельцы кинотеатра и Фрид остались довольны.

— Если в кинотеатре и поломали стулья, — говорил после премьеры Фрид, — то это забота администрации. Я лично очень доволен...

Сам Фрид заработал неплохо, а кинотеатр, по его словам, получил намного больше того, что досталось ему и его актерам. За короткое время картина принесла поставившей ее фирме «Коламбия пикчерс» доход в 3 миллиона долларов. А ей еще предстояло собирать доллары во многих других городах Соединенных Штатов и за границей.

Король рок-н-ролла

Как и всякий выгодный, быстро развивающийся бизнес, который к тому же полностью отвечает программе воспитания опустошенных, бездумных молодых людей, рок-н-ролл выдвинул своих кумиров, «героев», чьи имена и физиономии не сходят с газетных полос и телевизионных экранов, чьи голоса до тошноты заполняют эфир современной Америки.

При всей популярности Фрида и других звезд

рок-н-ролла они не могут тягаться с главным идолом молодых любителей патологических конвульсий, двадцатидвухлетним Элвисом Пресли. Реклама создала вокруг него такой культ, обеспечила ему такой, как говорят в Америке, «билд-ап», что Элвиса по праву можно считать королем рок-н-ролла.

С виду это парень небольшого роста, с черными сползающими на узкий лоб волосами и мутными, сонными глазами. Стиляжья прическа, длинные виски, пухлое с тупым выражением лицо.

Элвис быстро сделал головокружительную карьеру. Совсем еще недавно никто не знал об этом провинциальном парне, которому суждено было олицетворять маразм буржуазной культуры. Его знали разве только в небольшом затерянном где-то в штате Массачусетс городишке с весьма выразительно звучащим на русском языке названием Тупело. Трудно, конечно, предположить, что в предвидении появления Элвиса и той роли, которая ему будет отведена в отуплении молодежи своей страны, городок называли таким именем. У отцов — основателей города — не было причин предвидеть, что будущий земляк так их прославит. Но так или иначе, волею тех, кто поднял его до звезды первой величины, психопатическое «творчество» Пресли, в основе которого лежит стремление возбудить сексуальные инстинкты, оглушает и отупляет не только молодежь его родного Тупело. Ловкие дельцы обеспечили ему большую рекламу, и Пресли приступом завоевал Америку, прихватив заодно и кое-какие жирные куски в наиболее падких на модный американский импорт западных странах.

За один год крупная фирма грамзаписи «Виктор» распродала тринадцать с половиной миллионов пластинок и два миллиона семьсот пятьдесят тысяч альбомов с записями песен этого идола рок-н-ролла. Один лишь перечень этих наспех напетых пластинок занял бы несколько страниц убористого текста. Фирма и сам Пресли торопились максимально воспользоваться благоприятной конъюнктурой на рынке рок-н-ролла, решив ковать железо, пока очередной

психоз не остыл. Наиболее характерным для этих песен является пессимизм, чувство обреченности, опошление элементарных понятий морали и человеческого достоинства, сексуальная эротика.

Об идейном и нравственном содержании преслинского репертуара можно судить по названию некоторых из его песен: «У меня есть женщина», «Деньги—красотка», «Гостиница, где ломают сердца», «Трясись, крутись, вертись», «Моя крошка покинула меня», «Ты прав, меня покинули, она ушла», «Наплевать, если не будет светить солнце», «Я забыл вспомнить, что нужно забыть», «Ты ломаешь сердца», «Буги блюз молочной коровы».

Исполняя эти песенки, Пресли бренчит на гитаре, закатывает глаза и делает такие телодвижения, которые у другого забулдыги не получаются даже в очень пьяном состоянии. Последнее обстоятельство дало основание многим газетам постоянно печатать имя короля рок-н-ролла с сознательной «опечаткой». Вместо Элвис они именуют его Пэлвис, что на английском языке означает ту часть тела, которую принято называть тазом. Им он больше всего пользуется в своих эстрадных выступлениях.

Видел я Пресли в его первой кинокартине «Люби меня нежно» — глупеньком фильме, построенном вокруг одноименной песни. В исполнении Пресли пластинки с этой песней разошлись в огромных количествах. Сюжет картины вкратце следующий.

Конец гражданской войны в Америке. Отряд южан, который еще не знает о поражении своей армии и окончании войны, продолжает выполнять данное ему задание — ограбить военную кассу противника. Успешно завершив эту операцию, участники отряда встают перед дилеммой — как быть с захваченной денежной добычей. Недолго думая, они решают разделить ее между собой.

Среди этих солдат три брата. Они возвращаются к себе на ферму, где старшего из них считали погибшим на фронте. Дожидавшаяся его девушка вышла замуж за младшего (четвертого) брата, оставшегося на ферме, но продолжает любить старшего.

Роль младшего брата играет Элвис Пресли. В ходе картины он пытается убедить других, что старший брат хочет захватить свою и чужие доли денежной добычи, прихватить его (младшего брата) жену и сбежать с фермы. В действительности же старший брат — благородный парень, его грызет совесть, и он хочет возвернуть деньги государственным властям. В результате сложных перипетий происходят, конечно, традиционные ковбойские погони на быстрых скакунах и перестрелки.

Справедливость торжествует: младшего брата судьба наказывает за ревность и излишнюю подозрительность. В одной из перестрелок его убивают. Таким образом, поле битвы остается за старшим братом. Он отдает деньги властям, и к нему возвращается любившая его женщина, успевшая овдоветь. До своей смерти в картине Элвис Пресли получает возможность спеть на ферме и на ярмарке несколько «душещипательных» песенок, ради которых, видимо, и был поставлен весь этот фильм.

Многие поклонницы Пресли бурно реагировали на такую расправу в картине с их героем. Им не понравилось, что его убили и похоронили. По ходу картины эти поклонницы, главным образом молоденькие девицы, вскакивали со своих мест и нервно хихикали, когда Пресли под аккомпанемент гитары, закатывая глаза и судорожно дергаясь, исполнял свои песенки. Они же шумно всхлипывали, когда его, наконец, «убили».

Послышались истерические вопли, какие-то выкрики.

Раздавались, правда, и более степенные голоса: «Какой позор!» Мы их относили не к картине, а к оценке той реакции на нее, свидетелями которой нам довелось быть. Ведь у очень многих американцев Пресли вызывает гадливое чувство, как если бы их окатили грязными помоями.

Позднее, уже в разгаре своей славы, Пресли поставил фильм «Сумасшедший дом Рок». Он был режиссером, постановщиком и главным актером в этой картине. Выступавшие с ним артисты джаза демон-

стрировали свое искусство, стоя на голове, лежа на спине и в других акробатических позах. Кстати, при съемке этого фильма пострадал его главный герой: во время какого-то танцевального выкрутаса Элвис так увлекся, что проглотил золотую коронку со своего зуба, попавшую ему в легкое. Музыкальные дельцы не на шутку испугались: они вложили в Пресли определенные капиталы, которые приносят изрядные барыши. Потеря Пресли означала бы необходимость создавать нового, подкрепленного рекламой кумира. Это требует денег.

Но страхи быстро улеглись. Хирургическое вмешательство поставило Пресли снова на ноги. Вскоре он опять закрутился и задергался на эстрадах и экранах. Идол снова заработал.

Упражнения Элвиса Пресли, прозванного многими американцами «Трясучкой», обогащают предпринимчивых дельцов, а заодно, конечно, и самого кумира.

Своеобразную рецензию на творчество Пресли напечатал журнал «Ньюсуик». Характерно, что эта рецензия была помещена не в театрально-музыкальном разделе журнала, а в той части, где еженедельно даются обзоры деловых операций промышленно-торговых и банковских фирм. Статья имела ясный и простой заголовок: «Пресли означает прибыль».

По неполным подсчетам, за сравнительно короткое время в Соединенных Штатах было продано различных товаров с именем, автографом, инициалами или портретным изображением Пресли на общую сумму в 26 миллионов долларов! В числе этих ходких товаров были: 100 тысяч штук портретов и на 150 тысяч долларов статуэток героя; полмиллиона украшенных его автографом коробок с губной помадой самых различных оттенков, получивших названия по наиболее популярным песням его репертуара: оранжевый цвет — «Гончая собака», темно-красный — «Разбитое сердце», ярко-красный — «Тути-фрути» и т. д.; 350 тысяч браслетов с изображением любимых атрибутов Пресли — той же гончей собаки, ги-

тары; пронзенного стрелой Купидона сердца и, уж конечно, его собственной физиономии; сотни тысяч пар дамских чулок, юбок, блузок, стилизанных курток, штанов, галстуков, рубашек, трусов, шарфов, даже наволочек и простыней с изображением все того же Пресли анфас и в профиль, в стоячем, сидячем, танцующем, прыгающем и лежащем положениях.

Один из многих выходящих в Нью-Йорке бульварных журналов острит по этому поводу в статье, появившейся под заголовком: «Элвис Пресли в одном миллионе постелей». В ней подробно описывалось, как «преслипатки» — так прозвали в Америке наиболее помешавшихся на рок-н-ролле девиц — поклоняются своему новоявленному богу, сниспосланному им коммерческо-рекламными небесами. Одна только фирма «Лайон бразерс» в Балтиморе выпускает для созданных по всей стране молодежных клубов рок-н-ролла около 600 тысяч разного рода эмблем и значков Пресли.

Вокруг Элвиса Пресли вертятся сонмы ловких дельцов. С помощью услужливой печати, радио, телевидения и всех видов рекламы они внедряют «преслипатию» и психоз рок-н-ролла в невиданных ранее масштабах.

И это делается не только в Соединенных Штатах. Рок-н-ролл экспортируется во многие страны вместе с американской детективной литературой и комиксами, вместе с массовой голливудской кинопродукцией, проповедующей насилие, вражду к человеку, всему лучшему, что он уже создал и стремится создать. Этот экспорт призван содействовать внедрению господствующих за океаном моральных и этических норм, воспитанию людей бездумных, опустошенных, живущих в крайне ограниченном, узком мирке погони за долларами и центами.

Журнал «Лайф» напечатал в 1958 году специальный фотоочерк, посвященный распространению рок-н-ролла в капиталистическом мире. В нем отмечалось, что в западноевропейских странах, в Латинской Америке, в Японии оказалось немало подражателей

Элвиса Пресли. Некоторые из них, завладев эстрадой и эфиром, даже успели разбогатеть.

Разлагающее влияние рок-н-ролла привело к тому, что в ряде стран, например в Египте, этот тлетворный американский продукт просто запретили, подобно тому как во всех цивилизованных государствах запрещают опиум и порнографию.

Говоря о поклонниках рок-н-ролла, о шляющихся без дела, пустословящих, хулиганящих юнцах, даже такой французский журнал, как «Эспри», писал: «Отсутствие идеалов, отсутствие высокой идеи, которая могла бы перебросить мост между мечтой и действительностью, направить в правильное русло бурные поросли, привело их к полной опустошенности. Остался лишь налет претензий, фатовства и наглости, который, впрочем, слетает даже от слабого порыва ветра. Так как они ничего не делают, то они не смогли из себя сделать людей...»

Журнал ограничивается констатацией. Он не ищет и не называет виновников, тех, кто уродует психику молодежи.

В Америке рок-н-ролл быстро получил признание со стороны власть имущих. Наиболее «солидные» фирмы в течение какого-то времени боялись брать Пресли и рок-н-ролл на свое вооружение, опасаясь оскорбить многих родителей, воюющих со своими детьми и пытающихся отвлечь их от разлагающего действия эпилептических танцев и нравов, с которыми обычно связывают эти нервные мелодии. Одними из первых «капитулировали» фирма «Кока-кола» и крупная пивная монополия «Шеффер». Как и другие, они стали передавать свою рекламу под звуки рок-н-ролла.

Один нью-йоркский журнал как-то выступил со сравнительно резкой критикой Пресли, отмегив, что он лишен таланта и что «большинство его поклонников — это молодежь со склонностями к преступности и разврату».

Такое трезвое выступление многим показалось очень странным, поскольку журнал, о котором идет

речь, никогда не отличался хорошим вкусом, не говоря уже о каком-либо намеке на принципиальность или честность.

— Подождите, не торопитесь, — предупредил нас знакомый американский журналист, человек, проработавший в нью-йоркской прессе без малого три десятилетия. — Я бы вам посоветовал дождаться следующего номера, прежде чем судить об отношении журнала к Пресли.

Следующий номер журнала и в самом деле был интересным с этой точки зрения. Оказалось, что, выступая против Пресли, журнал в действительности преследовал совсем иную цель. Он создавал ему рекламу. В этом уже не было никаких сомнений. В свежем номере королю рок-н-ролла была посвящена центральная статья, иллюстрированная снимками, показывающими, как обезумевшие «преслипатки» обожествляют своего кумира. Целые страницы были заполнены «гневными протестами» против выступления журнала и восторженными отзывами о Пресли. Над двухстраничным разворотом значился заголовок: «Поклонники Элвиса отплевываются». Заголовок был набран жирным двадцатипятимиллиметровым шрифтом да еще напечатан красной краской.

Дженни, Сю и Микки, представители клуба рок-н-роллистов с Лоринг-стрит, прислали в журнал такое письмо: «Вы написали самую лживую и грязную статью о самом крупном гении, о котором нам когда-либо приходилось читать. Элвис наш идол. Он крупнейшее явление в современном мире. Все о нем говорят. Мы гордимся тем, что помогли ему стать тем, чем он есть. Если он поет в таком стиле, что это заставляет нас кричать и визжать, то что же из этого? Таким путем мы даем ему знать, что любим его».

Мэрилин Майер из Морристауна (Нью-Джерси) возмущалась тем, что кто-то упрекал Элвиса в слишком быстром обогащении за счет своих поклонниц. «Кому какое дело до того, что у него четыре «кадиллака» и шкафы ломаются от пестрой одежды? Что же

от него хотят, — чтобы он разгуливал голым, что ли?» — спрашивала она.

Молодая девушка Диана Адамс из Уэст Хайтс-вилла (Мериленд) без тени стыда писала, что «обожествление нами Элвиса носит сексуальный характер». А какая-то помешавшаяся на Пресли и его богатом состоянии американка из Флинта (Техас) заочно предлагала ему в любовницы свою дочь, хотя ей едва исполнилось пятнадцать лет. Вот что в письме к Пресли писала эта дама: «Я сорокалетняя вдова. Моей дочери Алме пятнадцать. Вы мне нравитесь больше, чем какой-либо другой человек в нашей стране, и я считаю вас талантливым парнем. Моя дочь помешалась на вас. Ей очень хотелось бы иметь от вас ребенка. Женаты ли вы? Прилагаю фотографию Алмы».

Эти письма, быть может, красноречивее самого репертуара бесноватого Элвиса Пресли отражают существо и моральную подкладку рок-н-ролла, как и других порождений процветающей в Америке модернистской музыки и всей упадочнической буржуазной культуры.

Отживающий свой век, ожиревший, отяжелевший, загнивающий капитализм как бы говорит: «Мы движемся к закату, к гибели. Долой принципы, долой мораль, долой стыд. Будем веселиться так, как это делали наши далекие пещерные предки!»

За что избили репортера Боба

Боб зашел в салун на Иллинойс-стрит и, салютовав хозяину, заказал сода-виски. Он сел за свободный столик в углу длинного, но уже изрядно заполненного в эти утренние часы бара и закурил. Ему хотелось уединиться и подумать над тем, что произошло.

В сущности, он поступил правильно. У него не было оснований сомневаться в этом. В последние месяцы в редакцию газеты поступало много раздра-

женных писем читателей с жалобами на пьянство и хулиганство молодежи. Когда редактор выходящего в Карбондейле «Южного Иллинойсца» поручил ему, Бобу Макклору, разобраться в этих делах и написать серию не слишком резких, но все же разоблачительных статей о пороках молодого поколения, Боб знал, что он берется за трудную и даже небезопасную тему. Но знал он и другое. Ему было известно, что тема эта давно уже приобрела общенациональное значение. В чикагских, нью-йоркских и вашингтонских газетах Боб читал статьи и заметки о пьянстве, дебошах, наркомании и разврате среди студентов и школьников.

Боб знал, что большие газеты нередко посвящают этой теме целые полосы, помещая результаты разного рода «исследований» и опросов, публикуя фотографии, показывающие, как молодежь пьянствует в барах и ночных клубах. Знал он, что пьянство является одной из причин огромного числа автомобильных катастроф. Его поразила статья, прочитанная в каком-то журнале, из которой он даже сделал выписку. В ней сообщалось, что около 28 процентов всех автомобильных катастроф падают на водителей в возрасте до двадцати пяти лет, хотя они составляют лишь 13 процентов всех водителей.

Читал он и о состоявшейся в городе Лома Линда (Калифорния) конференции по борьбе с алкоголизмом. Некоторые выступавшие там ораторы предупреждали, что пьянство среди молодежи принимает серьезные размеры, способные вызвать, как выразился один из них, «национальную катастрофу».

Представитель Сиэттля Г. Хилл говорил на этой конференции, что пьянство среди американской молодежи не является региональным, местным, изолированным явлением.

— Более половины старших школьников нашей страны, — сказал он, — пьют алкогольные напитки. Каждый десятый из них впоследствии становится алкоголиком...

Знал Боб и о том, что выводы Хилла совпадают

с данными о результатах обследования, проведенного организацией по изучению общественного мнения при университете в Пурдю. По этим данным, 58 процентов школьников старших классов пьют спиртные напитки, причем почти половина из них начала потреблять такие напитки в возрасте до четырнадцати лет.

Задание редактора — раздобыть сведения о пьянствующей молодежи и написать на эту тему серию статей — было заманчивым для Боба Макклюра. Двадцатипятилетний журналист и фоторепортер сам еще недавно был школьником и студентом. Молодежная тематика и до сих пор была ему ближе всех других тем, которые ему поручались.

При всей своей относительно небольшой практике работы в печати Макклюр знал, что редактор дал ему нелегкое задание. Не потому, что Бобу трудно было собрать нужные факты. Яркие, типичные примеры пьянства, разврата и хулиганства он мог бы собрать за пару дней. Стоило только побывать в полицейском участке, зайти в несколько школ, потолкаться в «дансинге», заглянуть в два-три салуна, побывать в более высокопоставленном кабаке, именуемом «ночным клубом».

Но Боб знал, что придется расплескать кое-какую грязь на страницах газеты. Без этого не обойтись. И не всем это придется по вкусу. Он представлял себе, как будут реагировать местные владельцы питейных и игорных заведений. Да и вряд ли директорам учебных заведений понравится, что их ученики фигурируют в печати в связи с не очень благовидными поступками.

Но что мог сделать Боб? Отвертеться от задания редактора было немыслимо. Тот бы ему этого не простил. Да и самому Бобу не хотелось лезть в кусты. В конце концов он мог укрыться под псевдонимом. Против этого, пожалуй, не возражал бы и редактор. Но разве мог Боб упустить такую прекрасную возможность — поднять свою репутацию бойкого, вездесущего репортера? Черт побери, в его возрасте репортер не может себе позволить такой роскоши —

снять свою подпись, да еще с целой серии статей! Нет, тут положительно не о чем беспокоиться. Он поступил правильно. Кроме того, дело уже сделано, и ему не о чем жалеть. Совесть у него чиста. Потрудились он не зря, статьи как будто получились не плохие. Многие знакомые поздравляли его, хлопали по плечу, говорили, что статьи толковые. Понравились они и матери, с мнением которой Боб всегда считался. К тому же и гонорар оказался таким, какой ему редко доводилось получать.

Правда, где-то еще крылись сомнения, хотя в то время Боб их не очень ясно ощущал, забыв, что в бар он забрел именно для того, чтобы рассеять эти сомнения.

«Стоило ли рисковать? — спрашивал он себя. — А главное — надо ли было приводить несколько фамилий этих птенцов из местной влиятельной знати? Они мне не простят...»

«Впрочем, обойдется», — думал про себя Боб.

Он заказал еще один сода-виски, но не торопился его выпить.

«Да, — рассуждал репортер. — Если бы не эти дурацкие телефонные звонки, все было бы в порядке».

В своей репортерской практике Боб не впервые встречался с угрозами. Если бы ему отрывали голову так часто, как это обещали делать, то давно не было бы на чем носить шляпу. Но в последние дни анонимные телефонные звонки стали более частыми и неприятными. Последний раз какой-то сиплый голос предупреждал его:

«Отцепись... Держись подальше».

Матери тоже звонили несколько раз. Ее эти звонки не на шутку напугали.

«Ничего, — решил Боб, — обойдется».

Он встал, расплатился, вышел из салуна и направился к своей машине. Не успел Боб сделать и десяти шагов, как ему показалось, что кто-то за ним идет. Он ускорил шаг.

— Эй ты, вшивый писака, — услышал он за спиной.

Макклюр не успел обернуться. Сильным ударом его повалили на землю.

Как долго его избивали ногами и какими-то тяжелыми предметами, он и до сих пор не знает. Очнулся Боб только четыре часа спустя, в больнице, изуродованный и окровавленный.

Произошло это в Мэрфисборо, небольшом городе в штате Иллинойс. Непосредственный начальник Боба, руководитель местного отделения газеты Тони Стивенс сообщил, что его смелый репортер не скоро вернется на работу. Макклюра основательно вывели из строя...

В своих статьях Боб приводил цифры, факты, конкретные имена и адреса. Но задумывался ли он о причинах широкого распространения алкоголизма среди молодежи не только в Иллинойсе, но и по всей стране? Вероятно, задумывался. Он, несомненно, находил немало фактов в подтверждение того, что многие молодые люди, подражая старшим, пробуют утопить свои экономические и социальные невзгоды в вине, что спиртные напитки заменяют многим из них нормальный культурный отдых, книгу, театр, спортивные игры, к которым они по разным причинам не имеют доступа. Не мог он, вероятно, обойти и факторы воспитания и ту роль, которую в его стране играет реклама. Боб отлично знает, что молодежь воспитывают на голливудских фильмах, прославляющих бесшабашный образ жизни быстро разбогатевших на спекуляции или аферах гангстеров, миллионеров. Им «море по колено», для них разгульное пьянство и разврат — признаки достижения «вершины» в современном обществе. Знает Боб и о том, как много денег на рекламу своей продукции тратят спирто-водочные монополии.

Фабриканты спиртных напитков, постоянно ищущие новых клиентов и дополнительных прибылей, с помощью рекламы приучают пить даже детей.

Когда представитель исследовательской организации университета в Пурдю спросил одну школьницу, почему так много школьников пьет спиртные напитки, она не думала долго над ответом.

— Где бы ни появился молодой человек или девушка, — сказала она, — им везде настойчиво предлагают и охотно продают спиртные напитки...

Молодежь — это рынок

В жизни Боба и его соотечественников реклама играет такую большую роль в определении их вкусов, привычек и даже мышления, что этого они, пожалуй, и не замечают. Реклама стала составной частью их жизни и быта. А ведь здесь есть над чем поразмыслить: монополии трагят сотни миллионов и даже миллиарды долларов на то, чтобы приучить покупателя к своей продукции, заморозить, загнипнотизировать его, во что бы то ни стало заставить его купить рекламируемый товар — будь то зубная щетка или бутылка виски. Вот как определяет функцию рекламы крупнейший журнал американских монополий «Форчун»:

«Американский гражданин живет в состоянии осады с утра до поздней ночи. Почти все, что он видит, слышит, пробует, трогает, нюхает, связано с попыткой что-нибудь ему продать. К счастью для его рассудка, он становится равнодушным, как только выходит из пеленок. И вот для того чтобы сломать защитный слой равнодушия, хозяева рекламы должны постоянно шокировать и дразнить его, щекотать и раздражать, выматывать его по способу древнекитайских пыток, капля за каплей, методом бесконечных повторений. От рекламы нет избавления нигде, разве только в затемненных комнатах умирающих людей, которых нет уже резона тревожить рекламой».

Бизнес и прибыль превыше всего — таков закон монополий, чем бы они ни промышляли.

Тут можно было бы привести бесчисленное множество иллюстраций. Взять, к примеру, табачные компании. Между несколькими наиболее крупными корпорациями идет жестокая борьба за потребителя. Но есть у них и общие интересы. В период между

двумя мировыми войнами число курящих в Соединенных Штатах благодаря настойчивой рекламе возросло на 300 процентов! В годы после второй мировой войны число курильщиков составляло более 52 процентов населения страны. Среди женщин процент этот был более низким, хотя и бóльшим, чем в других странах. По данным статистики, среди женщин насчитывалось 33 процента курильщиц, а среди молодежи и подростков процент был ниже. «Большинство табачных экспертов считает, — писал по этому поводу журнал «Тайд», — что в дальнейшем рынок может расширяться лишь в двух направлениях — в направлении втягивания большего числа женщин и молодежи».

Исходя из этого и были разработаны планы рекламы. На страницах журналов и газет, на огромных рекламных щитах стали чаще появляться красивые женщины, юные парни и девушки, наслаждающиеся ароматом табачного дыма. Известнейшие кинозвезды, крупнейшие спортсмены, чьи имена у всех на устах, все настойчивее предлагают курить «только» папиросы «Кэмл» («Верблюд»), «Лаки страйк» («Удачные»), «Хит пэрейд» («Ударный парад»), «Парламентские» или только какой-нибудь другой марки, заверяя, что именно эта, а не какая-либо другая папироса «чудодейственная» имеет наилучший вкус, наичудеснейший аромат, наипрекраснейший запах и наименьший никотин, именно она лучше всего успокаивает, охлаждает, возбуждает, воодушевляет, вдохновляет и чего только еще не делает с человеком, согласившимся отравлять свои легкие сигаретами той компании, которая щедро награждает кинозвезду или спортивного чемпиона, выступающих в роли коммивояжеров табачного треста. О том, как много американских деятелей искусства, спорта, литературы дополняет свои профессиональные заработки подобного рода рекламой, можно было бы рассказать много интересного. Но не об этом сейчас речь.

Подсчитано, что более 10 процентов населения страны, то есть свыше 17 миллионов людей, состав-

ляют дети и молодежь в возрасте от двенадцати до двадцати лет. К этой категории монополистические круги проявляют повышенный интерес не только потому, что это будущие солдаты, которых придется призвать охранять и расширять сферы интересов нефтяных и других монополий. И не только потому, что это будущие избиратели. Выборы в Америке не доставляют больших хлопот. Избирателю предлагают два комплекта кандидатов — республиканский и демократический. Какой бы комплект из этих двух он ни выбрал, у власти снова останутся монополии.

Молодежью интересуются крупные торгово-промышленные корпорации с многих сторон. Молодых граждан они рассматривают так же, как нынешних и будущих покупателей своих товаров. Статистика и тут приходит на помощь коммерции. Возрастная группа от двенадцати до двадцати лет — это серьезный внутренний рынок: свыше 800 тысяч из них имеют постоянную работу, а четыре с половиною миллиона имеют случайные заработки, которые также учитываются жадными до наживы дельцами. Подсчитано, что ежегодно из них можно выжать более 9 миллиардов долларов. Это сейчас, пока они еще очень молоды и делают своими фотоаппаратами каждый четвертый снимок в стране, покупают 70 процентов всех граммофонных пластинок и половину всех маленьких сравнительно дешевых пластмассовых радиоприемников, скупают массу специально создаваемой для них стилизированной одежды, не говоря уже о разного рода школьных принадлежностях, необходимых 13 миллионам американских школьников.

Око бдительных коммерсантов не дремлет. Оно замечает, что значительная часть американской молодежи рано вступает в жизнь, вливается в трудовую армию, становится «самостоятельным потребителем», что полмиллиона прошлогодних невест (одна треть общего их числа) была не старше двадцати, что в том же возрасте был и миллион новых матерей, появившихся в стране.

Их можно узнать издали. Американские стилиги с шумом проходят по улицам города.

Зеленой молодежи коммерсанты с успехом навязывают не только школьные принадлежности и спортивный инвентарь, но и на сотни миллионов долларов табачных и спиртных изделий, косметики. Пять лет назад девушки не старше девятнадцати лет потребляли менее 6 процентов косметических изделий фирмы «Хелен Кэртис», одной из крупнейших в этой области. С тех пор этот процент почти утроился. Реклама заставила большее число девушек младших возрастов красить губы, щеки, ресницы.

Люди, приезжающие из Европы и Азии, удивляются, как много американских девушек, у которых по всем признакам молодости должен быть хороший цвет лица, штукатурят его многослойной косметикой.

Еще большее удивление у приезжего вызывает необычный цвет волос многих американских женщин. В Нью-Йорке или Вашингтоне, в Атланте или в Детройте, по всей стране вы можете сейчас встретить старых, средних и совсем юных американок с волосами любого цвета радуги. Тут тоже видна работа

вездесущих косметических компаний. В поисках возможности расширения сферы своей деятельности они основательно взялись за волосы своих соотечественниц.

«Краска волос, — свидетельствует журнал «Тайм», — обеспечивает сейчас главный бум в косметической промышленности».

Сто тысяч косметических магазинов и «драгсторов» (универсальные аптеки) поставляют женщинам краски для волос. В газетах, журналах, по радио и телевидению, в автобусах и вагонах метро рекламируются двадцать две краски. В любую из них можно выкрасить волосы: золотой абрикос, сверкающее серебро, искристое шерри, шампанское беж — таковы лишь некоторые названия цветов.

— Изменить цвет своих волос сейчас все равно, что изменить цвет лака ногтей, — заявляет видный деятель американского телевидения.

Реклама сделала свое дело.

Косметические фирмы заставляют все больше и больше молодых американок красить волосы. Вот что об этом говорит статистика: пять лет назад волосы красила каждая десятая американка, сейчас это делает каждая третья женщина в США.

Но не будем слишком строги к американским женщинам. Если учесть, как им досаждают рекламные компании, этих женщин скорее следует пожалеть. Тем более, что о вкусах вообще не спорят...

Выудить у миллионов молодых американцев их скромные заработки или карманные деньги, приучить их к своей продукции, заставить пользоваться ею и тогда, когда они станут взрослыми и с них можно будет тянуть значительно больше долларов и центов, — такова задача бизнесменов. Чтобы справиться с нею, они прибегают к разнообразным приманкам и ухищрениям. Мы уже рассказывали о коммерческой рекламе, проникающей во все поры американской жизни, властвующей на страницах газет и журналов, на телевизионных экранах, в эфире, на улицах и площадях городов и деревень и даже на пересекающих страну прекрасных шоссе́йных магистралах, где

огромные рекламные щиты бутылками «кока-колы» и «пепси-колы», жвачной резинкой и патентованными лекарствами загораживают американцу красоты его родной природы.

Не думайте, однако, что все это коммерсантам дается легко. Чтобы расширить рынок сбыта среди молодежи, проложить путь к ее сердцу и уму, а главное — к карману молодого покупателя, крупным корпорациям приходится изучать психологию детей и молодежи, изыскивать наиболее ухищренные способы воздействия на них. Для этого и существует реклама. Но и ее нужно организовать так, чтобы она воздействовала на «самые слабые точки» противника, то есть покупателя, которого предстоит подавить, завоевать, пленить.

Для этой-то цели и созданы специальные «исследовательские» фирмы, которых в Америке очень любят называть институтами, а то и академиями. Многие из них имеют довольно узкие «целевые установки», другие используются одновременно как для политических, так и для коммерческих целей. Наиболее ярким примером учреждения последнего, «универсального» типа является Институт общественного мнения, возглавляемый доктором Джорджем Гэллапом. В свое время его создали для весьма прозаической цели: для определения, что предпочитает покупатель — зубной порошок или зубную пасту. Впоследствии институт, разбогатевший на исследованиях для различных корпораций и рекламных компаний, занялся более широкими изысканиями — от политики и религии до быта и нравов. Как-то институт опубликовал результаты своих десятилетних исследований и наблюдений с целью определить привычки и нравы среднего американца. Результаты в ряде случаев оказались любопытными.

Среди взрослых американцев, каждый третий жалуется на больные ноги.

Двое из трех носят очки.

Каждый пятый страдает плохим слухом.

Каждый десятый — левша.

Двое из десяти не могут научиться свистеть.

Шесть из десяти предпочитают брюнеток (отмечалось, что это счастливое обстоятельство, поскольку лишь 8 процентов американок являются натуральными блондинками).

Большинство ссор между господином и госпожой Америкой происходит из-за: 1) денег, 2) ревности, 3) детей (в указанном порядке).

Семь из десяти считают необходимым телесное наказание детей.

76 процентов верят в загробную жизнь.

Каждый третий стучит по дереву для счастья, каждый десятый перебрасывает рассыпанную соль через плечо, каждый пятый содрогается, когда черная кошка перебегает через дорогу.

Средний американец ложится спать в 10 часов вечера и встает в 6 часов утра; в субботу он ложится в 11, а в воскресенье встает в 8.

Далее следовали такие сведения: средняя женщина «толще, чем она готова признать» (132 фунта), ее больше интересует муж с хорошим характером, чем верный муж, и т. д.

Но вместе с тем проводились и такие, безусловно, интересные наблюдения: почти никто из родителей не хочет, чтобы их сыновья были политическими деятелями, — занятие политикой в представлении рядового американца связано с политиканством, взяточничеством и иными темными махинациями; по данным института, 19 миллионов подтвердили, что им пришлось голодать из-за отсутствия средств на покупку пищи; 10 миллионов мужчин и 4 миллиона женщин сообщили, что им приходится закладывать вещи в ломбард, чтобы сводить концы с концами.

Однако роль институтов общественного мнения не исчерпывается только такими анализами. Они занимаются и другими, еще более серьезными для них задачами. Профессор Принстонского университета Артур Корнхаузер однажды проанализировал характер анкетных вопросов, задаваемых представителями этих институтов для определения «общественного мнения». Профессор установил, что институт Гэллупа и шесть других учреждений такого рода строят

свои опросы таким образом, чтобы заранее определить антирабочий, антипрофсоюзный характер ответов. По словам Корнхаузера, три четверти всех вопросов, задававшихся институтом Гэллага и касавшихся рабочих проблем, были заранее составлены так, «чтобы неизменно направлять общественное мнение в сторону, отрицательную для рабочих». Профессор рассмотрел 155 вопросов, задававшихся семью институтами общественного мнения по различным рабочим проблемам на протяжении пяти лет, и обнаружил, что лишь восемь вопросов были составлены более или менее благоприятно для профсоюзов. Профессор приходил к выводу, что это «не случайное явление».

Но вернемся к молодежи и специально созданным для ее изучения институтам. Наиболее крупными из них сейчас являются Институт Евгения Джилберта и К° и Институт по сбыту товаров школьникам и студентам. Последний получил от разных коммерческих фирм заказов на 400 тысяч долларов, а первый действует в еще более широких масштабах. Одним из его наиболее крупных клиентов оказалась компания «Хайрс», тратящая миллион долларов специально на рекламирование среди молодежи особого вида пива, которое она выпускает. После проведенных исследований решено было расширить круг потребителей этого напитка среди старшеклассниц. Для этого в школах провели отбор «наиболее активных» девушек, которым за небольшую плату поручили провести среди сверстниц кампанию, ставившую две цели: во-первых, потребовать и добиться, чтобы этот напиток продавался и подавался во время спортивных состязаний, на всех школьных и домашних вечерах; во-вторых, чтобы все старшеклассницы во время свиданий со своими юными кавалерами также требовали этот напиток. По свидетельству владельцев фирмы «Хайрс», продажа ее продукции в результате этой кампании сильно возросла.

Большие усилия к тому, чтобы «приручить» молодежь, прилагают и швейные фабриканты. Они действуют через многие рекламные агентства, в том

числе и через так называемый Американский институт мужской и юношеской одежды, призванный среди прочего «определять», то есть навязывать молодежи фасоны и вкусы, стараясь менять их как можно чаще и радикальнее в интересах тех, кто наживается на продаже одежды. В настоящее время институт развернул кампанию против модной среди значительной части американской молодежи одежды, включающей синие полубрезентовые штаны и доверху закрытый свитер. Популярность этой одежды в немалой степени определяется ее сравнительной дешевизной. Институт и стоящие за ним фабриканты ведут кампанию под лозунгом: «Одевайтесь правильно!» Тут же они советуют молодым людям покупать более дорогую одежду. Этой кампании противодействует крупная швейная фирма «Леви Страус и К°» (Сан-Франциско), наживающаяся на тех самых синих штанах, которые она «изобрела» и продает с большим успехом.

Институт распространяет рекламу, в которой утверждает: «Неряшливая одежда — спутник преступности».

А Леви Страус отвечает: «Одежда не определяет моральный облик человека. Синие «джинсы» входят в понятие «хорошо одеваться».

Вот и спорят между собой швейные корпорации из-за кошелька молодого американца, а тот тем временем ломает голову над другими проблемами: как справиться с возросшими налогами и ценами, как свести концы с концами и в то же время отложить какую-то толику на случай безработицы — ведь в последнее время она снова растет.

Мисс Америка

Эти соревнования трудно сравнить с каким-либо конкурсом, устраиваемым в нашей стране. Девушкам измеряют ноги, бедра, бюсты, их взвешивают, поворачивают во все стороны, заставляют проходить мимо судей различными походками. Затем оценщики вы-

носят свое суждение, они выбирают «мисс Америку» — девушку, которой в течение года суждено носить это почитаемое и высоко доходное звание, особенно ценное для фирм, рекламирующих всевозможные товары — от туалетов и парфюмерных изделий до кукурузных хлопьев и патентованных пиллюль для успокоения нервов.

В самом деле, с чем сравнить такой конкурс?

Нельзя же его сравнить с отбором телок и бычков для присуждения разных дипломов и премий на многочисленных сельскохозяйственных выставках, ежегодно проводимых по всей нашей стране. Но не беда. Можно обойтись и без сравнений.

Выбор мисс Америки — торжественное и пышное мероприятие. По шуму и трескотне, которыми оно сопровождается, выбор и коронация мисс Америки мало чем уступают съездам республиканской и демократической партий, созываемым раз в четыре года для определения кандидатов на посты президента и вице-президента страны.

Как это происходит?

Мисс Америка 1958 года избиралась на съезде в Атлантик-Сити. Огромный зал был переполнен. Присутствовало 20 тысяч человек. Главному событию дня предшествовали более скромные представления, в частности конкурс на лучший купальный костюм. Характер этого, как и других широко разрекламированных конкурсов, давал организаторам возможность привлечь громадное число зрителей к демонстрации минимально одетых девушек. Миллионы людей прильнули к экранам телевизоров, и, уж будьте спокойны, они запомнят названия фирм и марки товаров, которые мелькали в телевизоре в промежутках между показом полуобнаженной девичьей красоты.

Первый приз за лучший купальный костюм достался двадцатилетней студентке университета Аризоны Лине Фрейз.

В полуфинал главного конкурса вышли десять девушек. Для развлечения публики им было предложено показать свои таланты. Одни танцевали «чарльстон», тщательно демонстрируя ноги. Другие, играя на ак-

кордеонах, особенно старательно улыбались, явно желая показать свои ровные, сверкающие белизной зубы. Мисс Оклахома *, также вышедшая в полуфинал, читала стихи. При этом она делала такие энергичные жесты и движения, которые никак не отвечали поэтическому замыслу произведения, но зато показывали ее безупречное телосложение.

Когда, наконец, судьи безжалостно отсеяли половину красавиц и выпустили в финал пять девушек, мистер Паркс, главный церемониймейстер, торжественно объявил, что предстоит своеобразная викторина: финалистки должны вытягивать из двух стеклянных ваз бумажки с вопросами и давать на них ответы.

Что это будут за вопросы?

Знакомый американец вспомнил, что на предыдущем конкурсе, за год до этого, один из вопросов гласил:

«Как вам удалось привезти в Атланту все свои кринолины и юбки?»

Вероятно, и сейчас будут такие вопросы.

Первой тянула мисс Калифорния. Зажмурившись, она вытянула бумажку. Ей достался вопрос: «Верите ли вы в любовь с первого взгляда?»

— Конечно, нет, — ответила калифорнийская представительница, видимо вспомнив о том, как много пишут в газетах о падении нравов в Голливуде и других городах ее родного штата.

Подумав немного, она решила пояснить свою мысль:

— Мне кажется, что нужно кое-что узнать о человеке.

Потом ей предложили вытянуть вопрос из другой вазы.

«Какое заявление хотели бы вы сделать 50 миллионам американцев, которые смотрят сейчас на вас?» — значилось на этом клочке бумаги.

Задумавшись немного, мисс Калифорния вскоре бойко ответила:

— Я очень хотела бы стать мисс Америкой.

* Общеамериканскому конкурсу предшествуют местные отборочные соревнования, выбирается мисс соответствующего города, штата.

У нее заблестели глаза, она пустила в ход свою лучшую улыбку. Но сколько она ни старалась, ее все же ждало поражение. Судьба повернулась спиной к красавице из солнечной Калифорнии.

Над ней взяла верх зеленоглазая блондинка, двадцатилетняя Мэрлин Эйлен Ван-Дербур, студентка из Колорадо. Отныне ее зовут коротким именем: мисс Америка. Некоторые добавляют: № 36. Это значит, что подобные соревнования проводятся в Соединенных Штатах тридцать шестой раз.

Но мы несколько забежали вперед, забыв рассказать, как это все случилось.

Колорадской студентке тоже пришлось отвечать на вопросы. Самый легкий сводился к следующему:

«Считаете ли вы, что в наше время девушка может сама предложить руку и сердце мужчине?»

— Категорически нет, — ответила Мэрлин.

На вопрос из второй вазы ответить было несколько труднее: «Какое, по-вашему, самое крупное изобретение в истории человечества?»

Мэрлин смутилась. Улыбка исчезла с ее лица. Она поднесла руку к виску, сморщила лоб, задумалась. Сознание, что миллионы людей смотрят на нее, ждут умного ответа, усиливало страх, боязнь промахнуться.

Знала ли она, сколько зрителей в зале и у телевизоров, не только покоренных ее юной красотой мужчин, но и сочувствующих ей женщин в этот момент мысленно шептали ей свои ответы?

Прошло несколько мучительных минут. Наконец лицо Мэрлин просветлело. На нем появилась улыбка.

— Самолет, — сказала она.

Многие зрители вместе с нею вздохнули с облегчением.

Потом настала очередь мисс Джорджии. Это была та самая девушка, которая незадолго до этого, выступая с песенно-танцевальным номером, усерднее всех других демонстрировала свои ноги. Она знала им цену. Такие ноги купил бы сам владелец «Радио-сити», крупнейшего мюзик-холла, расположенного в Рокфеллерском центре в Нью-Йорке, где показу фильмов-боеви-

ков предшествуют пышные эстрадные представления с обязательной демонстрацией полуобнаженных «герлс» в популярных «лег шоу», что в буквальном переводе означает «показ ног». Не отказались бы от таких ног и фабриканты, торгующие нейлоновыми чулками, скажем, крупная фирма «Хэйн»: В метро, автобусах — повсюду она вывешивает рекламу:

«В 13000 году до нашей эры модницы не носили никакой одежды. В 1957 году нашей эры модницы не носят ничего, кроме бесшовных чулок «Хэйн».

И тут же эти чулки демонстрируются на ногах какой-нибудь красавицы.

Все это хорошо знала мисс Джорджия. Но как же она должна была ответить, когда ее спросили:

«Что вам помогло стать участницей конкурса на звание мисс Америка?»

Подумав, она все же ответила:

— Моя вера в бога...

Мисс Оклахоме достался вопрос:

«Какого первенца хотели бы вы родить?»

Нам вспомнилась сестрица из пушкинской «Сказки о царе Салтане»:

— Я б для батюшки-царя
Родила богатыря.

У девушки из Оклахомы оказалось меньше воображения. Она ответила просто:

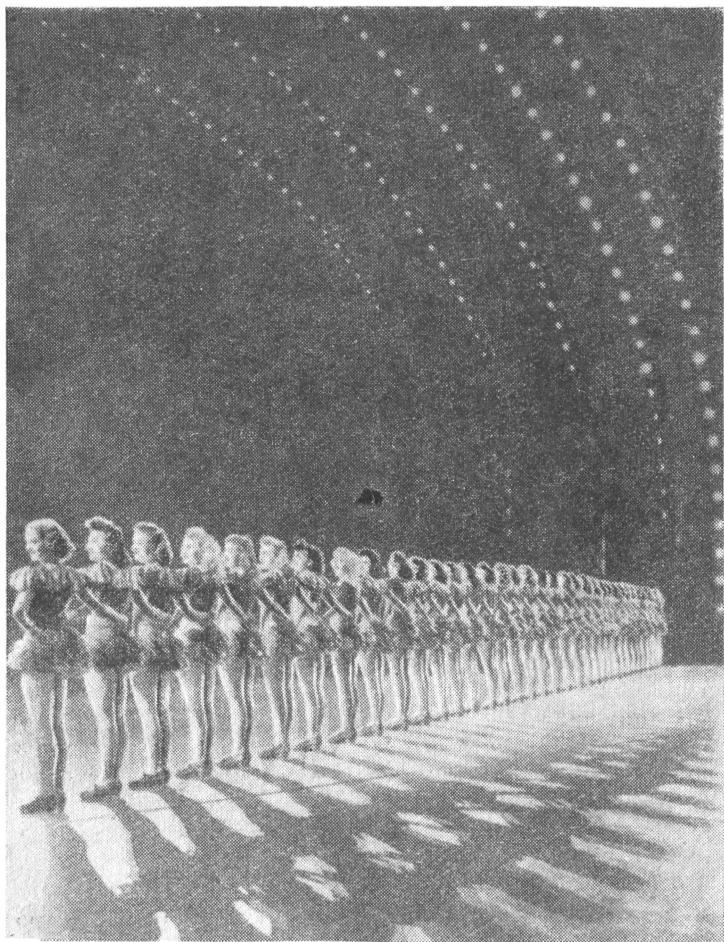
— Я хотела бы, чтобы это был обычный, нормальный ребенок. Хочу, чтобы он был таким, как мой брат, как мой папа...

Следующий вопрос касался страшно «злободневной» темы — следует ли мужчинам носить короткие «бермудские» штанишки. Девушка ответила отрицательно, но, испугавшись, что может кого-то обидеть, тут же добавила:

— Их не следует носить и женщинам.

В таком духе продолжалась и остальная часть конкурса.

Затем церемониймейстер под звуки фанфар объявил результаты и состоялась «коронация» Мэрлин. Сияющая королева сошла со сцены и изящной походкой

«Лег шоу» в «Радио-сити» — крупнейшем мюзик-холле Нью-Йорка.

прошла по залу, приветствуя своих вновь обретенных «подданных», которые стоя аплодировали победительнице. А мистер Паркс надрывно пел:

Вот она идет, мисс Америка,
Вот она идет, ваш идеал,
Мечта миллионов девушек...

Подлинные организаторы этого зрелища — коммерческие и рекламные короли Америки — оставались в тени. Они не появлялись ни на сцене «Конвеншн хол» в Атлантик-Сити, ни на экранах телевизоров. Отдыхая в своих загородных поместьях, они обдумывали новые рекламные трюки.

Почему Джонни мало читает?

В большом прекрасно оборудованном магазине, принадлежащем одной из крупнейших книготоргующих фирм Америки, куда мы зашли в «шоппинг ауэрс», то есть в «часы пик», нас удивило почти полное отсутствие покупателей. Несколько женщин толпилось у стендов с красочными открытками, предусмотренными на все случаи жизни — свадьбы, рождения, именины, праздники любой веры и религии, встречи, разлуки, поздравления и соболезнования по поводу любого события, которое может произойти у человека любого пола и возраста. В секции справочных изданий какой-то офицер выбирал итальянский разговорник. Высокий молодой человек в очках, с виду студент, вертел в руках карманный атлас мира.

В парадном зале у стендов классической литературы было совершенно пусто. Подойдя к молодой продавщице, мы спросили, не закрыта ли эта часть магазина.

— Да нет, что вы! — ответила она. — Выбирайте, что вам угодно, господа. Я вас обслуживаю...

— Почему же у вас здесь нет покупателей? — спросил один из нас.

— Это ведь секция классики. Кто может сюда зайти? Книголюб, какой-нибудь профессор, преподаватель. Для рядового покупателя наша секция не интересна.

— Какая же секция вызывает наибольший интерес у ваших покупателей?

— Спуститесь вниз, и вы увидите сами, — сказала, улыбаясь, продавщица.

Спустившись вниз по лестнице в очень просторное подвальное помещение, мы действительно увидели много людей. Они толпились главным образом вокруг круглых, вертящихся для удобства покупателей стеллажей с дешевыми, карманного формата книжками, блестящими своими очень пестрыми глянцевыми обложками. Книжки были здесь подобраны по различным классификациям — комиксы всех видов и родов, романы детективные, ковбойские, сексуальные. С ярких обложек смотрели обнаженные женщины, сверхчеловеки — силачи и ковбои, знаменитые гангстеры и бандиты, убивающие, пытающие, взрывающие, отравляющие, насилюющие; тут же фигурировали их жертвы — живые и мертвые, включая бойко действующих призраков. На этих обложках вы могли встретить все виды оружия — холодного и горячего, вплоть до атомных и водородных бомб.

Перед нашими глазами мелькали названия: «Вдова холостяка», «Первое убийство», «Бесстыжая жена», «Человек в петле»... романы, прославляющие войны прошлые и будущие, обильное «атомно-водородное» чтение, детективы, комиксы. Последними буквально завален магазин — ведь их продажа превышает миллиард экземпляров в год. Комиксы не требуют большого умственного напряжения. Примитивными цветными или черно-белыми рисунками они увлекают молодежь и взрослых сказками о похождениях быстро обогащающихся «счастливиц» — продавщицы универмага, которой удалось «подцепить» миллионера, малыша — продавца газет или чистильщика обуви, который нашел толстый кошелек с деньгами или придумал какое-нибудь хитрое дельце, обогатившее его за один день; рассказами о гангстерах, всегда выходящих из воды сухими, о «сто процентных» американцах — «сверхчеловеках», завоевывающих чужие страны и народы, подавляющих, обманывающих, обыгрывающих чернокожих «недочеловеков», всяких «инородцев»; о ловких

детективах и осведомителях, проникающих в профсоюзы и разного рода «подрывные» организации, где они предотвращают забастовки, «спасают» страну от «красных агитаторов»; о генералах, выигрывающих войны с помощью сверхмощных бомб, и т. д.

Целая серия комиксов и мультипликационных фильмов, предназначенных для молодежи и детей, рассказывает о похождениях «супермена» («сверхчеловека»), который, конечно, является белым стопроцентным американцем, защищающим страну от негров, индейцев, коммунистов, иностранцев.

Вот в нескольких словах один из сюжетов такого фильма, виденного мною в Нью-Йорке.

В редакцию местной газеты приходит краснокожий индеец. Он предъявляет ультиматум: напечатайте заявление, что остров Манхэттен принадлежит моему народу, индейцам.

— Это абсурд, — отвечают ему.

— В таком случае я вам покажу, что это не абсурд. Это вам докажет современная наука.

Индеец оказывается ученым. Он изобрел адскую машину, вызывает мощные искусственные молнии. С их помощью он намерен взорвать весь Манхэттен. Он уже приступает к делу. Валятся целые кварталы небоскребов. Местные власти, полиция, пожарники ничего не могут сделать. Они беспомощны перед лицом разрушительной силы науки.

Но вот в бой вступает «супермен» — его вызвала на помощь красивая девушка. И все меняется. Сверхчеловек сражается с машинами, с индейцем-ученым, с силами науки и природы и... конечно, побеждает. Выходит экстренное издание газеты «Дейли планет» с заголовком через всю первую полосу:

«Супермен спасает Манхэттен».

Так называется этот пропитанный расовым ядом фильм.

Комиксы прививают ненависть к людям, насаждают культ насилия и садизма. Джон Грэйхем, убивший свою мать и еще 43 пассажира самолета, чтобы получить страховые деньги, причитавшиеся ему как наследнику, читал много комиксов. Они привили ему ненависть

Этот мальчуган еще не читает детективных романов. С комиксами он уже знаком.

к людям, даже самым близким. Перед своей казнью в газовой камере в Колорадо он дважды, в виде исповеди, сказал священнику, что ненавидит людей, что они для него «все равно что кошки или коровы».

Мэлвину Уэнгроу, высокому, стройному парню с красивым лицом, двадцать три года. У него три судимости. Вот он в четвертый раз предстал перед судом по обвинению в краже со взломом. Его отец бакалейщик разводит руками, не знает, что сказать.

Сам Мэлвин более спокоен. Он рассказывает свою короткую, но заполненную многими уголовными преступлениями жизнь.

Комиксами он упивался с раннего детства. Это было его любимое чтение. Они приучили его к философии обреченности, никчемности жизни, при которой высшая цель человека — праздное наслаждение, «живи пока живется», а эта цель оправдывает все средства.

К шестнадцати годам те же люди, которые торговали комиксами, познакомили его с наркотиками, начали отравлять его и этим ядом. Ведь свыше 60 процентов наркоманов в стране — люди моложе двадцати лет.

Мэлвин стал заядлым наркоманом. Он тратил до 50 долларов в день на наркотики. Такие деньги немислимо было заработать честным трудом. О таком труде он и не думал. Герои комиксов — это не горняки, сварщики, механики, инженеры, фермеры, трактористы. Это удачливые гангстеры, ловкие коммерсанты или офицеры, которым удается провести выгодную операцию на «черной бирже» в Европе или Азии и разбогатеть в один день либо вывезти оттуда какое-нибудь бесценное произведение искусства и стать миллионером в одно мгновение. Судя по комиксам, жизнь как бы существует только для этих людей. Остальные призваны прозябать в заботе о хлебе насущном.

Мэлвин стал профессиональным вором. Однако он проявил значительно меньше ловкости, чем его любимые герои. И карьера его оборвалась сравнительно быстро.

Детективы — один из немногих видов литературы, которую США импортируют в значительном количестве, хотя и собственно американской такой продукции хоть отбавляй. Достаточно упомянуть Микки Спиллейна или Эрла Гарднера, прозванного «Генри Фордом детективного романа», чьи книги за четырнадцать лет разошлись в 28 миллионах экземпляров. О засилии уголовного и детективного романа в американской литературе можно судить по двум фактам: каждая четвертая беллетристическая книга, издаваемая на английском языке, как правило, — детектив; в стране насчитывается около 300 авторов детективных романов.

...В США в общей сложности выпускается немало книг — 12 тысяч названий в год. И тем не менее издательства, книжные фирмы, газеты и журналы жалуются на «читательский кризис», особенно на то, что мало книг читает молодежь. Такой кризис действительно существует. В Нью-Йорке имеются специальные магазины дешевой распродажи книг, битком забитые изданиями предыдущего и даже текущего года, которых ни-

кто не покупает. Газеты подсчитывают, насколько больше денег американец тратит на жевательную резинку и спиртные напитки, чем на книги.

Декан библиотечного факультета Чикагского университета Лестер Эшхем как-то говорил: «Любой «настоящий американский парень» будет огорчен, обнаружив у себя интерес к чтению; это занятие подходит, по его мнению, для учительниц — старых дев, девчонок, слюняв и зубрил, но непристойно для «настоящего парня». Чтение книг кажется ему, кроме того, занятием, изолирующим его от всей остальной компании; это означает, иными словами, что его компания, как правило, вообще ничего не читает. Любителя чтения представляют обычно как человека, отрывающегося от своих приятелей, утрачивающего связь с действительностью и живущего в нереальном мире. Родители будут скорее обеспокоены тем, что их дети читают «слишком много», чем тем, что они читают «слишком мало».

По мнению Эшхема, главная трудность состоит в том, что книге приходится конкурировать с кино, радио, телевизором, которые требуют меньше умственного напряжения и меньше времени. Он считает, что деятели просвещения слишком мало делают для популяризации книги, сосредоточив основное внимание на разработке методов быстрого, «ускоренного» чтения, при котором рекомендуется опускать длинные тексты, перескакивать через главы, не утруждать себя «лишними» деталями, описаниями.

Как известно, такие методы максимально упрощенного чтения широко применяются в Соединенных Штатах. Они распространяются не только на учебники, разного рода научные исследования, детективные романы, но и на лучших классиков мировой литературы. Чтобы «облегчить» читателю задачу чтения классиков, многие издательские фирмы сокращают их и вместо самого произведения дают читателю «дайджест» — выжимку. В связи с выходом на экраны фильма «Война и мир», поставленного американской кинокомпанией, в США сильно возрос спрос на знаменитое произведение Л. Н. Толстого. Услужливые издатели поспешили

удовлетворить этот спрос по утвердившемуся методу: из четырех томов они преподнесли читателю «выжимку», свободно вмещающуюся в любом кармане. Такое «облегченное» издание «Войны и мира» продается сейчас во всех книжных магазинах, в любом киоске или «драгсторе». В редакционном примечании издатели без стыда и совести утверждают, что они «тщательно отредактировали произведение великого русского писателя, опустив те исторические отступления и второстепенных действующих лиц, которые могут оказаться помехой для получения полного удовлетворения от чтения романа».

Эшхем, вероятно, был прав, когда он говорил на конференции Международной ассоциации по чтению:

— Если предстоящие годы действительно приблизят гибель книги, то в этом в значительной мере можем оказаться повинны мы, и, когда я говорю «мы», я имею в виду деятелей просвещения, писателей, издателей.

У Эшхема, конечно, имеются основания включать издателей, писателей, просветителей в число виновников «читательского кризиса», но он мог бы копнуть глубже и исследовать влияние современного американского капиталистического общества на отупление и ослепление молодежи. Требовать от него такого анализа было бы неуместным, учитывая мировоззрение декана и его коллег из Чикагского университета. Но и те факты, которыми они оперируют, наглядно иллюстрируют духовный облик «американского образа жизни».

На вопрос, почему американские дети и молодежь читают так мало книг, попытался ответить и директор американского Института общественного мнения Джордж Гэллап. Он не решился атаковать эту проблему в лоб, а подошел к ней со стороны, сбоку.

— Деятели просвещения, — сказал Гэллап, — спорят о том, почему Джонни мало читает. Более уместным, возможно, было бы спросить: почему так мало читают мать и отец Джонни?

И Гэллап привел результаты опросов, проведенных его институтом на протяжении ряда лет.

— Читаете ли вы сейчас какую-нибудь книгу? — такой вопрос задавали работники института, опрашивая американцев в период 1949—1957 годов.

Вот результаты:

	Да	Нет
1949	21 процент	79 процентов
1950	21	79
1952	18 процентов	82 процента
1953	17	83
1957	17	83

Таким образом, число американцев, которые не читают книг, на протяжении ряда лет остается на поразительно высоком уровне.

Гэллалп решил пойти дальше. В конце концов кто знает, может быть, отказ от книги—это общее явление, свойственное народам всех стран? И он привел сравнение с другими странами английского языка. Они оказались печальными для самой богатой в мире капиталистической страны.

— Факты таковы, — заключил Гэллалп, — что США располагают самым низким процентом читателей книг из всех крупных стран, говорящих на английском языке. В Англии, где лишь ничтожный процент жителей продолжает учение после пятнадцатилетнего возраста, люди читают в три раза больше книг, чем у нас.

Данных по социалистическим странам Гэллалп не решился привести. Ведь в таком случае ему пришлось бы рассказать о результатах грандиозной культурной революции, происшедшей в этих странах. Скажем о том, что в СССР каждый третий человек учится в учебном заведении или на курсах, что выпуск инженеров с 1950 года в Советском Союзе возрос с 36 до 71 тысячи, тогда как в США он сократился с 53 до 26 тысяч. Или о том, что в Китайской Народной Республике расходы на высшее образование за короткое время возросли в 15 с лишним раз...

Итак, на вопрос, почему молодежь Америки мало читает, Гэллалп отвечает: мало читают и взрослые американцы.

Это, конечно, далеко не исчерпывающий ответ, но все же какое-то объяснение.

На ту же тему мне довелось разговаривать с очень серьезным американским писателем Декстером Мастерсом, автором ныне известного у нас романа «Несчастный случай».

Это не было интервью или специально подготовленная беседа. Встретились мы случайно на дому у общего нашего знакомого американского журналиста, где собралась небольшая группа американских деятелей искусства и литературы. Был среди них и Мастерс, высокий, худой человек, с молодежавым, открытым, улыбающимся лицом, большим лбом и очень длинными руками. Он выглядел значительно моложе своих сорока девяти лет. Говорил он тихо, спокойно, неторопливо и столь же спокойно слушал своих собеседников. Мастерс интересовался Советским Союзом, где побывал много лет назад, еще будучи молодым человеком. Он расспрашивал нас о советской литературе, об искусстве, об Украине, где пробыл некоторое время, а еще больше о Казахстане, Сибири, о движении молодежи за освоение новых земель, о великих стройках, поднимающих нашу страну на новые высоты и быстро сокращающих дистанции между нашей страной и Соединенными Штатами в производстве на душу населения. Расспрашивал об увлечениях советской молодежи, о ее стремлениях. Мастерс хорошо понимал нас. Ему не требовалось подробно объяснять, почему тысячи юношей и девушек с воодушевлением едут осваивать целину, строить и обживать новые города, прокладывать дороги.

— Я понимаю, — говорил он. — Это действительно романтика. Они пионеры, новаторы, открыватели. Счастливые люди...

Разговорились мы, конечно, и о книгах. Мастерс рассказал, что работает над пьесой, которую пишет на основе «Несчастливого случая». Сказал, что его, как и других американских литераторов, поражают тиражи издаваемых в Советском Союзе художественных произведений.

— А почему у вас классики, да и крупные произве-

дения лучших современных писателей выходят очень скромными тиражами? — спросил я.

Мастерс не сразу ответил на этот вопрос. Он закурил сигарету, задумался.

— Видите ли, — сказал он, — трудно указать на какую-нибудь одну причину. Все ведь сложнее, чем кажется на первый взгляд. Книги у нас стоят дорого и не рассчитаны на массового читателя. Я имею в виду полные издания, выходящие сравнительно небольшими тиражами в твердых обложках, а не карманные издания и «дайджесты».

Это отдаляет такие книги от многих людей, особенно от молодых читателей. Сказывается, конечно, и разлагающее влияние дешевого, бульварного чтения, комиксов. От книги молодежь, вероятно, отвлекает также кино, телевизор. Мне кажется, что нужно издавать больше хороших книг в дешевых изданиях, с мягкими обложками, доступных карману рядового человека...

В наш разговор вмешивается хозяйка дома, образованная женщина, хорошо знакомая с американской и иностранной литературой.

— Может, вам интересно будет узнать, — говорит она, — что о некоторых книгах наших современных писателей мы в послевоенные годы, по сути дела, узнавали из Москвы. Смешно? Но это не выдумка. Так было, например, с книгой Митчела Уилсона «Жизнь во мгле». В Нью-Йорке о ней заговорили после того, как ее перевели и издали в Советском Союзе. Многие из нас принялись читать эту книгу, узнав, что она пользуется у вас успехом. Но ради бога не думайте, что так бывает всегда. Это, если хотите, простое подтверждение старой поговорки о том, что «нет пророков в своем отечестве». Но учтите, что таким книгам, как «Жизнь во мгле», у нас не создают рекламы. Острые социальные произведения не пользуются почетом ни в наших издательствах, ни у рецензентов нашей прессы. Читателя приучают к развлекательной литературе. Вот и все.

— Вы со мною не согласны? — спросила хозяйка дома маленького седовласого художника, пододвинув-

шего к нам свой стул и в течение нескольких минут прислушивавшегося к разговору.

— Думаю, вы правы, — ответил старичок. — Правда, по-моему, ударение следует перенести с издательств на политиков. Они создают атмосферу. К ней и приспособливаются издатели. Вы сами говорите, что у нас нельзя издать серьезную, имеющую культурное значение книгу без значительных финансовых потерь. Кто же будет нести эти потери? Издатели? У них бизнес как бизнес: он должен приносить прибыль. Это ведь аксиома. Наша печать — вот кто губит серьезную литературу...

Конечно, книге Эдгара Гувера, прославляющей ФБР, биографии Даллеса или мемуарам Баруха обеспечена большая и шумная реклама, независимо от их литературных достоинств. Но возьмите, к примеру, последнюю книгу Джулиана Шумана о новом Китае. Это не роман, не беллетристика, но очень интересная, познавательная вещь. Шуман бойкий журналист. Раньше он был корреспондентом чикагской «Сан-Таймс» и обозревателем радиосети «АБеЦе». Это единственный американский журналист, собственными глазами наблюдавший самое крупное послевоенное событие на нашей планете — освобождение шестисотмиллионного народа, начавшего строить новое общество. Такой книге в иных условиях суждено было бы стать «бест-селлером», самой ходовой, популярной книгой. А что с нею происходит? Ни одна крупная газета Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Филадельфии, Детройта, Вашингтона не сообщила о выходе книги, не поместила о ней рецензии. Не упомянула о ней даже газета, в которой много лет работал автор. Откуда же читатель будет знать о ней? Что это, по-вашему, как не заговор молчания, бойкот книги, способной дать ответ на важные вопросы, интересующие всякого думающего американца?

— Насчет печати, — сказала хозяйка, — я с вами спорить не стану. Кстати, вы не читали сегодня рецензию Генри Лэнга в «Нью-Йорк геральд трибюн»? Он забавно пишет о вчерашней телепередаче премьеры прокофьевской оперы «Война и мир». Нет,

не читали? Тогда я обязательно должна вам ее прочитать.

Она вышла из гостиной и вскоре вернулась с газетой. Длинная рецензия оказалась весьма скучной. Но одно место, ради которого хозяйка и настаивала, чтобы мы выслушали все до конца, позабавило всех. Лэнг не ставил прямо вопроса о запрещении «Войны и мира» и занесении этого произведения в списки «подрывной» литературы, но тем не менее привлекал внимание к тому, что русский писатель Л. Н. Толстой «в скрытой форме атакует европейскую цивилизацию и защищает коммунизм».

Все рассмеялись. Разговор перешел на тему о премьере, которую мы смотрели накануне. Нас принялись расспрашивать о том, как нам понравилась «Война и мир» в специальной постановке Кэрка Брауна для телепередачи «Нэйшнл бродкастинг систем». Мы отвечали, что нам понравился слаженный оркестр, понравились Кеннет Смит в роли Кутузова, Хелен Скотт (Наташа), Морлей Мередит (Андрей) и некоторые другие артисты, вдохновенно пытавшиеся воссоздать для американского зрителя образы героев бессмертного произведения.

Наши собеседники рассказывали нам, что передача по американскому телевидению оперного произведения в течение двух с половиною часов — неслыханное явление.

Американские телевизионные и театральные дельцы уверяют, что американец не хочет в течение такого долгого времени смотреть или слушать одну и ту же драму или оперу. Поэтому ему обычно преподносят даже классические произведения в сильно сокращенном виде или в отрывках, а кроме того, постановку прерывают каждые пять-десять минут, чтобы передать рекламу той фирмы, которая оплачивает телевизионную передачу — независимо от того, продает ли она лезвия для бритвы, нижнее белье, виски или таблетки от изжоги.

Для «Войны и мира» Прокофьева было сделано исключение. Исполнения этой оперы в Соединенных Штатах ждали долго. Еще за десять лет до упомяну-

той передачи нью-йоркская «Метрополитен опера» объявила, что собирается поставить оперу в ее первом варианте, но позднее сообщила, что «из-за отсутствия средств» постановку не удастся предпринять и поэтому придется ограничиться ее концертным исполнением. Но и это более скромное предприятие не было осуществлено. Многие считали, что определенную роль здесь сыграли ретивые сторонники «холодной войны» из государственного департамента.

— Никакого объяснения не последовало, — рассказывал театральный критик «Нью-Йорк таймс» Говард Таубмен, — но «холодная война» все более усиливалась, и, по всей вероятности, считалось, что постановка советской оперы на патриотическую тему была бы неуместной...

К чести телевизионной компании и большей части газет следует отметить, что они длительное время рекламировали предстоящую телепередачу, писали, что в ней будет занято 93 певца и 60 музыкантов, расписывали подготовку костюмов и т. д. Тут, возможно, сказывалось желание привлечь максимально возможное число зрителей, чтобы оправдать значительные расходы. И, видимо, организаторам это удалось. Передача проводилась в воскресный день с 13.30 до 16.00 часов. За несколько часов до начала в метро и автобусах можно было слышать разговоры о предстоящей передаче. Люди задавали друг другу вопросы, уточняли время передачи, уславливались о совместных, «коллективных» просмотрах у тех из знакомых, у которых имеются телевизоры получше, с наибольшими экранами, если не цветные — опера передавалась и по каналу цветного телевидения, — хотя цветных телевизоров в Америке пока еще мало.

О Джонни мы на время забыли. Вечер прошел за разговорами о пользе культурного обмена. Американцы вспоминали о феноменальном успехе концертов Гилельса и Ойстраха в Соединенных Штатах, высказывали сожаление, что еще не видели у себя советского балета. Старичок возмущался тем, что госдепартамент не разрешил художнику Рокуэллу Кенту поехать

в Москву, где открывалась выставка его картин. Кто-то сказал:

— А как поступили с Пикассо? В Музее современного искусства в Нью-Йорке открылась одна из самых крупных выставок его картин. Репродукции его произведений печатает «Лайф» и другие многотиражные журналы. Самого же художника в США не впустили. Он, видите ли, «табу», он «красный».

В последующие дни, разговаривая с американцами, просматривая газеты и журналы, мы часто возвращались к вопросу о том, почему Джонни мало читает, почему ему не дают в руки хороших, умных, бодрых, просвещающих и просветляющих книг.

Однажды мы прочитали интересные мысли по этому вопросу, высказанные авторитетным американцем, известным критиком Ван Уик Бруксом.

— Мы движемся в новые средние века, — говорил он. — Мы почти так же беспомощны, как и пьяные, одолеваемые сном, которые пытаются вести машину в темноте без зажженных фар. Из-за всеобщей потери веры в цивилизацию, в жизнь, в людей мы едва сдерживаемся, чтобы не заснуть.

Читая эти горькие признания, мы думали: действительно, как могут увлечь молодежь люди, зашедшие в тупик, разуверившиеся в своей цивилизации, в своем образе жизни и вместе с тем не способные предложить Джонни ничего лучшего, кроме деградации, возврата к средним векам.

И еще мы думали об американских писателях — оптимистах, прогрессивно мыслящих людях, которые пишут не для скучающих и страдающих от ожирения «верхних десятках тысяч» и не для одурманивания и усыпления миллионов Джонни и его родителей, а для тех, кто «составляет цвет страны, ее силу, ее будущность». Их пока еще мало, и то, что они пишут, издается с большим трудом, замалчивается, изгоняется из школ, университетов, библиотек. Толстой стеной комиксов и детективов Джонни ограждают от таких книг.

Но и Джонни не стоит на месте. Он растет и размышляет.

Лишенные знамени

Талантливый американский киноактер Джеймс Дин, безвременно погибший в автомобильной катастрофе в 1955 году в двадцатичетырехлетнем возрасте, успел создать несколько обобщающих, типичных образов своих молодых современников. Особенно запомнился он мне в интересной картине «Гигант» в роли Джета Ринка, парня, сказочно разбогатевшего на богатом источнике нефти, открытом на случайно подаренном ему клочке земли в штате Техас. Дин создал яркий образ всевластного мультимиллионера—пьяницы и самодура, перед которым преклоняется все официальное общество, восторгаются находящиеся в полной зависимости от него сенаторы и губернаторы. В другой картине, «Бунтарь без причины», Дин играет распущенного, сбитого с толку юношу, чья жизнь полна горьких неудач и страданий.

В том, что талантливый молодой артист создавал образы опустошенных, разочарованных, лишенных радости жизни людей, нашла свое отражение трагедия молодого поколения его страны.

В послевоенные годы «холодной войны» в Соединенных Штатах появилось много книг, газетных и журнальных статей, изображавших американскую молодежь как «потерянное», «опустошенное» поколение. Американская печать и по сей день полна прямых и косвенных признаний того, что господствующая в стране социальная система не в состоянии разрешить коренные проблемы молодежи, обеспечить ее сегодняшние потребности, увлечь какими-либо светлыми перспективами завтрашнего дня.

Известная вашингтонская обозревательница Мальвина Линдсей бьет тревогу по поводу того, что в Америке в «опасных размерах» растет «большое потерянное поколение подростков в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет, которые ведут бесплодную, бесцельную жизнь». Примерно 40 процентов учащихся прекращают учебу до окончания средней школы. Этой молодежи, говорит Линдсей, особенно трудно найти себе место в жизни. На долю сельской молодежи, по ее

словам, выпадает еще больше трудностей. Она не в состоянии найти себе применение в сельском хозяйстве.

Линдсей сообщает, что в нескольких штатах созданы специальные молодежные лесоводческие лагеря, в которых работают молодые преступники и правонарушители. Предполагается создать несколько таких лагерей для безработной молодежи. Разрабатывается план использования молодежи для восстановления ряда запущенных национальных парков. Но все это — капля в море, которая никак не может решить проблему разумного трудоустройства большой армии юношей и девушек, лишенных возможности работать, учиться, приобрести какую-нибудь специальность. Линдсей предупреждает, что в ближайшие годы эта проблема еще больше обострится, поскольку к 1965 году численность молодежи в возрастной группе четырнадцати-семнадцати лет возрастет, по данным статистики, примерно на 55 процентов.

— Прослойка «потерянной» молодежи, — заключает Линдсей, — это серьезная угроза нашей эпохи.

Как уже отмечалось выше, дух упадочничества, пессимизма, разложения господствует в современной литературе и искусстве США, на которых воспитывают молодежь. Ее «развлекают» и разлагают не только детективной литературой, но и с помощью специально создаваемой для нее порнографической литературы, основанной на так называемом «секс-аппил», возбуждении сексуальных чувств. С этой целью выпускается множество журналов, адресуемых молодежи. Сравнительно недавно в США начал выходить новый молодежный журнал «Плейбой», предназначенный первоначально для наиболее богатой, аристократической молодежи. Но за один год его тираж возрос с 390 тысяч до одного миллиона экземпляров. Журнал стали усиленно распространять среди студентов и других слоев молодежи. Чему он учит молодежь, куда ее зовет?

Для ответа на этот вопрос лучше всего предоставить слово самим американцам. Видный журналист, бывший редактор журнала «Лайф» Дэвид Карт считает главную причину «успеха» нового молодежного журнала в том, что он в каждом номере печатает

фотографии обнаженных девушек, «не манекенш, как скажем, в журнале «Эскуайр», а обычных девушек, которых вы можете встретить в соседнем доме или за соседним канцелярским столом, с той лишь разницей, что они показаны в раздетом виде». Однажды журнал умудрился поместить портрет догола раздетой писательницы — автора напечатанного тут же рассказа.

И такая, с позволения сказать, «литература» призвана воспитывать американскую молодежь, формировать ее мораль и нравы!

...Буржуазный публицист Томас Морган провел обследование положения и умонастроений молодежи ряда городов, в частности Нового Орлеана, промышленного города Гэри (штат Индиана) и других.

— Большую часть времени, — рассказывает Морган, — молодежь Гэри скучает, слоняется без дела. Она пребывает в состоянии какой-то летаргии.

— Лучшие ли это годы их жизни? — спрашивает Морган.

Публицист уклоняется от ответа на этот вопрос. Он ссылается на мнение д-ра Генри Ван Дусена, президента теологической семинарии, считающего, что у современной молодежи «нет миров, которые она могла бы завоевывать», что «молодежь не мечтает о каких-либо высоких целях. В моральном отношении они нейтральны. Они готовы терпеть все — ничто их не возмущает».

Глава теологической семинарии, как и Морган, в первую очередь, конечно, имеет в виду молодежь из буржуазных слоев, пресыщенную пустой и бесцельной жизнью. Еще больше их беспокоят умонастроения той части молодежи, которая все настойчивее ищет выхода из того тупика, в который ее завел капитализм.

Духовную пустоту своей молодежи многие из этих деятелей пытаются заполнить религиозным дурманом, а поскольку и он оказывается недейственным, малопривлекательным, религию и ее институты хотят подновить, подкрасить, приспособить к нравам и обычаям современной американской молодежи. Церковь в США стремится привлечь молодежь разнообразными развлечениями, даже танцами. Вы можете встретить, напри-

мер, джазовую песенку под названием «Доставь меня в церковь вовремя».

В разных концах страны временами организуются широкие пропагандистские кампании под лозунгами «религиозного возрождения» американцев и в первую очередь молодежи. Большая роль здесь отводится тридцативосьмилетнему атлетического склада евангелическому проповеднику Билли Грэхему, сделавшему головокружительную карьеру за сравнительно короткое время. Он основал целую корпорацию «Союз возрожденных Грэхема» с солидным капиталом. С помощью рекламы Грэхем стал одним из самых известных людей в стране. Со своими проповедями он выступает по радио, телевидению, в кино.

Приехав летом 1957 года в Нью-Йорк, Билли Грэхем с помощью всех средств пропаганды оповестил, что он начинает невиданный по своим масштабам шестинедельный «крестовый поход» за религиозное возрождение американского народа. Специалисты отмечали, что таких широких религиозных кампаний в Нью-Йорке не было на протяжении последних сорока лет.

Поход начался проповедью Грэхема на тему «Ответ христианина на дилемму мира».

В крупнейшем зале города, Мэдисон-сквер Гарден, собралось 20 тысяч человек. 100 полицейских выстроились у здания на улице, 80 охраняли порядок внутри помещения. Освещенный ярким светом прожекторов, Грэхем говорил о религиозном пламени, которое, «подобно пожару в прерии», должно охватить сначала весь Нью-Йорк, а затем и всю страну.

Желая отвлечь молодежь от борьбы за лучшую жизнь, за коренную перестройку общества, Грэхем обещает ей духовное воскрешение с помощью библии. При этом он откровенно называет некоторые пороки и болезни современной Америки, но предлагает лечить их с помощью религии, тщательно затушевывая тот факт, что именно религия помогала и помогает духовному одичанию человека, воспитанию молодежи в духе безропотности и покорности господствующим порядкам.

— Страна находится в состоянии морального упадка, — говорил на описываемом нами митинге Билли

Грэхем. — Наше поколение охвачено нервным напряжением. Это своеобразный бунт против всех ограничений и ужасного страха. Мы живем только пилюлями. Мы принимаем успокоительные средства, чтобы быть спокойными днем, и снотворное, чтобы спать ночью, а в промежутках — сотни таблеток аспирина.

Билли Грэхем призывал американцев отказаться от «пилюль счастья» в пользу религии. Но он не призывал к устранению причин, побуждающих его соотечественников искать успокоения в пилюлях. Грэхем при всей его религиозности не является противником войны и активной подготовки к ней. Напротив, brave священник не упускает случая, чтобы освящать политику пушечных королей, разжигать военную истерию и ненависть к странам социалистического лагеря.

Выступая в октябре 1957 года на митинге в присутствии 40 тысяч человек, Грэхем ратовал за ускорение гонки вооружений.

— Сейчас, — пугал своих слушателей проповедник-бизнесмен Грэхем, — война более возможна, чем в любой другой период за последние десять лет. Бог подготавливает языческую нацию, которая уничтожит Соединенные Штаты.

Запугивая молодого американского обывателя, Грэхем психологически подготавливает его к войне, убеждает его безропотно терпеть бремя колоссальной военной машины. Но проповеди Грэхема не увлекают молодежь. Ему не удастся добиться успеха там, где терпели провал многие его предшественники.

В своей книге «Потерянное поколение», вышедшей более двадцати лет назад, американская буржуазная журналистка Мексин Девис жаловалась на то, что молодежь ее страны уже не верит «ни в черта, ни в бога», что правящие круги не в состоянии увлечь ее ни своими программами, ни своими героями. «Нужен герой! — писала Девис. — Если бы подобное объявление было помещено в газетах, то вряд ли нашелся бы подходящий кандидат, способный оправдать ожидания американской молодежи. Наше молодое поколение осталось без героев».

Со времени выхода в свет книги Девис мир сильно

изменился. Выросло новое поколение американских юношей и девушек. Богатую, наполненную благородным смыслом жизнь обрела молодежь многих стран, порвавших с капитализмом и вступивших в новые, основанные на разуме и справедливости человеческие отношения.

В США проблема молодежи так и осталась нерешенной. Ее властители не смогли дать молодежи положительного героя, выдвинуть программу, лозунги, способные сплотить, увлечь основную массу молодежи своей страны. Удивляться этому не приходится. Владыки монополий, опирающиеся на систему наживы, на ограбление своего и чужих народов, не могут предложить молодежи ничего другого, кроме пиратского империалистического знамени.

— Говорят, что у современного молодого поколения нет знамен, что у него нет ни воспоминаний, ни страстей. Но какие же знамена мы им предложили? Разве мы оставили им в наследство какие-нибудь ценные общественные нормы? — пишет о молодом поколении своей страны американский журнал «Нэйшн».

Буржуазный журнал не досказывает, не доводит свои мысли до их логического конца. Ему, конечно, трудно прямо признать моральное банкротство прогнившего буржуазного общества, которое так ярко проявляется среди столь многих представителей его молодого поколения.

Что же остается ему предложить? Знамя смерти? Этого не хочет признать либеральный журнал, но именно это предлагают молодежи разного рода трубадуры американского империализма, безуспешно пытающиеся увлечь молодое поколение лозунгами «американского века» и «мирового господства Соединенных Штатов». Основная масса молодежи остается равнодушной к таким лозунгам, хотя империалистическая пропаганда, конечно, делает свое гнусное дело и одурманивает немало молодых людей.

Мексин Девис в свое время отмечала, что «юноши, не знающие, куда девать свой досуг, охотно возьмут в руки ружье. Ведь их жизнь приобретает во время войны какое-то значение, в них тогда нуждаются, да-

же очень нуждаются, в то время как теперь они никому не нужны». Вербовщики американского военного ведомства и сейчас сулят молодежи «интересные авантюры», возможность «увидеть мир», обеспечить себе «прочное положение в жизни» и даже разбогатеть. Но охотников добровольно надеть военный мундир оказалось не так уж много. Пришлось впервые в истории США в мирное время ввести обязательную воинскую повинность. Американскую молодежь не влечет перспектива войны, особенно после появления невиданных ранее средств массового истребления.

— Мировое господство? — спрашивает рядовой американский юноша. — А что я могу от этого иметь, кроме сломанной шеи?

— А разве в нашей собственной стране мало простора, мало богатства? — спрашивает более серьезный, вдумчивый молодой американец. — Разве не хватит на всех нас наших природных ресурсов, да и того, что создали поколения наших отцов, матерей, братьев, и того, что мы сами создаем и можем создать своими руками? Дайте же нам возможность разумно использовать все это для себя.

Вот к каким выводам приходит молодежь.

ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМ ГАНГСТЕРОМ

Одна за другой выключаются люстры. Кругом становится темно. Большая аудитория притихает. Только приглушенный кашель, скрип кресла или шелест платья напоминают о том, что огромный зал городской ратуши битком заполнен людьми.

Но вот крошечную тьму прорезает яркий луч прожектора. Медленно двигаясь с боковой стенки, выхватывая по пути из темноты замысловатые дамские шляпы и мужские лысины, он останавливается на се-

редине сцены, где за столом перед микрофоном сидит юноша в маске.

Не успели мы еще рассмотреть сидевших по бокам представителей прессы, как из-за кулис раздался усиленный громкоговорителем голос:

— Вы много слыхали о детской преступности, о враждующих и воюющих между собой бандах подростков. На страницах газет, по радио на эту тему высказываются эксперты. Но что думают, какие чувства испытывают сами главари этих шаек? Об этом вы услышите сейчас из уст бывшего предводителя одной из самых смертоносных банд Нью-Йорка. Слушайте его. Это говорит голос молодых гангстеров Нью-Йорка.

Так была «драматизирована» встреча семнадцатилетнего гангстера, бывшего вожака одного из отрядов «Египетских королей», с представителями общест-венности города. Интерес к этой именно банде, одной из сотен орудующих в Нью-Йорке, усиливался тем, что незадолго до этого вечера она зверски уби-ла шестнадцатилетнего юношу в Бронксе.

Встречу устроила Федерация женских клубов Нью-Йорка при содействии газеты «Нью-Йорк джор-нэл — Америкэн». Основную часть аудитории составляли женщины. Встрече придали форму публичного интервью. Вопросы по-деловому задавали репортеры газет. Замаскированного гангстера называли сокращенным именем «Энди». Его полное имя и фамилия держались в тайне, что придавало еще большую таин-ственность и детективный колорит этой разреклами-рованной, сопровождавшейся театральными эффектами встрече.

— Когда вы впервые вступили в банду? — задали ему вопрос.

— Мне было тогда около четырнадцати, — ответил Энди.

— Какое вы занимали место среди «египетских королей»?

— Я был вожаком. Под моим командованием на-ходилось тридцать два парня. Я отвечал за оружие, назначал время и место операций, стычек.

— Каким оружием обычно пользуется банда подростков?

— Ножам, пистолетами, битами, цепями, палками, чем угодно. У нас были ружья, винтовки, пистолеты.

— Как же вы доставали оружие?

— Очень просто. Чаще всего покупали, а иногда и сами изготавливали.

Бойким, звонким голосом молодой человек рассказывает, где и как в Нью-Йорке можно приобрести оружие, чтобы потом с его помощью терроризировать целые кварталы, районы города. Не без гордости рассказывает он о драке, которую другая банда затеяла с его подростками, когда они «возвращались с танцулек» на Лонг Айленде. Какому-то парню раскроили череп. Это происходило в автобусе...

Разговор переходит на другую тему.

— Пользуется ли шайка наркотиками?

— А как же, конечно!

— Где же в Нью-Йорке продают наркотики?

— Всюду на улицах. Но мы покупали их не на улице, а в школе. Так называемые пушеры * не боятся торговать в школах. Наркотики они продают в коридорах, в уборных, где угодно.

— Приходилось ли вам видеть продажу наркотиков в этом учебном году, после возобновления занятий?

— Да, каждый день. Их продавали у нас в школе, в помещении буфета.

— Может быть, наркотики продают только в вашей школе?

— Что вы! Их можно купить во всех известных мне школах. Я знаю ребят, которые ими торгуют.

Установив, что гангстеры и их подпольные синдикаты, торгующие наркотиками, проникли буквально во все школы города, репортеры перешли к другой серии вопросов. Может быть, они торопились выяснить другие стороны деятельности молодых преступников, а возможно, не хотели продолжать допрос, ко-

* Пушеры — агенты.

торый неизбежно привел бы к разоблачению связей преступного мира с полицией, городскими властями, с партийной машиной «Таммани холл» *.

Один из последовавших вопросов гласил:

— Носят ли члены молодежных шаяк оружие с собою в школу?

— Конечно. Ножи, пистолеты, ключи для открывания консервов, что угодно.

— Это считается необычным?

— Почему? Это обычное дело.

Вопросы и ответы продолжались в том же плане. Но никто не спрашивал Энди, откуда у него появилась «тяга» к насилию, грабежу и убийствам. Никто его не спросил, сколько комиксов он прочитал за свою сравнительно короткую жизнь, просиживал ли он по вечерам за телевизором, когда по программе «Театр не для нервных людей» ежедневно передаются фильмы, герои которых — гангстеры, бандиты, военные и гражданские преступники, медики-садисты, ученые-злодеи — изощряются в изобретении наиболее ухищренных способов, чтобы вешать, душиить, резать, взрывать, топить, отравлять, до смерти изводить свои жертвы, будь то малолетние дети или старики, юноши или девушки.

Беседа продолжалась. Перед слушателями возникла потрясающая картина детской преступности в крупнейшем городе Соединенных Штатов.

Точной статистикой никто, конечно, не располагает, но предполагают, что в Нью-Йорке существует несколько сот разного рода шаяк подростков, занимающихся грабежами, распространением порнографии, наркотиками, насилиями, убийствами. Многие из них организованы по системе корпораций, с филиалами и вспомогательными отрядами, укомплектованными по возрастному принципу. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала даже схему организации таких банд. У «Тигров», например, в Манхэттене, в старший отряд входят двадцатилет-

* «Таммани холл» — штаб-квартира организации демократической партии в Нью-Йорке.

ние парни, в средний — пятнадцатилетние, в младший — тринадцатилетние и в отряд самых малолетних — ребята с одиннадцати лет. Отдельно существует вспомогательный «женский отряд», в который вовлекают девушек школьного возраста.

Пунктирной линией на схеме было показано, с какими бандами из других районов города сотрудничают «Тигры».

Здесь имеются «Короли», «Цилиндры», «Бомбардиры», «Капитаны», «Лорды», «Грешники», «Скорпионы», «Драконы», «Императорские рыцари» и десятки других шаяк со столь же помпезными названиями.

О густоте расположения таких банд можно судить по результатам расследования, проведенного недавно в одном из районов города, в котором проживает 37 тысяч человек в возрасте от шести до двадцати лет. Было установлено, что в этом районе существует двадцать восемь различных банд и шаяк подростков. Некоторые специализируются на воровстве и драках, которые иногда приводят к убийствам. Другие ограничиваются кражей автомобилей и на добытые таким путем деньги устраивают попойки. Третьи увлекаются порнографией и наркотиками. А большая часть сочетает все эти и другие элементы.

Нью-йоркская печать ежедневно пестрит сообщениями о похождениях этих банд: в центре города группа подростков выстрелами из револьвера ранила двух мужчин; трое молодых хулиганов придрались к юноше и ножами нанесли ему несколько ран; в городском парке нашли зверски изуродованную школьницу; убийства в Восточном Бронксе, Восточном Гарлеме, в северной части Манхэттена — во

«Тигры» или «Скорпионы»?!

всех районах города. В Бруклине пятнадцать подростков в возрасте четырнадцати-восемнадцати лет напали на шестнадцатилетнего парня, игравшего с товарищами на улице. В ход были пущены ремни, ножи, его топтали ногами и телевизионной антенной разбили ему голову. В тот же день другая молодежная банда зарезала пятнадцатилетнего мальчика-инвалида, который ничем им не мешал. Когда одного из участников этого зверского хладнокровного убийства впоследствии спросили, почему он это сделал, четырнадцатилетний парень спокойно ответил:

— Я хотел испытать, какое бывает ощущение, когда нож проходит сквозь кости...

Все эти убийства произошли на протяжении нескольких дней в Нью-Йорке. За восемь месяцев шайками подростков было убито двадцать два человека. Жители некоторых районов города настолько напуганы, что боятся по вечерам выходить на улицу. Один из представителей местных властей, описывая обстановку, заявил, что по ночам город «превращается в джунгли».

Комиссар полиции города Нью-Йорка Кеннеди утверждает, что размах преступности в городе соответствует «масштабам гражданской войны». Он требует увеличения числа полицейских и тюрем. «Для малолетних правонарушителей, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн», — срочно нужно построить четыре концентрационных лагеря».

Публичную библиотеку, расположенную на углу Бушуик-авеню и Сейдж-стрит (в Бруклине), пришлось закрыть, так как молодые преступники и хулиганы терроризировали посетителей и работников библиотеки. Существовавшая с 1901 года библиотека закрылась в 1957 году. Представитель дирекции сообщил, что библиотека не может дальше работать, так как в последнее время она напоминала «осажденную крепость в растущем районе опустошения». Подростки систематически обстреливали библиотеку «управляемыми снарядами» собственного изготовления, бросали в окна кирпичи и камни. В течение нескольких месяцев они разбили двадцать одно окон-

ное стекло в здании библиотеки. Молодые гангстеры неоднократно врываются в библиотеку, уничтожали книги, комплекты журналов и газет, ломали мебель. По вечерам никто из посетителей не приходил в библиотеку.

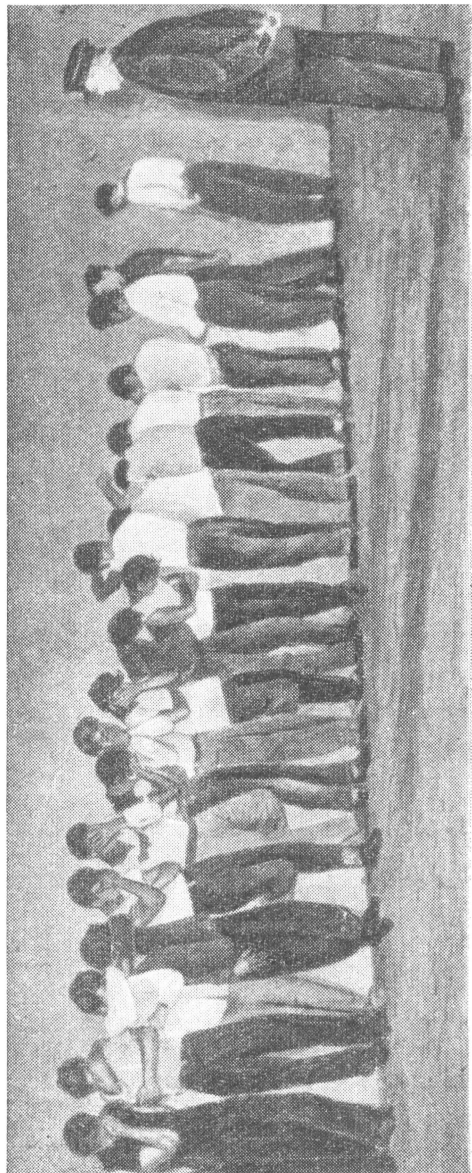
— Когда наступают сумерки, — сказал представитель дирекции, — люди боятся ходить по улицам этого района.

Доктор Гринхилл, директор городского психиатрического совета, вместе с группой помощников провел обследование одного из северных районов Манхэттена, именуемого Вашингтон хайтс. Они установили, что жителей этого района терроризируют банды подростков. Школьники боятся ходить в школу или выходить поиграть на улицу. Некоторые стали носить с собой ножи для защиты в случае нападения молодых гангстеров. Женщины с опаской открывают двери квартир, когда в доме нет мужчин, боятся выйти в магазин или на рынок. Обследователи пришли к выводу, что «население чувствует себя беспомощным и не видит избавления от хулиганов и бандитов».

Опубликование этого заявления привело в ярость мэра города Вагнера. Приближались очередные выборы. Городские власти из кожи лезли вон, чтобы доказать свои достижения. А тут такой доклад! Городской голова немедленно потребовал к себе доктора Гринхилла. Начальник секретариата мэра Пир отчитал доктора как мальчишку. Но молодые гангстеры и хулиганы так распоясались в городе, что их многочисленные преступления никак нельзя было замалчивать. О них ежедневно трубила печать.

На том же вечере, на котором репортеры брали интервью у молодого гангстера Энди, присутствовал и городской голова Вагнер. Выступление мэра оставили на закуску. Вагнер говорил о программе борьбы с детской преступностью, о том, как «поставлены на ноги» все 23 тысячи полицейских и детективов города.

Слушая мэра, сопоставляя его речь с интервью, только что данным представителем молодежных банд, у многих присутствовавших невольно возникала

Участники молодежных банд, арестованные полицией.

мысль: а не выслушали ли мы представителей двух видов бизнеса? Одни зарабатывают на том, что торгуют наркотиками, совершают налеты, грабежи, убийства. Ведь банды подростков — это своеобразные школы подготовки кадров для синдикатов профессиональных преступников, действующих безнаказанно и ворочающих миллиардами. Другие зарабатывают на том, что призваны вести борьбу с преступностью. Вряд ли вы найдете в Нью-Йорке жителя, который поверил бы, что преступность среди взрослых и подростков процветает в таких масштабах без помощи и содействия полиции и других властей, тесно сотрудничающих с преступным миром. И если вы уже заговорите с местным жителем на эту тему, он обязательно заставит вас выслушать рассказ о бывшем мэре города Нью-Йорка О'Двайере.

Вам расскажут о том, как сравнительно недавно О'Двайер с помощью гангстеров стал во главе самого крупного города Соединенных Штатов, а затем был назначен американским послом в Мексике. Расскажут о влиянии гангстеров в двух главных партиях крупного капитала — демократической и республиканской, о том, как «машины» этих партий обеспечивают практическую связь легального бизнеса с подпольным преступным миром, помогая последнему перекачивать свои капиталы в различные отрасли промышленности и банки. О том, как, в свою очередь, преступный мир приходит на помощь бизнесменам и их политикам в предвыборных кампаниях, в периоды подъема рабочего движения, когда страну сотрясают мощные забастовки, когда гангстеров бросают на борьбу с «красной опасностью», с «агитаторами» из прогрессивных профсоюзов. Вам приведут хорошо запомнившиеся слова того же О'Двайера: «Безразлично, является ли данный человек банкиром, дельцом или гангстером. Его бумажник — вот что привлекает».

Если у вас возникнут сомнения, вы, быть может, спросите: а не относится ли деятельность О'Двайера и его тесное сотрудничество с королями преступного мира Костелло, Лючиано, Анастасия к сороковым и

началу пятидесятих годов, к периоду президентства Трумэна? Может быть, за прошедшие с тех пор годы положение изменилось к лучшему, гангстерам объявили беспощадную борьбу, с ними перестали сотрудничать крупнейшие политические деятели, банкиры, фабриканты, плантаторы и генералы?

В таком случае вам приведут самые последние сведения о процветании синдикатов преступников, которые в отличие от многих отраслей американской промышленности не знают сейчас ни застоя, ни спада, ни кризиса. Печать сообщает, что эти синдикаты переживают «бум». Конечно, изменились многие методы и формы их деятельности, особенно если их сравнивать с периодом господства Аль Капона в двадцатых и тридцатых годах. Ныне связи преступного мира с «респектабельным» бизнесом стали куда более тесными, более многогранными и прочными. Имена гангстеров все чаще встречаются среди крупных акционеров пищевых, пивных, швейных и других корпораций. Но и сами синдикаты преступников «повзрослели», стали действительно крупным бизнесом. Помимо того, что они расширили свою деятельность в новых сферах, эти синдикаты сейчас еще больше наживаются на своих прежних, ныне модернизированных ими предприятиях — игорных домах, скачках, торговле наркотиками, проституции и всевозможных «рэкетах».

Общие законы развития капиталистического общества сказываются и на синдикатах преступников. Здесь тоже наблюдается тенденция к все большей концентрации. Многие синдикаты «слились», более крупные поглотили менее рентабельные мелкие фирмы. Действуют они в форме своеобразной конфедерации, внутри которой между отдельными синдикатами существуют «рабочие соглашения». Часто они одалживают друг у друга денежные средства и профессиональных убийц, предпочитая, чтобы, скажем, чикагский или бостонский гангстер убил человека, вставшего у них на пути в Нью-Йорке, а нью-йоркский гангстер «убрал» неугодного им человека в Чикаго, Бостоне или где-либо еще. Правда, в последнее

время профессиональные убийцы рационализировали, стандартизировали свой бизнес. Существуют «мобильные отряды», укомплектованные полным штатом — от инструкторов и девушек легкого поведения для завлечения намеченной жертвы до бухгалтеров, которые ведут все расчеты. По заданию своих синдикатов эти отряды разъезжают из города в город, выполняя любые поручения — от сбора «податей» до убийства людей.

Когда в конце 1957 года в парикмахерскую нью-йоркской гостиницы «Парк Шератон» спокойно зашли два человека в масках и выстрелили в затылок Альберту Анастасиа, никто не сомневался в том, что король преступного мира, основатель и главный акционер «Синдиката убийц» был казнен по приговору гангстеров-соперников, а не по решению законного американского суда. Последний проявляет значительно меньший интерес к профессиональным громилам и бандитам, к их трестам и синдикатам, чем к прогрессивным деятелям, профсоюзным, молодежным, культурным и другим организациям, ведущим борьбу в защиту интересов простого американца.

Несколько дней спустя все газеты под крупными заголовками сообщали о съезде гангстеров, состоявшемся в городе Аппалаче (штат Нью-Йорк). Поскольку съезд был закрытым, на него не были допущены представители печати и по окончании его работы не было опубликовано официальное коммюнике, высказывались разные предположения. Большинство обозревателей сходилось на том, что съезд созвали для решения вопроса о разделе «империи преступников», которой раньше управлял Анастасиа.

Шестьдесят пять «знатных людей» преступного мира, собравшихся на съезд, прибыли, конечно, в собственных «кадиллаках». Каждого сопровождала свита секретарей и телохранителей. Не могли они пожаловаться и на отсутствие внимания со стороны прессы, которая сообщала о съезде гангстеров как о самом крупном событии внутренней политической жизни страны.

Да, крупные гангстеры действительно пользуются в США большим почетом. Их портреты украшают не только разноцветные детские комиксы, стены ночных баров и клубов, но и самые «солидные» газеты и журналы; писатели и режиссеры прославляют и увековечивают их в своих романах, фильмах, театральных постановках. Впрочем, этот успех гангстеров вполне пропорционален размаху и масштабам их бизнеса.

В одном из номеров журнала «Пэрейд» сообщалось, что синдикаты преступников «делают дела» на 20—25 миллиардов долларов, что каждой американской семье преступность ежегодно в среднем обходится в 467 долларов. На каждый доллар, затраченный на образование, приходится 1 доллар и 29 центов, потраченных на преступления.

За последнее десятилетие статистика преступности в Соединенных Штатах неизменно растет. Руководитель федерального бюро расследований Эдгар Гувер сообщил, что с 1950 года преступность в стране растет в четыре раза более быстрыми темпами, чем численность населения. С начала пятидесятых годов число преступлений возросло на одну треть. Каждые 12,3 секунды в стране совершается серьезное преступление, каждые 4,1 минуты — убийство, изнасилование, нападение. Более половины этих преступлений падает на молодежь до двадцати одного года.

Преступность, уголовщина — ведущая тема не только комиксов и гангстерских фильмов, но и почти всей ежедневной и периодической печати. Ее смакуют во всех подробностях большие и малые газеты, журналы, радио и телевизионные станции.

Во время нашего пребывания в Соединенных Штатах крупнейшей сенсацией было обнаружение «Сумасшедшего подрывателя», как называла его вся печать, из Уотербери (штат Коннектикут). Звали его Джордж Метески. Он отличился тем, что на протяжении шестнадцати лет подкладывал бомбы в разных местах: в библиотеках, метро, телефонных будках, на вокзалах и т. д. Больше недели портреты Метески не сходили с первых страниц газет. Улы-

бающееся лицо преступника в некоторых газетах занимало почти половину полосы. Печатались также портреты его престарелых сестер, с которыми он жил. У них брали интервью о детских годах, юношестве и дальнейшей жизни нового «героя дня». То же повторялось по радио и телевидению. Жизнь и подвиги Метески должны были лечь в основу очередных выпусков комиксов, детективных романов и фильмов. В США это делается очень оперативно.

Когда на Мичиганском озере всплыли два стальных барабана, в которых было обнаружено изуродованное, расчлененное тело пятнадцатилетней девочки Джудит Андерсон, газеты города Чикаго, описав со всеми подробностями все, что было известно об этом зверском преступлении, принялись искать новый сенсационный материал.

Утренняя «Трибюн» предложила 50 тысяч долларов тому, кто сообщит сведения, ведущие к поимке убийцы. Газета выделила пятнадцать своих лучших репортеров для освещения событий, связанных с этим — шестым на протяжении короткого времени — неразгаданным случаем убийства детей в Чикаго. Не желая отставать, другая газета «Сан-Таймс» сообщила, что она «бросает в бой» своего «самого опытного репортера-криминалиста Рея Бреннана и всех, кого мы считаем полезным послать на это задание». Дневная «Дейли ньюс» объявила, что она выделяет не просто лучшего своего газетчика, не горстку репортеров, а «половину всего нашего редакционного состава». Тогда газета «Америкэн» известила читателей, что выделяет «сверхударную группу лучших своих людей».

Включились в кампанию и радиостанции. Одна из них додумалась до того, что стала передавать по радио «звук зашиваемого стального барабана», призывая всех слушателей, когда-либо слылавших такой звук, сообщить об этом. Посыпались сотни писем, раздавались тысячи телефонных звонков.

Всполошилась, конечно, и полиция. Боясь, что газеты могут ее «обскакать» и может возникнуть вопрос, «за что платят полиции», полицейский комис-

сар Оконор объявил во всеуслышание, что он посылает на это задание... тысячу четыреста полицейских.

Даже для выдавшего виды Чикаго шум оказался несколько необычайным.

Чикаго, конечно, не исключение.

В одном из последних номеров журнала «Лайф» за 1957 год двухстраничный разворот был посвящен описанию крупнейших миллиардеров страны, а следующие пятнадцать страниц — богато иллюстрированной статье под заголовком: «Что делает человека преступником». В первой статье приводились имена 155 мультимиллионеров и фотографии 17 наиболее крупных из них. Вторая подробно разбирала проблему роста преступности в стране, не упоминая, конечно, ни об одном из преступлений, совершенных владыками монополий, перечисленными в первой статье.

Восемь страниц отводились для воспроизводства специально заказанных художнику Роберту Уиверу картин на тему «Незабываемые преступления». Одна из картин, называвшаяся «Почти идеальное преступление», изображала, как сыновья двух чикагских бизнесменов, восемнадцатилетний Леб и девятнадцатилетний Леопольд, зверски убили четырнадцатилетнего Фрэнкса. «Почти» идеальным это преступление назвали потому, что бандитов трудно было обнаружить. Картина «Сундуки дали течь» описывала, как в багажном отделении железнодорожной станции обнаружили сундуки с кусками изуродованной и расчлененной женщины, а полотно «Знаменитое массовое убийство в день Св. Валентина» увековечило расстрел ставленниками Аль Капона семи молодчиков гангстера Морэна, безуспешно пытавшегося ликвидировать монополию Капона на подпольную торговлю спиртными напитками. Картина «Многие роли Уилли Саттона» прославляла бандита, грабившего банки под видом переодевшегося полицейского, почтальона, курьера и т. п. «Классикой современных уголовных преступлений» называлось ограбление банка в Бостоне, которому посвящалось полотно «Люди в резиновых масках».

Очень уж почетное место занимает уголовщина на страницах американских газет, журналов, в литературе, на экранах кино и телевизоров!

Леди-гангстер

В падкой до сенсаций американской печати все чаще появляются сообщения о грабежах, вымогательствах, убийствах, совершаемых женщинами разных возрастов — от школьниц младших классов до глубоких старух.

Однажды мы прочитали в газетах про «бабушку-бандитку», которая с помощью пистолета «совсем как заправский гангстер» ограбила несколько банков в Лос-Анжелосе. Ее звали Этель Арата.

В другой раз нам довелось читать подробные описания походов банды девушек в штате Техас, которую возглавляла двадцатилетняя Мельба Бешем. Банда специализировалась на краже скота. Она сбывала его скотопромышленникам. В том же штате красивая молодая женщина Анна Вильямс убила двух своих детей. Ее портреты долго не сходили со страниц газет и журналов. Она стала своеобразной «героиней».

Можно было бы рассказать о Джоан Стиклэнд, которая вместе с двумя помощниками похитила в Сент-Луисе ребенка и потребовала от родителей выкупа. Но в таком случае читатель вправе был бы спросить, почему мы упомянули именно Джоан, когда такой вид преступления довольно широко распространен по всей стране. С таким же основанием можно было бы назвать, скажем, танцовщицу Барбару Гримм, похитившую двух детей в центре столицы, в Вашингтоне, или рассказать о специальных гангстерских организациях и бандах, занимающихся этим весьма своеобразным бизнесом.

С тревогой американцы говорят о растущем потреблении наркотиков молодыми женщинами. В Детройте, например, общее число зарегистрированных наркоманов за последние пять лет возросло в два-

дцать раз. Одна пятая всех арестованных наркома-нов или лиц, промышляющих наркотиками, — женщины, причем из них две трети в возрасте от восем-надцати до тридцати пяти лет.

Восемнадцатилетняя Барбара Спенсер, доставлен-ная в суд в Нью-Йорке, рассказала, как в три-надцатилетнем возрасте ее приучили к спиртным напиткам, а затем к употреблению наркотиков и во-ровству. Вскоре Барбару втянули в один из «клубов» для школьниц, где приучили к проституции.

Такие рассказы изо дня в день повторяются в аме-риканских судах, куда приводят молодых правонару-шителей и преступниц.

За респектабельными на вид биржами и агент-ствами, числящимися в официальных справочниках, пользующимися газетами и радио для передачи объявлений о найме на работу, зачастую скрываются современные рынки по торговле детским трудом, а иногда и их телом. Это один из «рэкетов», который приносит большую прибыль.

В районе Нассау, в Нью-Йорке, в сентябре 1957 года случайно обнаружили одно такое агент-ство, вербовавшее девушек якобы для работы домаш-ними прислугами. Называлось оно «Джем эмплой-мент эйдженси» и действовало далеко за пределами штата Нью-Йорк. В ход пускались заманчивые объявления. Скажем, в городе Савана, штат Джорд-жия, по радио сообщалось:

«Нужны девушки для работы в качестве домашней прислуги. За первые две недели плата 60 долларов».

И далее указывалось, куда обращаться.

С девушками заключали контракт. Четырнадца-ти-пятнадцатилетних предупреждали, чтобы они, указывая свой возраст в анкетах, прибавляли пять-шесть лет для «солидности». Девушек отправляли в Нью-Йорк. Им действительно предоставляли рабо-ту на две недели, а потом оказывалось, что агентство высчитывает с них 47 долларов за свои услуги и что им просто не на что существовать в чужом городе. Доверчивым провинциалкам некуда было деваться: они оказывались в кабале у своих новых хозяев. И те

«Заходите повеселиться, потолкаться, поиграть, посоветоваться с автоматической гадалкой», — призывают рекламные щиты многочисленных увеселительных комбинатов.

эксплуатировали их дальше по своему усмотрению и назначению. Многих таким путем толкали в ряды проституток.

И все же один американский журнал, анализируя причины заметного роста за последние годы преступности среди женской половины молодежи, с серьезным видом доказывал, что в этом следует усматривать признак... «раскрепощения женщины».

— За последние четверть века, — рассуждал этот журнал, — перед американской женщиной открылись многие двери, которые раньше были для нее закрыты. Одна из этих дверей — преступность...

Конечно, на протяжении многих лет американские женщины не без упорной борьбы добились многих прав, которыми задолго до них пользовались женщи-

ны в некоторых других, даже буржуазных странах. Хотя молодые американки не помнят о том, как внесенный в сенат законопроект о предоставлении женщинам права голоса был направлен на рассмотрение в комиссию, занимающуюся учреждениями для умалишенных, их матери и они сами хорошо знакомы с практикой дискриминации трудящихся женщин в США. Они знают, что за равную с мужчиной работу женщины получают меньшую на одну четверть или даже на одну треть зарплату; что в случае начисления им пенсии они получают значительно меньше мужской; что во многих штатах замужняя женщина по закону не вправе распоряжаться собственным заработком; что только в шести из сорока восьми штатах закон запрещает использовать женщин на работе непосредственно перед родами или сразу же после родов, хотя при этом и не предусматривается выплата женщинам какого-либо пособия или даже сохранение за ними их прежней работы.

Зная эти и другие факты неравноправного положения своих соотечественниц, трудовая женщина Америки не испытывает большого удовлетворения от того, что читает в газете сенсационно поданное известие:

«Впервые за двухсотлетнюю историю Уолл-стрита женщина — миссис Чарльз Ульрик Бей — стала председателем и членом правления компании, входящей в Фондовую биржу Нью-Йорка».

Обо всем этом не говорилось в указанной выше статье. Тем не менее ее автор отмечал, что женщина в такой же, если не в большей, мере, чем мужчина, подвержена влиянию экономических и социальных факторов, вызывающих преступность.

— Женщины, которым не удастся найти лучшее место в жизни, — рассказывал автор, — пополняют ряды проституток, торговцев наркотиками, «парти гэрлс», всегда готовых развлекать и развлекаться. Многие из них в раннем возрасте вливаются в шайки «деликвентов» — молодых преступников.

Американскую общественность серьезно беспокоят банды девушек в возрасте четырнадцати-девятнадца-

ти лет, которые за последнее десятилетие расплодились во всех крупных городах. Большая часть таких банд появляется в районах, заселенных беднотой трущоб, но некоторые действуют и в богатых районах, черпая свои кадры из средних и даже «высших» слоев общества. Многие банды именуют себя «клубами», устраивают вечеринки для развлечения и втягивания в свои ряды новых членов. Такие вечеринки чаще всего выливаются в пьяные оргии, приучающие девушек к проституции. Для некоторых из них она впоследствии становится пожизненной профессией.

Склонные к преуменьшению этого уродливого явления власти считают, что сейчас насчитывается свыше 1 200 таких молодежных шак.

В городе Андерсоне (штат Индиана) вечеринка, устроенная женским «клубом» совместно с бандой молодых гангстеров, закончилась убийством семнадцатилетней Рональди Дрей.

В Массачусетсе местная шайка угрожала убить девушку, собиравшуюся рассказать подробности об организованном старшеклассниками «клубе». Все вступавшие в него школьницы обязаны были доказать, что они готовы «идти на все». Для этого они каждую неделю устраивали попойки с местной бандой подростков.

Куда денутся девушки, воспитанные такими шайками или сомнительного свойства «клубами»? Что произойдет с ними, когда они вырастут из плотно обтягивающих их стройные молодые фигуры штанов и пестрых курток, которые считаются символом «независимости», модного «наплевательского» отношения к окружающей жизни?

Некоторым удастся устроиться на заводе, на фабрике или в канцелярии, приобрести какую-нибудь, хотя бы небольшую специальность, встретить простого серьезного, трезвого парня, готового создать здоровую семью. Другие не выдержат уготованных жизнью трудностей и будут искать продолжения тех тропок, на которые они вступили еще в детские годы.

Американская печать заполнена сообщениями об ограблениях и насилиях, совершаемых женскими

бандами. Автомобилистов предупреждают не поддаваться соблазну подвезти до ближайшего города женщину — «хитч-хайкера», поднявшую руку на шоссе на дороге, чтобы остановить водителя.

— Большая часть автомобилистов научилась относиться с подозрением к «хитч-хайкеру» мужского пола и чаще всего игнорирует мужчину, который просит его подвезти, — пишет выходящий в Нью-Йорке журнал. — Но к девушке, поднявшей с этой же целью руку на дороге, обычно относятся по-другому. Этим пользуются участники бандитских шаек, специально подсылающие девушек к автомобилистам.

И журнал приводит примеры. В штате Миссисипи на дороге между Джексоном и Билокси девушка-гангстер таким образом ограбила трех владельцев машин, в том числе одну женщину, которую она предварительно избила. В другом случае две девицы попросились в машину к сержанту морской пехоты, возвращавшемуся домой в отпуск. Проехав с ним около часа, одна из спутниц вытащила из сумочки револьвер, предложила сержанту свернуть с главной дороги и повести машину к лесу. Там молодые леди ограбили представителя морской пехоты и, прихватив вместе с машиной все его вещи, оставили вояку в лесу в чем мать родила.

Газеты, обычно расписывающие похождения американской военщины в Европе или Азии, откуда часто поступают сообщения о случаях избиения и изнасилования местных жительниц, ухватились за этот «необычный» случай как за большую сенсацию.

Репортеры, бравшие интервью у сержанта, пускались в догадки. Одни утверждали, что девушки, с которыми повстречался морской пехотинец, находились под воздействием наркотиков. Другие приводили сюжеты ряда голливудских кинокартин, доказывая, что методы налета девицы заимствовали из этих фильмов.

И тот и другой вариант казался одинаково правдоподобным.

...Общезвестно, что темы гангстерских фильмов часто берутся из «жизненной практики» бандитов,

а затем служат «учебным материалом» для жаждущей «подвигов и приключений» молодежи. Такие фильмы, как правило, сопровождаются изрядными дозами порнографии. Что касается наркотиков, то это один из «китов», на котором держится преступный мир.

Гангстеры — бизнесмены типа Чарлза Лючиано (по прозвищу «Счастливчик») и Френка Костелло — уже много лет назад «организовали» торговлю наркотиками и проституцию, трестировав их для более успешного извлечения прибыли из этих гнусных порождений капиталистического мира.

Лючиано стал солидным миллионером. Его доход исчислялся 12 миллионами долларов в год. Одновременно он превратился в крупного политического деятеля, контролировавшего партийные «машины». Целая армия проституток обслуживала его игорные и другие заведения. У этих несчастных женщин он брал «всего лишь» пять процентов их общего дохода, но тут же приучал белых рабынь к наркотикам, что, с одной стороны, прочно привязывало их к синдикату, а с другой — давало ему возможность выуживать у них все «заработанные» ими деньги. После того как Лючиано выслали в Италию, его синдикат реорганизовали в несколько самостоятельных трестов с центрами в Нью-Йорке, Чикаго, Майами, Лас-Вегасе, Сент-Люисе, Новом Орлеане, Лос-Анжелосе, где преступный мир чувствует себя особенно вольготно. Подобные тресты, по свидетельству американской печати, обслуживают не только гражданское население, но и солдат и офицеров близлежащих военных баз. Эти нравы и порядки американская военщина переносит и в те иностранные государства, где размещаются американские военные базы. Вокруг них быстро разрастаются центры проституции, контрабандной торговли наркотиками и спекуляции.

Представители «высшего» буржуазного общества способствуют распространению разврата не только тем, что закрывают глаза на деятельность гангстерских синдикатов. Они активно сотрудничают с ними в своих коммерческих и банковских предприятиях и

все чаще пользуются их услугами в своей политической и коммерческой деятельности да и в своем быту. Владельцы швейных, продовольственных, электротехнических и других фирм по договоренности с гангстерскими синдикатами нанимают проституток, которые помогают им «обработать» клиентов-оптовиков, влиять на них, когда переговоры о сделке заходят в тупик, склонять их к уступкам. Такие услуги получили название «сейл промошн», то есть «поощрение продажи». Для такого поощрения фабриканты готовы пустить в ход любые средства, в том числе, конечно, специально подготовленных «гёрлс».

Молодой наследник «маргаринового короля» Америки Мики Джелк создал специальную организацию проституток, которые приносили ему личный доход, дополнявший отчисления, которые он получал от своего отца-миллионера.

Престарелый нью-йоркский миллионер Айвон Джером с Лонг Айленда заманивал в свою роскошную виллу девушек и приучал их к наркотикам. Выяснилось, что он снимал порнографические фильмы с участием двадцати девушек в возрасте до семнадцати лет. Свои «кинопроизведения» он затем показывал на приемах, устраивавшихся для отборной публики из «высшего» общества, или сбывал их таким же миллионерам, как он сам.

Причины преступности

Буржуазные социологи указывают на многие причины роста преступности среди американской молодежи. Одни считают, что это результат «поспешных браков военного времени», породивших «слабые, плохо спаянные семьи», где дети предоставлены сами себе. Другие также готовы все свалить на прошедшую войну, утверждая, что дети, которым было тогда по пять-шесть лет, «не были приучены к дисциплине, разболтались» — вот и выросли преступниками.

Третьи, закрывая глаза на статистику, рисуящую трагедию американского юношества, пытаются

создать впечатление, будто вообще ничего особенного не произошло и не происходит. Преступность среди молодежи, говорят они, всегда существовала и всегда будет существовать. Не желая разобраться в истинных причинах небывалого роста преступности, они придумывают разного рода предлоги. Иногда они утверждают, что раньше, мол, мало писали о преступности среди молодежи, а теперь о ней больше пишут. Поэтому-де и кажется, что она растет.

Представитель штата Массачусетс д-р Уолтер Миллер, например, считает, что американская печать стала уделять больше внимания и места детской преступности по одной причине: сильно возросла преступность среди молодежи из «среднего класса».

«Мы, — говорит он, — наблюдаем диффузию характерных черт низших и средних классов, в результате чего молодежь из средних классов участвует в преступлениях, которые ранее совершала только молодежь низших классов. Это-то и встревожило средние классы. Раньше они считали, что преступность — удел менее привилегированных».

Американский «теоретик» явно пытается замести следы, направить мысль по ложному пути. Согласно его теории не капитализм с его волчьими законами, нравами и порядками порождает преступность. Ее, оказывается, порождают низшие классы в силу каких-то присущих им неведомых, таинственных качеств. Апологеты «американского образа жизни» умышленно выгораживают истинных виновников небывалого роста преступности среди молодежи и заодно пытаются отрицать факты, приукрасить неприглядную картину современного капитализма. В большинстве своем они старательно обходят социальные причины роста преступности, не желая признать, что насильников и гангстеров растит империализм, господствующая в Соединенных Штатах система воспитания детей и молодежи, развращенность самой буржуазии.

Крупные американские прогрессивные социологи Элен и Скотт Ниринг, на протяжении долгой жизни

наблюдавшие развитие и гниение капитализма в Америке, в последней своей работе с горечью констатируют, что империализм с его культом насилия и стяжательства уродует молодежь, растит из нее людей беспринципных, насильников и убийц. «Молодежь, — пишут Ниринги, — видит, что стяжателей, людей без совести и жалости, ожидает блестящее вознаграждение. Наряду с немногими, которые получают такое вознаграждение, большинство может наслаждаться лишь безвестностью и безответственностью в трущобах города».

Небывалый рост преступности совсем не случайно совпал с периодом «холодной войны», когда правящие круги держат страну на «границе войны» и открыто провозглашают программу установления мирового господства американских монополий. Войну в Корее и другие кровавые авантюры империалисты затевали под лозунгом: «XX век — американский век». Американской молодежи внушали, что ей «все нипочем», «море по колено», что она избрана самой судьбой, историей наводить «порядки» в мире, повсюду насаждать «американский образ жизни». Этими империалистическими идеями пропитана массовая литература в США, от комиксов до толстых романов, фильмы и телепередачи. Вся сложная система воспитания, постоянно воздействующая на молодежь, калечит их молодые души, притупляет человеческие чувства, поощряет насилие, воспекает порнографию, уголовщину, преступления.

Преступность среди молодежи поистине приобрела характер большой трагедии для Соединенных Штатов. Эта проблема глубоко волнует общественность. Вносятся всевозможные предложения о борьбе с преступностью. Предлагалось, например, ввести в Нью-Йорке и других крупных городах специальный комендантский час — запретить молодежи появляться после 22 часов 30 минут на улицах. Предусматривалось увеличение численности полиции в Нью-Йорке, Чикаго и других городах. В коридорах нью-йоркских школ ввели дежурства полицейских. В Централ-парке полицейские стали разъезжать в ав-

Гангстер господствует в комиксах, кинофильмах и, уж конечно, в детских играх.

томашинах попарно, располагая не только револьверами, но и пулеметами, установленными на задних сиденьях.

Журналист Джек Стайлс беседовал с американскими работниками просвещения и представителями молодежных организаций, чтобы выяснить, что, по их мнению, нужно сделать для ликвидации детской преступности. Многие высказывались за создание нормальных условий для культурного отдыха и просвещения подростков.

— Не следует забывать о проблеме оружия, — сказал один из них. — Кто в городе не знает, что купить оружие — простейшее дело?

— Ребят угнетает чувство бесполезности, — заявил представитель одной молодежной организации. — Они шлются без дела, у них нет никакой перспективы, кроме призыва в армию, которая им не улыбается.

— Расовые проблемы, — сказал другой. — Не забывайте об этих проблемах. Нередко шайки подростков организуются по расовому признаку. Одних направляют на других.

— Смотрите в корень, — ответил прогрессивно настроенный исследователь. — Ищите экономические и социальные причины преступности. Безработица, трущобы, экономическая необеспеченность — все это способствует росту преступности. Я уже не говорю о роли комиксов и всей нашей литературно-кинотелевизионной продукции, создающей атмосферу, благоприятную для преступности.

Человек средних лет, отдающий свободные от работы часы общественной деятельности в одном из «молодежных центров» по борьбе с детской преступностью, когда к нему обратились с вопросом, ответил:

— Я давно пришел к выводу, что в конечном счете для устранения этого социального зла нужно решить еще более важные проблемы. Нужно как-то переделать общество, в котором мы живем, сделать так, чтобы оно не порождало больших и малых, уважаемых и неуважаемых преступников...

Прогрессивно настроенная американская молодежь смело обнажает корни преступности, систему наживы и насилия, которая ее порождает. Она подчеркивает, что эта проблема как бы представляет собой сгусток многих и многих вопросов, волнующих и терзающих молодых американцев. На одно из первых мест здесь выдвигается проблема борьбы за стабильный мир, против агрессивной программы монополий, ведущей к милитаризации молодежи и выполнению задачи, которую генерал Хэрши сформулировал так: «Воспитание поколения убийц». Передовая молодежь требует прекращения гонки вооружений и проведения за счет высвободившихся таким путем средств широкой программы строительства школ, больниц, жилых домов, муниципальных спортивных площадок, проведения различных оздоровительных мероприятий. Важное место в программе прогрессивной молодежи занимает борьба за экономические и

политические права, в частности за обеспечение возможностей для повышения квалификации трудящейся молодежи путем организации широкой сети курсов. Последнее позволило бы несколько поднять низкий уровень зарплаты молодежи, сделать ее менее уязвимой при массовых увольнениях наименее квалифицированных работников, от чего страдает особенно много молодых рабочих в США.

Под влиянием прогрессивных элементов усилился интерес к проблемам молодежи со стороны некоторых профсоюзных организаций. В Нью-Йорке была созвана специальная профсоюзная конференция, потребовавшая, чтобы городские власти не ограничивались полицейскими мерами борьбы с преступностью, а помогли обеспечить молодежь работой и культурным досугом. В Чикаго местные организации профсоюзов рабочих мясоконсервной и автомобильной промышленности выдвинули аналогичные требования.

Джон Каспер пробивается в фюеры

Накануне возобновления школьных занятий в городе Клинтоне, штат Теннесси, царило необычное оживление. Оно отличалось от того известного детям и родителям праздничного чувства, когда спешат закупить учебники и тетради, а дома, словно к семейному торжеству, готовят малышей, чистят и гладят их одежду, чтобы они свежими и бодрыми переступили завтра через порог школы и пустились в далекое, увлекательное путешествие по страницам учебников, открывающих неведомые миры, раздвигающих горизонты, знакомящих с удивительными творениями человека...

В Клинтоне в этот день пахло грозой. По улицам сновали дородные молодчики, многие навеселе. Некоторые прибыли из соседних и даже более отдаленных городов. Другие давно уже были известны местным жителям как заядлые члены Американского легиона, Совета белых граждан, Ку-клукс-клана, как отъявленные расисты и насильники. Время от време-

ни они собирались небольшими группами. Иногда среди них появлялись более пожилые люди, в том числе местные чиновники и лавочники. Свои намерения они не скрывали, напротив, афишировали их. На каждом перекрестке они горланили, что не допустят негров в белые школы, что снова покажут «черномазым их место в жизни», а то и «отправят их на тот свет». Они ходили из дома в дом и призывали всех «истинных американцев» встать на защиту чистоты своей расы, не допустить ее осквернения, «монгрелизации», как выражался их вожак — высокий, гладко причесанный, аккуратно одетый, часто улыбающийся молодой человек. Звали его Джон Каспер.

Джон прибыл в Клинтон не для поступления в первый класс местной школы. Его школьные годы давно остались позади. Джону уже стукнуло двадцать семь, и с тех пор как он распрощался со средней школой, прошло целое десятилетие. Непокойные это были для него годы. Нельзя сказать, чтобы Джону не везло с работой, чтобы ему приходилось скитаться в поисках заработка и куска хлеба. Да и война в Корее его миновала. Многие его сверстники вернулись тогда из далекого, чужого и неприветливого края, где кое-кто оставил руку или ногу, так и не узнав, ради чего и ради кого он проливал свою кровь. Другие вовсе не вернулись.

Джон в то время жил в Нью-Йорке. Он учился в Колумбийском университете. Учеба не давалась ему слишком легко, да она и не очень-то его интересовала. Джон не мечтал о карьере инженера, юриста или учителя. С тех пор как он читал о Гитлере и Муссолини, Джону покоя не давали их головокружительные карьеры. А что до их бесславного конца, то ведь все это было в Европе. Разве кто-нибудь говорил, что в Америке все должно будет идти так, как у них там, в Европе? Этого не говорил даже Эрза Паунд, любимый поэт и духовный наставник Джона. Паунд уверял Джона, что в Америке все будет иначе, «гораздо солиднее и прочнее».

Когда к нам обратятся, думал Джон, нам не по-

жалеют ни денег, ни оружия. Без нас им не обойтись. Мы быстро уберем всю эту демократическую бутафорию и наведем тут полный порядок. А пока... пока можно готовить почву, вбивать людям в мозги главную теорию — превосходство белого, стопроцентного, чистого в расовом и идеологическом отношении американца над всеми живыми существами на земле. Паунд обладает редкой одаренностью, он умеет возвышать, поэтизировать расовую теорию. Жаль, что старику за семьдесят, долго не протянет. Но мы его не забудем. Будем чеканить монеты с его изображением, поставим ему самый большой памятник в Вашингтоне...

С Эрзой Паундом Джон встретился еще будучи студентом. Тогда старик уже не вращался в политических салонах Вашингтона и Нью-Йорка. После того как в войну он работал на Муссолини, выступая по итальянскому радио и используя все свои силы для распространения фашистской пропаганды, Паунд угодил в психиатрическую больницу имени Святой Елизаветы. Конечно, это не самое страшное, что с ним могло случиться, если учесть, что его официально признали предателем родины, человеком, боровшимся против своих соотечественников на противоположной стороне. Других за такое дело сажали на электрический стул, отправляли на всю жизнь гнить в тюрьмы, ссылали в далекие концлагеря. Паунду это сошло с рук. Его все-таки оставили в Вашингтоне, хотя для этого и пришлось признать поэта психически ненормальным и «сдать на хранение» в столичную клинику.

Джон не сомневается в том, что Паунд был прав. — Разве генералы в Пентагоне, — рассуждал Джон, — не говорят сейчас открыто, что они вели «не ту войну», что надо было расправиться с Россией, с коммунистами? Этого же и добивался Паунд.

Молодой Джон быстро нашел общий язык со стариком Паундом. Он часто ездил из Нью-Йорка, где учился в Колумбийском университете, к своему новому другу в Вашингтон. Паунд оценил способного

ученика, стал его выделять, оказывать ему больше внимания, передавать ему свой опыт.

Встречи Паунда с его учениками происходят тут же в психиатрической больнице. Ему здесь отвели отдельную палату. Местный обслуживающий персонал называет ее «Академией Паунда». Летом его ученики и поклонники собираются в саду больницы, на лужайке, под широко раскинувшим свои ветви тенистым деревом. Зимой или в непогоду они занимают отведенный для посетителей зал. Те, кто не может приехать в Вашингтон, переписываются с Паундом, получают его письменные указания, инструкции, советы. Обширной корреспонденции Паунда позавидовала бы иная кинозвезда Голливуда.

Когда директора больницы имени Святой Елизаветы доктора Оверхолсера спрашивают, почему его заведение приютило фашистский сброд, он пожимает плечами.

— В нашей больнице, — говорит директор, — около семи тысяч психически больных. У некоторых из них возникают самые дикие идеи. Разве можно винить нашу клинику в том, что за ее стенами кое-кто воспринимает эти идеи?

Возможно, что д-р Оверхолсер и прав. Не больница использует маньяков для политических махинаций и авантур. И если среди посетителей Паунда имеются молодые люди типа Джона Каспера, то приглашения им, вероятно, рассылала не больница, хотя ей, быть может, и следовало проявить интерес к психическому состоянию наиболее частых посетителей Паунда. Молодежь сюда направляют размножившиеся в послевоенные годы в разных концах страны организации с фашистскими оттенками. Всех их объединяет лютая вражда ко всему передовому, прогрессивному, расовая и национальная ненависть. Во многих местах — и не только на Юге — они пользуются поддержкой очень влиятельных кругов крупных монополий, торговых палат, плантаторов и коммерсантов, заинтересованных в сохранении и повиновении своей огромной внутренней колонии — нещадно эксплуатируемого семнадцатимиллионного негри-

тянского народа, миллионов пуэрториканцев, мексиканцев и других трудящихся. Национальное угнетение этих людей — источник дополнительных прибылей, исчисляемых миллиардами. Здесь есть где развернуться черносотенцам всех мастей, готовых «показать цветным их место» в жизни — на работе, в школе, на улице, в трамвае, в пивной, в парке и даже на кладбище. Ловкий парень может сделать на этом карьеру.

Джон встретил нужных людей, оказавших ему поддержку. Он развернул широкую деятельность, начав со столицы, где основал «Совет белых граждан побережья Атлантики».

Джон искренне сожалел, что ему не довелось встретиться с сенатором Теодором Бильбо, скончавшимся за несколько лет до появления самого Джона на политическом небосклоне Америки. Вот у кого он мог бы действительно многому поучиться! Сенатор из Миссисипи был для него великим американцем, мало чем уступавшим самому Маккарти. Это был классический мракобес и демагог, на много лет опередивший Гитлера и Муссолини. Задолго до них он выступал за «расовую чистоту», поднимал соотечественников против негров, мексиканцев, итальянцев, славян, евреев, против всех американцев иностранного происхождения. Многие годы он был главным комиссаром столицы, где городской голова не избирается, а назначается. Цветных он всегда держал на «почтительном» расстоянии. Белой «голытьбе» тоже волю не давал.

Его выступления перед избирателями обычно состояли из густой смеси ханжества и демагогии.

— В нашей гористой местности, — говорил Бильбо, — жизнь бледна. Нет кино, танцевальных залов, ночных клубов и тому подобных вещей. Даже если бы они здесь и были, народ тут слишком бедный, чтобы развлекаться в таких местах. Они ждут развлечения от священников и политических деятелей.

Когда безработица принимала угрожающие размеры и многие миллионы людей голодали, Бильбо выступал со своим планом решения этой проблемы.

— Давайте строить дороги дедовскими методами, — предлагал он. — Мы можем делать кирпичи из местной глины и строить из них дороги, потом, спустя некоторое время, можем перевернуть эти же кирпичи на другую сторону, а еще через некоторое время — поставить их набок.

Вся жизнь Бильбо была полна политических скандалов, подлогов, взяток, жульничества. И все же считалось, что он украшает сенат, является его «жемчужиной». Когда он умер, «Ньюсуик» писал: «Бильбо был в такой же мере чисто американским явлением, каким, скажем, является жевательный табак».

Но что поделаешь, потерянного не вернешь! Джон с головой окунулся в работу. Из Вашингтона он двинулся в глубь страны. Связался с местными организациями Ку-клукс-клана, с постами легиона. От своих наставников Джон усвоил, что отсталых, темных людей легче всего охмурять, играя на предрассудках, на экономических трудностях, нищете и бесправии миллионов людей. Учитывая тяжелое налоговое бремя, сильно возросшее за годы «холодной войны», Джон с чисто демагогической целью выдвинул туманный, никому не понятный проект реформы налоговой и денежной системы. Он предлагает ввести сложную систему денежных марок, которые «разрешат все налоговые проблемы».

— Почему народу тяжело живется? — спрашивает Джон и отвечает: — Во всем виноваты негры, евреи, красные.

Созданный Каспером Совет белых граждан выпускает сотни листовок и брошюр, в которых проповедует расовое изуверство. В одной такой брошюре, озаглавленной «Вирджинцы на страже», можно прочитать такие слова: «Проклятие всем сторонникам смешения рас, в том числе рузвельтовцам. Пора посадить за решетку всех членов национальной Ассоциации содействия прогрессу цветного населения, чужаков, нечистых антихристов. Долой бессовестных, безбожных руководителей. Пора повесить девять свиней из Верховного суда, уничтожить красных... рузвельтовских простаков... Смерть узурпаторам!»

Таким зловонием отдает от всех грязных листов, выпускаемых Джоном Каспером и его друзьями.

С особым удовлетворением почитывал Каспер газеты в дни начала учебного года, когда по решению Верховного суда, принятому еще за три года до этого под напором усилившегося движения за раскрепощение негритянского народа, была предпринята слабая попытка отменить раздельное обучение детей по признаку цвета кожи.

Для Каспера это была горячая пора. В этот период он побывал в Клинтоне и Нэшвиле (штат Теннесси), в Литл-Роке (Арканзас) и в Бирмингеме (Алабама). Изрядно пришлось поработать, но зато и результаты оказались внушительными. В Нэшвиле удалось взорвать школу, в которой шестилетний негритянский мальчик посмел проучиться один день. Им кричали: «Белые школы останутся белыми!», «Черномазые, убирайтесь!» Родители не отступили. Послали сына в школу. Пусть знают все, что Джон и его молодчики серьезные деловые люди. Слов на ветер они не бросают. Это не плохое предупреждение и для других городов. В Серджисе (Кентукки), в Шарлотте, Бирмингеме и других городах избиение и шельмование негритянских школьников было организовано в широких масштабах.

А в Литл-Роке? О кровавых событиях, развернувшихся там, узнал весь мир. Губернатор штата Арканзас не отступил перед решением Верховного суда. Против девяти негритянских школьников он двинул солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, полицейских с ружьями, газовыми масками и дубинками.

Сто членов конгресса публично выступили против решения суда об отмене сегрегации в школах.

— Негритянская раса — низшая раса, — заявил сенатор Истлэнд — один из столпов высшего законодательного органа страны. — Я говорю откровенно, что я горжусь белой расой. Я знаю, что белая раса — высшая раса. Она правит миром.

— Бог создал негра для того, чтобы он был ва-

шим слугой, — подтвердил это мнение губернатор Южной Каролины Коул Близ.

«Да, это была неплохая демонстрация силы и влияния расистов в нашей стране», — думал про себя Джон Каспер.

Где-то подсознательно Джон понимал, что во всем этом не его личная заслуга, что его вклад, возможно, не столь уж велик, что без сенаторов и губернаторов, без шерифов, местных войск и полиции не было бы так много шума и результаты были бы поскромнее. Но в этом ему не хотелось сознаваться даже самому себе.

У Джона кружилась голова. Он был опьянен успехом, которого не ожидал так скоро. О нем, о Джоне Каспере, заговорила страна. «Нью-Йорк геральд трибюн» посвятила ему целую серию статей, печатавшихся на первой полосе. Хотя газета и поругивала его, она не забыла упомянуть о его росте (6 футов и 4 дюйма), о его «приятной манере говорить», «очаровательной улыбке» и даже назвала его «голливудской версией образцового американского парня». Портреты Джона, статьи о нем появились почти во всех крупных газетах и журналах. Комментаторы и обозреватели говорили о Каспере по радио и телевидению. Джону казалось, что он не только вышел на широкую дорогу общенациональной политической деятельности, но и далеко продвинулся по ней.

Как далеко пойдет Джон Каспер? Какой удел готовят ему политические машины, сочтут ли влиятельные круги промышленников и плантаторов целесообразным использовать этого проходимца для одурачивания молодых и более взрослых, но столь же подверженных предрассудкам, политически отсталых американцев, или же они предпочтут пожертвовать им, бросить его в тюрьму или психиатрическую клинику, когда возмущение общественного мнения активизацией фашистских элементов примет угрожающие размеры? В любом случае он останется орудием в руках заигрывающей с фашизмом реакции.

Случай в Денвере

Характерный эпизод произошел недавно в Денвере. В промышленной мужской школе штата Колорадо деятельно готовились к большому празднику по случаю дня рождения Авраама Линкольна. Как обычно, предполагалось устроить парад учащихся со знаменами и оркестром. Представители местной торговой палаты, Американского легиона, «Дочерей американской революции» и других реакционных организаций должны были обратиться к молодежи с речами, восхваляющими американскую «свободу и демократию» как высшее достижение человечества. Местный пастор уже приготовил проповедь, призывающую учащихся благодарить всевышнего за то, что он их создал американцами, «самыми счастливыми людьми на земле».

Усерднее всех готовилась к своему выступлению председательница местной организации «Дочерей американской революции» Шарлотта Раш. Она долго думала над тем, как лучше вбить в головы «этим глупым мальчишкам» уважение к американским государственным и общественным институтам, в том числе, конечно, и к представляемой ею организации «сто процентных» американок. Собиралась она говорить и о «звездном флаге» как о символе американского превосходства над всеми другими народами. Она намеревалась сказать, что ни у одной другой страны нет такого большого числа звезд на своем флаге, как у американцев, и что это тоже надо ценить. Она даже выписала несколько стихотворных строчек известного поэта насчет звездочки, которая светила ему всю его долгую жизнь.

Но ни г-же Раш, ни пастору, ни отставному офицеру — ветерану из Американского легиона, ни его другу из торговой палаты не пришлось выступать перед учащимися денверской школы.

Кто же оказался виновником срыва всего этого торжественного праздника? Не мэр города, не пожарная команда и даже не стихия природы. Как раз выдался редкостный для этих мест сухой и ясный февральский день. А церемонию все-таки пришлось отме-

нить. И все из-за чернявого мальчишки, который не знал, каких ему следовало выбирать родителей. Подумать только: ему, как отличнику, образцовому ученику, поручили нести на церемонии американский флаг, тот самый звездный флаг, о котором с таким красноречием собиралась говорить миссис Раш. А кем бы, вы думали, на поверку оказался этот неблагодарный мальчишка? Он... мексиканец! Да, да, мексиканец! Правда, он сам и его отец родились в Соединенных Штатах, но они не могли обмануть бдительную миссис Раш. Она-то уж может отличить стопроцентного американца от разных «примазавшихся» мексиканцев, поляков, чехов, украинцев, не говоря уже о неграх.

Миссис Раш не могла допустить такого кощунства. Разве она могла молчать после того, как узнала обо всем этом? И она не молчала.

— Знаю, — говорила она, когда ей пытались возразить. — Отлично знаю, что половина ребят в вашей школе — дети мексиканского происхождения. Допускаю и то, что они родились в Соединенных Штатах. До всего этого мне нет никакого дела. Для нас они не американцы, а чуждые люди, мексиканцы...

Миссис Раш вынесла свое суждение: американский флаг можно вручить только в белые, «стопроцентно» американские руки. От имени «Дочерей американской революции» она потребовала отмены церемонии. И церемония была отменена.

Эпизод этот не вызвал удивления и прошел, можно сказать, почти незамеченным в Соединенных Штатах. Все уже привыкли к тому, что так называемые «Дочери американской революции», пользующиеся большим покровительством большого бизнеса, призваны охранять «американизм» и проповедовать его превосходство. Это их профессия.

В свое время эти самые великовозрастные «дочери» запретили концерт лучшей певицы Америки негритянки Мариан Андерсон, который предполагалось устроить в «Конститушн холле» в Вашингтоне, столичном зале, названном именем конституции, формально гарантирующей равенство белых и черных. Концерт Андерсон состоялся тогда под открытым не-

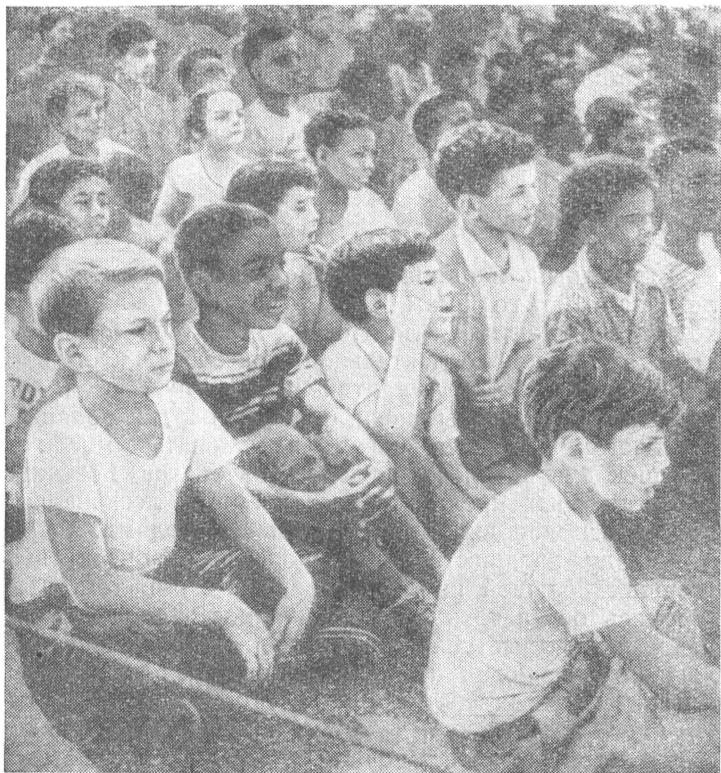
бом на ступеньках памятника Линкольну в Вашингтоне. Теперь те же мракобесы отменили празднование дня рождения Линкольна, лишь бы не допустить юного американца мексиканского происхождения к американскому флагу. А «дочери» продолжают болтать про «демократию» и превосходство своей системы.

Американский легион прежде и теперь

Ежегодный национальный съезд Американского легиона в 1957 году нам не удалось увидеть. Он происходил в Атлантик-Сити. Печать, как обычно, была полна сообщений о деятельной подготовке к съезду. Сообщалось, что в Атлантик-Сити отгружаются дополнительные вагоны виски, большие партии водяных пистолетов, хлопушек, рогов, замысловатых масок и игрушек для развлечения делегатов съезда. Гостиницы, в которых предстояло остановиться легионерам, запасались дополнительными огнетушителями.

Съезду предшествовал любопытный эпизод, вызвавший большой шум в легионе. Дело в том, что, стремясь обеспечить себе популярность среди молодежи, легион выступает инициатором проведения различных соревнований среди школьников, в частности бейсбольных состязаний, а также конкурсов на «лучшего школьника», которому присуждается почетная медаль легиона. В одной из средних школ Детройта, как и в других городах, отбирали лучших школьников для присуждения им такой медали. В Детройте лучшей ученицей по всем показателям оказалась четырнадцатилетняя Викки Уэльман. У нее были прекрасные отметки и лучшие показатели по всем видам школьной деятельности. Она пользовалась любовью и уважением своих товарищей и учителей. Школьная администрация и представители учащихся единодушно выдвинули ее на получение медали.

Все шло гладко, пока кто-то из легиона не решил навести справки о «политическом лице» семьи отличницы. И он пришел в ужас. Над легионом разрази-

Там, где не усердствуют расисты, белые и черные дети прекрасно уживаются.

лась буря: шутка ли — легион хотели обмануть, обвести вокруг пальца, чуть ли не взорвать изнутри! Ведь для получения медали выдвинули — кого бы вы думали? Боже мой! — дочь «красного», коммуниста!

Отец Викки действительно коммунист и даже председатель организации компартии штата Мичиган. Двадцать семь лет назад, семнадцатилетним юношей, он вступил в комсомол и с тех пор самоотвер-

женно боролся за интересы трудящихся, против реакции и фашизма. Три года назад на основании закона Смита его приговорили к четырем годам и восьми месяцам тюремного заключения. Позднее его выпустили под залог в ожидании рассмотрения апелляции.

Активной деятельницей прогрессивного движения оказалась и мать Викки — Пегги Уэльман. За разоблачение тех, кто готовит войну, за пламенную агитацию в пользу мира и сотрудничества между народами ее приказали выслать из Соединенных Штатов в Канаду, где она родилась.

Можете себе представить, какой переполох в легионе вызвало решение присудить медаль Викки.

Но вернемся к легионерским съездам. Десять лет назад мы наблюдали съезд Американского легиона в Нью-Йорке, познакомивший нас не только с политической платформой одной из наиболее реакционных массовых организаций Америки, но и с внедряемой ею «культурой», обычаями и нравами. Накануне журнал «Ньюйоркер», предупреждая своих читателей, что очередной съезд, по всем признакам, будет «таким же бурным», как и предыдущие, давал им совет:

«Делайте все возможное, чтобы покинуть город».

Предупреждение журнала не было напрасным. Пьяные делегаты съезда (их было более трех с половиной тысяч) буквально терроризировали жителей города. Бравые легионеры приставали к девушкам, атаковывали людей водяными пистолетами, связывали прохожим руки, заковывали их в полицейские наручники, а затем обливали водой или приставляли к их спинам электрические штепсели, связанные с высоковольтными батарейками, вызывая у своих жертв судороги или обмороки. Из окон своих отелей они обливали пешеходов водой, выбрасывали на них дохлых крыс и кошек. Какой-то легионер въехал верхом на лошади в гостиницу, другой пытался на лошади ворваться в «Медисон сквер гарден», крупнейший концертный и спортивный зал города. В одной из гостиниц легионеры причинили убытков на 20 тысяч долларов. Центральную городскую библиотеку

Нью-Йорка впервые пришлось закрыть, так как опасались, что legionеры могут ворваться и повредить книжные фонды.

Полиция, конечно, бездействовала. Она имела строгие указания — не мешать «забавам» legionеров. Ловкие бизнесмены не растерялись. В витринах бродвейских лавчонок появились надписи: «Покупайте пистолеты и другое оружие для самозащиты». Бульварная печать восторгалась «находчивостью» и «изобретательностью» legionеров.

Пропаганда «американизма» и шовинизма достигла наивысшего предела. Печать расхваливала legion как «бастион американской демократии». Парад вдоль Пятого авеню продолжался с утра до поздней ночи. В нем участвовало четыреста военных оркестров.

Пока legionеры веселились, боссы готовили и штамповали от их имени резолюции. Одной из первых была принята резолюция, требовавшая запрещения Американской компартии. Эта же резолюция настаивала на том, чтобы всех прогрессивных людей лишили права участия в выборах, свободы слова, печати, собраний. Короче говоря, главари legionа настаивали на ускоренной фашизации страны.

Председателем съезда избрали начальника полиции города Манчестера (Нью-Хейвен) Джеймса О'Нейла, бывшего специального помощника морского министра. Представители Уолл-стрита тщательно готовили его к этой роли. О'Нейл знал, что разворачиваемая программа «холодной войны» и форсирования подготовки к горячей войне возлагает на legion большие и ответственные задачи. Важнейшей из них было разжигание военного психоза. И О'Нейл не мешкал.

— Война с Россией в ближайшие три-пять лет не обязательна, но вполне возможна, — объявил он на съезде десять лет назад. Он призвал legionеров поддерживать максимальную программу гонки вооружений и «психологической» подготовки тыла.

В принятой резолюции Советский Союз и другие социалистические страны назывались главными «по-

тенциальными врагами» Америки. Легионеров призывали усилить пропаганду ненависти к демократическим государствам.

За истекшее десятилетие «холодной войны» заправила легиона твердо держали курс на обострение международной обстановки и «усмирение» тыла внутри страны. В своих резолюциях они постоянно клеветали на социалистические страны и другие миролюбивые государства, в частности на Индию, Египет, Сирию. На съезде в Майами в 1955 году они предлагали «помочь» Ли Сын Ману «по-своему расправиться» с Корейской Народно-Демократической Республикой.

На внутреннем фронте легион неизменно действовал и действует как орудие, наиболее реакционного крыла правящих кругов страны. Вместе с сенаторами Маккарти, Истлэндом и другими влиятельными государственными деятелями лидеры легиона выступали застрельщиками травли прогрессивных людей и их организаций, инициаторами принятия антирабочих законов, помогали срывать забастовки горняков, металлургов, текстильщиков, работников метро и автобусных линий. Руководители легиона вторгались в школы и высшие учебные заведения, активно помогали милитаризации вузов. По их требованию исправлялись учебники и учебные программы, изгонялись либерально мыслящие учителя и профессора, из школьных библиотек изымались неугодные реакционерам книги американских и иностранных классиков. В разжигании расовой ненависти легионерские начальники сотрудничали с Ку-клукс-кланом и другими откровенно фашистскими организациями, такими, как Партия национального возрождения, Комитет американского флага, Лига национального действия и такого же пошиба «советами», «комитетами», «клубами», возникавшими не без их содействия по всей стране.

До каких абсурдов доходит усердие командиров легиона в их стремлении вытравлять всякий намек на «свободомыслие» или «либерализм», может служить следующий случай. Легион со всей силой обрушил-

ся на Лигу женщин-избирательниц, посмевавшую опубликовать брошюру о свободе слова. Автором брошюры, кстати сказать, был профессор Захария Яффе, неоднократно в прошлом представлявший США в комитете по культурным вопросам Генеральной Ассамблеи ООН.

Легион ставит знак равенства между свободой слова и «подрывной деятельностью».

Полезно, быть может, напомнить, в какой обстановке и для каких целей легион был создан в 1919 году. Его первый национальный командир Франклин д'Олье впоследствии откровенно писал:

«Вспомните положение вещей после перемирия. Нервы во всем мире были напряжены до крайности. Царил страх перед большевизмом. Социальный переворот в России совершили недовольные солдаты, а на земном шаре было очень много солдат, занятых только помыслами о своих невзгодах».

Отвлечь внимание солдат от этих невзгод, направить их мысли и энергию в ложном направлении, натравить их на прогрессивные организации, разжечь среди них расовые и другие предрассудки под фальшивыми лозунгами «патриотизма» и «американизма» — таковы были задачи организаторов легиона.

Влияние легиона определяется той большой политической и финансовой поддержкой, которую ему оказывают Национальная ассоциация промышленников и другие органы монополий. Известный финансовый воротила Уолл-стрита Бернард Барух, говоря о влиянии этой организации, как-то сказал, что «легион может превращать членов конгресса в мальчиков на побегушках».

В течение многих лет это действительно отражало силу воздействия легиона на политическую жизнь страны. С помощью лицемерия и демагогии, маскировкой своих связей с «большим бизнесом» хозяевам легиона удалось завлечь в свои ряды большое число ветеранов войны. Им обещали всякие блага и привилегии и кое-какие подачки действительно подбрасывали. Но постепенно все большее число рядовых

членов легиона начинало понимать, что главари злоупотребляют их доверием, используя организацию в целях, прямо противоположных интересам основной массы легионеров и всего американского народа. Наиболее наглядно это, пожалуй, проявляется в том, как относятся главари легиона к проблеме — мир или война. В то время как рядовым легионерам — бывшим фронтовикам — страшно вспоминать о войне со всеми ее ужасами и бедствиями, их начальники потворствуют поджигателям войны, солидаризируются с пушечными королями, готовыми ввергнуть человечество в новую кровавую бойню. Всех, кто высказывается за мирное сосуществование, за нормальное сотрудничество и торговлю, они готовы объявить «подрывными элементами».

Этим в первую очередь следует объяснить заметное падение популярности легиона.

Несмотря на усиленные попытки вербовать новых членов, численность легиона за последние годы сократилась на 600 тысяч человек, то есть на 20 процентов. Руководство постоянно жалуется на то, что десятки и сотни тысяч легионеров игнорируют многие свои обязанности, в частности отказываются платить членские взносы.

Один легионер рассказывал нам, что если бы легион существовал исключительно на членские взносы, которые удастся собрать, он с трудом мог бы покрыть только расходы по проведению кампании вербовки новых членов. На остальную деятельность у него не нашлось бы ни цента. Два года назад руководители легиона официально подтвердили, что в организации создается «нездоровая, вызывающая крайнее разочарование обстановка». Была объявлена «ударная кампания» по вербовке новых членов, но два года подряд она проваливалась с треском. За последние пять лет численность легиона не превышала 2 800 тысяч человек.

«Обещания главарей легиона относительно пособий, пенсий, кредитов и других благ никого уже больше не волнуют, — пишет американский журнал «Нэйшн». — Недавнее предложение легиона о предо-

ставлении ветеранам войны специальных пенсий после шестидесятипятилетнего (!) возраста не вызвало никаких эмоций.

Рядовые легионеры постоянно убеждаются в том, чьи интересы защищают их руководители. Недавно, например, исполком легиона одобрил решение о повышении стоимости кредита, предоставляемого ветеранам на постройку жилых домов, хотя рядовые легионеры повсеместно выступали против этого предложения, которое еще больше затрудняет для них получение займов и ссуд. Решение исполкома совпало с требованием Ассоциации предпринимателей, строящих жилые дома, и Ассоциации банкиров, выдающих ссуды под такое строительство».

«Подобные решения, — писал тот же журнал «Нэйшн», — подтверждают широко распространенное мнение, что легион прислушивается к голосу организованного бизнеса...»

Крайне реакционные взгляды легиона по всем вопросам внутренней и внешней политики отталкивают от него все большее число прозревших, честных американцев.

— Сегодня очень многие люди считают, — констатирует профессор Гарвардского университета Гарвей Гликмен, — что взгляды легиона не только ошибочны, но к тому же тупы и глупы... Легион отмирает как важная общественная сила... В смысле оказания какого-либо значительного влияния на американский народ или даже на двадцать восемь миллионов ветеранов различных войн, можно считать, что легион почти конченная организация.

Прав ли гарвардский профессор? Не преувеличивает ли он процесс разложения и распада организации, которая служит одной из главных опор «американизма» установленных хозяевами денежного мешка порядков?

Вместе с очень многими американцами, отлично понимающими гнусную роль легиона, возникшего подобно нарыву на теле американского народа, нам хотелось бы думать, что диагноз и прогноз гарвардского профессора окажутся правильными.

Полковник Пурди усердствует

Каждый раз, когда я читаю в газетах сообщения о массовых антиамериканских выступлениях в странах, где расположены американские военные базы и размещены войска Соединенных Штатов, мне вспоминаются кадры из цветного комедийного фильма, премьеру которого я смотрел в Нью-Йорке. Знакомые японские журналисты позднее рассказывали нам, что фильм этот с большим успехом демонстрировался и в Японии.

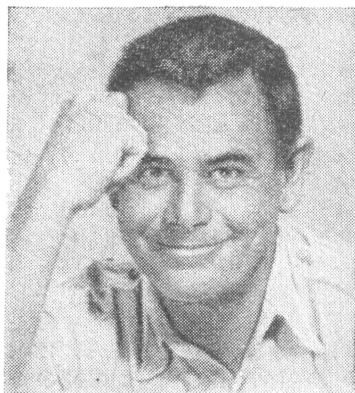
«Чайный домик августовской луны» — так называется эта картина, поставленная Даниэлем Манном по одноименной пьесе Джона Патрика, в свою очередь написанной на основе романа Вэрна Снайдера. Она представляет собой довольно острую сатиру на нравы американской военщины, бесцеремонно хозяйничающей на Окинаве, как и на многих других иностранных территориях.

Тупой и невежественный самодур полковник Пурди (его роль хорошо исполняет Поль Форд) мечтает о производстве в генералы, чтобы «преподнести жене генеральскую звезду». В Вашингтоне ему это уже обещали, и он из всех сил старается выполнить инструкции Пентагона.

Пурди до мозга костей пропитан идеями великой «цивилизаторской миссии» американских колонизаторов, призванных повсеместно насаждать «американский образ жизни», «американскую демократию». Ему вверена судьба жителей Окинавы. И он не сомневается в том, какие перед ним стоят задачи.

— Моя задача, — говорит Пурди, — состоит в том, чтобы научить их демократии, и я их научу демократии, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять их всех до одного.

Направляя капитана Фисби (артист Глен Форд) в качестве коменданта в деревню Тобики, он дает ему толстый том наставлений, полученных из Вашингтона, «где все расписано до мельчайших подробностей». Сельская школа, которую собираются построить для показательной демонстрации благ «американской ци-

Глен Форд в роли капитана Фисби.

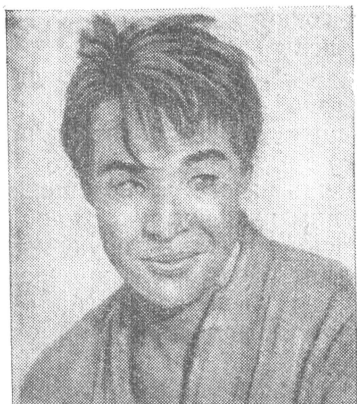
мир о том, как щедры американские колонизаторы и их оккупационная армия. Рекламная бутафория должна быть в полном порядке.

Философские взгляды Пурди, олицетворяющего образцового американского офицера, предельно просты. Он убедил себя и пытается убедить других, что «почти вся человеческая раса — дегенераты». Исключение, конечно, составляет он сам и те из его соотечественников, которые мыслят подобно ему и причисляют себя к «высшей расе».

Капитан Фисби плохо справляется с поставленной полковником задачей. Он вообще не подходит для той жандармской роли, которая ему отводится. Он любит рассуждать и мыслить. Он видит вокруг себя много умных и добрых людей, которых он никак не может отнести к низшей расе, сколько бы ему ни толковали об этом инструкции из Вашингтона. В прошлом он преподаватель. В армии ему явно «не везет». Его уже выставили из отдела штаба по ведению психологической войны. Там он высмеивал установки американской пропаганды, исходившие из превосходства янки над всеми людьми на земле. Он рассуждал

«визилизации», должна обязательно быть пятиугольной — она должна соответствовать форме здания центрального военного ведомства США, Пентагона. По американскому образцу должна быть создана и местная организация так называемой «женской лиги». Все это должно быть сделано быстро — до приезда в деревню американских сенаторов, которых сопровождает целая орава журналистов и фотокорреспондентов. Они должны разразиться на весь

так убедительно, что его обвинили в «разложении» сотрудников отдела. По его собственным словам, он оказался «неудачником», так как «агитировал не тех, кого, оказывается, надо было агитировать». Простодушный и наивный Фисби временами напоминает бравого солдата Швейка.

Марлон Брандо в роли
Сакини.

Население деревни не согласно ни с инструкциями Пентагона, ни с той интерпретацией, которую им дает полковник Пурди. В иронических репликах одного из героев фильма, умного японского юноши, переводчика-оборванца Сакини (его прекрасно играет талантливый молодой американский артист Марлон Брандо), отражается отношение населения Окинавы к американским оккупантам, к милитаристам типа полковника Пурди, готовым вешать и расстреливать, огнем и мечом насаждать во всем мире жизнь по своему образу и подобию.

— Я приехал сюда как друг... Мы собираемся освободить вас от давящего гнета, — говорит жителям деревни американский офицер.

Его речь с английского языка переводит Сакини. Делает он это с насмешками и остроумными замечаниями. Народ смеется. Офицер спрашивает переводчика, в чем дело.

— Видите ли, — отвечает Сакини, — когда к нам приезжают люди, называющие себя друзьями, мы быстро, как черти, прячем подальше все, что у нас есть... Наша деревня видела уже много таких «друзей», начиная от английских миссионеров и кончая американской морской пехотой...

Сидевший рядом с нами в кинотеатре немолодой

высокий американец в этом месте стукнул себя по колену и воскликнул:

— Черт побери, а ведь это верно!

Он повернулся к нам, рассчитывая, видимо, на поддержку и явно желая начать разговор на волнующую его тему. Может, он хотел поделиться какими-то мучившими его воспоминаниями. Но мы не вступили с ним в дискуссию. Во-первых, на экране продолжалась картина, которую мы смотрели с большим интересом. Во-вторых, как раз в эти дни американская печать была заполнена сообщениями об антиамериканских волнениях в Японии, Южной Корее, Греции и даже в Западной Германии.

Стоило ли нам, советским журналистам, в этих условиях затевать в нью-йоркском кинотеатре разговор на тему о том, как относятся к американским войскам в зарубежных странах?

Когда мы услышали от своего соседа «черт побери, а ведь это верно», мы ограничились короткой поддакивающей репликой.

— Иес, — сказали мы и с еще большим вниманием продолжали смотреть любопытную американскую кинокомедию.

Выйдя из театра, мы купили в соседнем киоске несколько свежих номеров журналов. В каждом из них оказались статьи, сетовавшие по поводу враждебного отношения к американцам за рубежом. В статьях обсуждалась обстановка в семидесяти с лишним странах, в которых имеются американские войска, особенно в тех государствах, где расположены наиболее крупные воинские контингенты Соединенных Штатов.

«Антиамериканские чувства, — констатировал журнал «Ньюсуик», — распространяются сегодня от Карачи до Манилы. Народы связывают американцев с ненавистным колониализмом».

Журнал «Тайм» приводил статистику: за один год американские военнослужащие совершили 14 394 зарегистрированных преступления в иностранных государствах. Цифра эта включала лишь преступления, подсудные иностранным судам.

В одной только Японии американская военщина ежедневно совершает не менее 20 преступлений — убийств, насилий, грабежей.

Читая о разнузданном поведении американских солдат и офицеров в зарубежных странах, о расстреле «ради забавы» японской женщины или южнокорейского мальчика, о пьяных дебошах, насилиях и грабежах, о тысячах инцидентов на улицах и дорогах Западной Европы, где пьяные американские лихачи из числа военщины калечат и давят «туземцев», как они называют местных жителей, перед нами возникал только что виденный образ полковника Пурди — нахального, самодовольного солдафона, поклоняющегося его препохабью Доллару, готовому выполнить любые приказы уполномоченных нефтяных, стальных, пушечных и иных королей, прочно обосновавшихся в Пентагоне.

...Полковник Пурди усердствует. Он пытается умирять народы колониальных стран, сдерживать освободившиеся от колониального ига народы, укрепляющие свою независимость, держать в узде государства, совсем еще недавно хвалившиеся своим суверенитетом и независимостью.

Но у Пурди почва горит под ногами. «С Севера и Юга, с Востока и Запада, — пишет нью-йоркский корреспондент английской газеты «Бирмингем пост», — в Вашингтон поступают сообщения, в которых говорится об одном и том же: «Янки, убирайтесь домой!»

«ГОРОДСКИЕ ОГНИ»

«Что за сфинкс из цемента и алюминия раскроил им череп, сожрал их мозги, лишил их воображения?» — спрашивает в одном из своих произведений молодой американский поэт Аллен Гинсберг.

Как бы отвечая на этот вопрос, представитель местных властей города Сан-Франциско капитан Уильям Ханрахан появился в дверях книжного магазина и конфисковал произведения Гинсберга, в том числе и ту поэму, из которой мы взяли цитату. Не удовлетворившись этим, он арестовал книжного про-

давца Сигейоси Мурао. Продавцу грозили тюремным заключением и штрафом.

Произошло это в книжной лавке с несколько необычным названием. На ее вывеске значатся слова: «Сити лайтс» — «Городские огни». Многие в Сан-Франциско считают, что она оправдывает свое название. В лавке можно найти книги, которые действительно освещают человеку путь, помогают ему познать многие явления природы, жизни, развития общества.

Необычна и витрина этого магазина. Через всю ее длину протянут транспарант, на котором написано тоже два слова: «Запрещенные книги». Немного ниже можно прочесть такую надпись: «Все выставленные в этой витрине книги либо подверглись цензуре, либо запрещались».

Витрина привлекает прохожих. Присматриваясь к этой своеобразной выставке запрещенных книг, житель Сан-Франциско видит наряду с произведениями Гомера, Платона, Аристофана и Конфуция книги Сервантеса, Мольера, Гёте, Руссо, Горького. Но еще больше здесь книг отечественных авторов — американских классиков и современных писателей: Марк Твен, Уолт Уитмен, Драйзер, Синклер Льюис, Хэмингуэй, Фолкнер и многие другие.

«Городские огни» привлекают любознательную молодежь. Сюда нередко заходят серьезные юноши и девушки в поисках книг, которые они не смогли найти в более фешенебельных магазинах Сан-Франциско.

Хозяин лавки Лоуренс Ферлингетти — необычный книжный коммерсант. Он не только торгует книгами. Он пишет стихи, издает свои книги и произведения других авторов. Помогая книге проникнуть к читателю, он ведет активную борьбу против произвола цензоров.

После того как полиция совершила налет на его лавку, на помощь Ферлингетти пришли многие писатели, журналисты, деятели культуры, отлично понимая, что, защищая книжную лавку Ферлингетти, они ограждают американскую литературу от чрезмерной опеки цензуры, официальной и неофициальной, которую по-

стоянно ощущает каждый мыслящий человек в Америке. Помимо официальных цензоров, в США существуют буквально сотни всевозможных реакционных организаций, которые под видом борьбы против «непристойной», «подрывной», «антипатриотической» литературы не допускают в библиотеки, книжные магазины «вольнодумных» книг многих американских и иностранных классиков и современных писателей. В качестве самозванных цензоров, пользующихся поддержкой влиятельных кругов в центре и на местах, выступают такие организации, как Американский легион, женские католические клубы, «Женщины-протестантки» и многие другие.

В Буффало (штат Нью-Йорк) муниципалитет отдал полиции приказ «произвести чистку» и конфисковать во всех книжных магазинах города любые книги, которые полиция будет считать «не подходящими» для чтения.

В Детройте — крупнейшем промышленном центре — помощник прокурора распорядился, чтобы полицейские арестовывали каждого, кто торгует книгами, непригодными по его, прокурорскому, разумению. Когда же его просили определить критерий пригодности того или иного литературного произведения, бравадный помощник прокурора дал следующее «точное» определение:

«Если я считаю, что моя тринадцатилетняя дочь не должна читать данную книгу, я решаю, что она является незаконной».

По «случайному» совпадению в списки запрещенных произведений неизменно включаются книги, просвещающие молодежь, раскрывающие ей глаза на окружающий мир, показывающие пути борьбы за достойную человека жизнь, за лучшее будущее.

Однажды я прочитал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграмм» такое письмо: «В некоторых школьных округах штата Нью-Йорк дошли до печального состояния, если местным школьным властям приходится обращаться в Олбэни*, прежде чем они могут снять

* О л б э н и — столица штата Нью-Йорк.

какую-нибудь книгу с полки. В нашем школьном округе истинная демократия. Мы можем самостоятельно запретить любую книгу, которая нам не нравится».

Автором этого письма была миссис Моуд Уилдинг, местная воспитательница. Уилдинг требовала усиления цензуры.

С цензурой американец сталкивается, не только читая изо дня в день крайне тенденциозную буржуазную печать, клеветущую на страны социализма, воспевающую империалистический разбой. Сталкивается он с нею и тогда, когда заходит за нужной ему книгой в местную библиотеку или если он вздумает выписать политический, научный, литературный журнал или газету из Советского Союза, Китайской Народной Республики или другой страны социалистического лагеря. Выписанные им книги, газеты, журналы просто не будут ему доставлены. Они проделают длинный путь через моря и океаны в трюмах пароходов или на самолетах для того, чтобы осесть высокими штабелями на таможах Нью-Йорка, Сан-Франциско и других городов. Такая участь постигает печатные издания, выписываемые не только частными лицами, но и многими научными учреждениями, библиотеками, даже церковными организациями.

Величайший скандал по этому поводу разразился после запуска Советским Союзом первых искусственных спутников Земли, когда весь мир заговорил о советском превосходстве во многих областях науки и техники. Американские ученые — астронавтики, физики, медики, инженеры — громче стали жаловаться на то, что от них скрывают советскую научную литературу, покрывающуюся пылью в таможах, на складах, в библиотеках.

С какой подозрительностью относятся американские цензоры ко всему, что исходит из Китайской Народной Республики! Тут повторяется история. Правящие круги Соединенных Штатов пытаются «не замечать» шестисотмиллионный китайский народ, подобно тому как в течение более полутора десятков лет они «игнорировали» Союз Советских Социалистических Республик. Конечно, отказываясь признавать

Советский Союз, отрицая его существование, они все не оставляли нашу страну в покое, начиная с периода интервенции и кончая многими другими кознями и провокациями. То же они повторяют сейчас и в отношении великого Китая.

Временами их политика принимает анекдотические формы. Ассоциация библиотек города Сан-Франциско долгое время держала под замком коллекцию книг, подаренных Пекинским университетом. Среди них были древние сказки тьяньской династии и художественные репродукции. Власти не решались допускать к ним посетителей библиотек.

Мэр Сан-Франциско — города, где проживает много китайцев и где интерес к новому Китаю особенно велик, — Джордж Кристофер, когда к нему обратились за советом, предложил простой выход из положения.

— Чем дожидаться чего-то, когда у вас возникают сомнения относительно китайских книг, — сказал он, — вам лучше всего было бы применить мой метод. Он очень прост. На вашем месте я бы отправил книги обратно, а еще лучше было бы их уничтожить...

Американцы рассказывали нам, как местные власти, действуя по инструкциям Вашингтона, задерживают и уничтожают также советские издания, направленные американским адресатам. «Опасным динамитом» для американских читателей они считают советские газеты и журналы, в том числе «Пионер» и «Мурзилку». К этой же «опасной» категории они относят научную и художественную литературу, включая и произведения классиков.

В тех не слишком частых случаях, когда некоторые советские журналы поступают в киоски, принимаются меры к тому, чтобы отбить у американцев охоту покупать их. О ярком примере такого запугивания американцев, стремящихся узнать правду о Советском Союзе, мы узнали от Арта Мэдсена из Детройта.

Вот дословно, что он рассказал:

«Не без трепета я поддался, наконец, соблазну и купил экземпляр журнала «СССР». Этот подрывной

акт я совершил в киоске гостиницы «Статлер». Не успел я вытянуть журнал из-за толстого справочника «Сувенир бук оф Детройт», как меня заметили двое молодчиков. Они переглянулись со знающим видом, потом направили свой взор на меня. Я протянул деньги сидевшей у кассы красивой блондинке, чтобы заплатить за свою покупку...

Но все оказалось не так просто, как я думал. Побледнев, заикаясь от испуга, продавщица шепнула: «Лучше спрячьте это!»

Не дожидаясь, пока я последую ее совету, блондинка сама засунула журнал между «Уолл-стрит джорнэл» и местной ежедневной газетой, которую я у нее обычно покупаю.

Я пытался объяснить, что ничего дурного не произошло, что этот журнал мы получаем в обмен на свой, что в этом обмене участвует наше правительство, что мы согласились допустить 50 тысяч экземпляров журнала «СССР», а Россия принимает такое же количество нашего журнала «Америка».

Но блондинка была непреклонна. По ее лицу было видно, что произошло что-то непоправимое. Тогда я понял, что наступает конец нашей долгой дружбе. Я повернулся и направился к выходу. Мне хотелось быстрее убраться из гостиницы. Словно из-под земли на моем пути выросли шесть молодцов сурового вида со скрещенными руками. Одетые в полной регалии швейцаров, они выглядели весьма устрашающе. На меня они смотрели так, как удав смотрит на кролика. Я стремительно рванулся вперед, проскочил через вращающуюся дверь и вскоре уже мчался домой на такси».

Рассказ Мэдсена — это не вымысел. Он появился в виде письма в чикагской «Сан энд таймс». От себя газета его никак не комментировала.

Искусственно возбуждаемые страхи, запугивание не ослабили, однако, интереса рядовых американцев к правдивой информации о Советском Союзе. Продажа того же журнала «СССР» в Нью-Йорке, например, за короткое время увеличилась вдвое.

Знакомые американские журналисты уверяли нас, что таким же успехом пользовались бы и многие другие советские журналы, если бы их допустили к широкой продаже в США. Мы с ними соглашались. У нас действительно не было оснований сомневаться в этом.

Молодежный форум

В бальном зале одного из крупнейших отелей Нью-Йорка «Шератон парк» в этот день было особенно шумно. Не только потому, что здесь проходил 41-й ежегодный съезд Национальной ассоциации директоров средних школ. Директора, как правило, люди степенные. И хотя их собралось более трех тысяч человек, они создавали меньший шум, чем пришедшая к ним в гости горстка участников 11-го форума учащихся старших классов средних школ, регулярно устраиваемого газетой «Нью-Йорк геральд трибюн».

Такие «форумы» ежегодно проводятся различными американскими организациями. Наибольшей помпой сопровождаются молодежные форумы, устраиваемые газетами «Дейли миррор» и «Нью-Йорк геральд трибюн». Последняя принадлежит одному из богатейших семейств Америки Миллс-Рид, тесно связанному с империей Морганов. Своими форумами газета преследует по меньшей мере две цели. Во-первых, пропагандировать политику, одним из рупоров которой она является. Во-вторых, рекламировать себя, то есть газету и ее владельцев.

В Нью-Йорке я был свидетелем нескольких таких форумов. Обычно на них обсуждается ряд проблем, затрагивающих молодежь, причем в качестве «почетных гостей» приглашаются крупные политические деятели и бизнесмены, призванные задавать дискуссии «правильный тон». Сами учащиеся, направляемые для участия в форуме, как правило, тщательно отбираются, чтобы они не создавали лишних хлопот организаторам этой пропагандистской затеи. Иностранцев участников форума обычно подбирают соответствующим образом.

щие министерства просвещения. Большая часть иностранных гостей прибывает из стран, находящихся в фарватере американской внешней политики.

В описываемом здесь 11-м форуме участвовали школьники из тридцати трех стран. Два месяца они познакомились с жизнью Соединенных Штатов и с американскими школами. На съезд директоров школ иностранных гостей пригласили для того, чтобы познакомиться с их впечатлениями. Как организаторы съезда, так и устроители форума были уверены, что их юные гости будут хвалить школьную систему США да и вообще весь «американский образ жизни». Ведь им постарались показать лучшее, что есть в Америке.

Сперва действительно казалось, что никто и ничто не нарушит торжественной обстановки съезда. Несколько иностранных школьников, не вдаваясь в подробности, говорили, что им все понравилось, что все прекрасно в этом лучшем из капиталистических миров. Но дальше уже все пошло не так, как предусматривалось программой.

Один за другим на трибуну поднялось несколько иностранных школьников, заявивших, что, по их мнению, школы Соединенных Штатов слишком заражены национализмом и шовинизмом.

— На каждом шагу, — сказал один из них, — американцы нас спрашивали, нравится ли нам Америка больше, чем наша собственная страна, хотели бы мы остаться в США и т. д.

Американец часто поражается, когда его иностранный знакомый из Ирана, Индии, Нигерии, Судана, Турции, Англии или какой-нибудь другой страны отвечает, что он не хотел бы променять жизнь в своей стране на «американский образ жизни». Даже Сюзанна Ренни, девушка из такой далеко не демократической страны, как Южно-Африканский Союз, заметила в своем выступлении, что раньше Америка представлялась ей как страна с большей демократией и с меньшей дискриминацией.

Юноша из Ливана, выступивший с более резкой критикой американской школьной системы, откровен-

но признался, что ему не понятно, как страна, имеющая такие скверные, отсталые во многих отношениях школы, может претендовать на лидерство в мире.

Были на съезде и такие выступления, которые вызвали форменный переполох. Ирья Ламми, школьница из Финляндии, заявила, что ей многое не понятно в американской политике.

— Мне хотелось бы знать, — сказала она, — почему американцев так пугают Россией. Я приехала из маленькой страны, расположенной у самых границ Советского Союза. Финны не боятся Советской страны, у них нет для этого основания. Почему же американцам все время говорят о «русской угрозе»?

Выступление финской школьницы смутило организаторов съезда. После некоторой заминки они выпустили на трибуну молодого парня, приехавшего из Южной Кореи. Воспитанный в лисынмановской школе, начитавшийся американских комиксов, Янг Ку Ли уверял, что в Америке ему понравилось все. Что касается политики, то он знает одно — всему миру «угрожает коммунизм». Это, как ему говорили, самая страшная опасность.

Раздались жидкие аплодисменты, но было видно, что заранее подготовленная, лишенная аргументов речь южнокорейского школьника не рассеяла того впечатления, которое произвели предыдущие выступления.

Примерно та же картина повторилась, когда несколько позднее в еще более роскошном отеле «Уолдорф-Астория», расположенном в центре Нью-Йорка, состоялось двухдневное торжественное заседание участников форума школьников. К этому времени они уже успели побывать более чем в восьмидесяти школах и в ста сорока американских семьях. Здесь, как и до этого на съезде директоров школ, выступления иностранных школьников показали, что американская пропаганда засорила глаза лишь немногим из них.

Диана Бедини (Италия) высказала мнение, что старшеклассники американских школ «слишком скованы» в своих суждениях и оценках, что у них нет

«эластичности мысли», необходимой для развития самостоятельного мышления.

С нею согласился Гопинат из Индии.

Представитель суданских школьников Магуб говорил о том, как его самого и его друзей поразили масштабы детской преступности в Соединенных Штатах. Он рассказал, что в его стране молодых правонарушителей называют «пепси-колами».

Норма Блум из Бразилии дополнила его, сообщив, что у нее в стране молодых преступников именуют «кока-колами».

— У нас в Сингапуре, — крикнул с места Лим Сун, — их просто зовут «янками»!

Были выступления и на другие темы. Устроителям форума пришлось выслушать много горьких истин из уст своих юных гостей.

С большим интересом было выслушано, например, выступление Фиш-Томпсона (Дания). Он без обиняков заявил, что, увидев трущобы, в которых живет трудовая беднота Америки, ее обширное цветное население, он убедился в том, насколько лучше живется в его родной стране, в Дании.

Он привел простой и вместе с тем очень характерный пример.

— Вы, американцы, — сказал датский юноша, — изобрели вакцину Солка против полиомиелита. У вас она продается по высокой цене, из нее извлекают прибыль. А у нас в отличие от США прививки против этой болезни делаются бесплатно.

Датский делегат затронул также другие вопросы. Он высказался за сосуществование государств с различными общественными системами.

— Нужно наладить сотрудничество, — сказал он. — Нужно покончить с гонкой вооружений и подготовкой к войне.

Эти слова были встречены аплодисментами многих присутствовавших делегатов и гостей.

Так форум, задуманный для пропагандирования политики «с позиции силы», под влиянием его участников вышел из того русла, в который его направляли.

Приезжему человеку не приходится скучать в Нью-Йорке. Для ознакомления с городом, его достопримечательностями, окрестностями, жизнью и бытом его жителей требуется немало времени. Правда, познакомившись со многими нью-йоркскими музеями, приезжий с сожалением сознает, что напрасно потратил время на осмотр некоторых из них. Но без таких «издержек» не обойтись в чужой стране. Да и можно ли считать излишней тратой времени, скажем, осмотр Музея современного искусства, где господствуют геометрические упражнения ультрамодернистских художников? Или посещение музея Гугенхейма, весь верхний этаж которого заполнен «творениями» Джексона Поллока и его последователей? Ведь без этого трудно представить себе глубину падения современного буржуазного искусства, его вырождения.

Картины Поллока напоминают холст, вынутый из-под ног маляров, красивших потолок или стены. По телевидению как-то передавали программу, включавшую показ творческих методов этого художника. Разложив большое полотно, одетый в комбинезон, плотный, широкоплечий Поллок принимался за работу. Запуская малярную кисть то в одно, то в другое ведро, он затем пускался в пляс, хаотически разбрызгивая краски. Так рождалось очередное «произведение», которое вскоре должно было украсить дворец миллиардера или стены субсидируемого им музея.

Как отмечает пресса, у Поллока в последнее время появилось много конкурентов. И не только среди людей. На выставках стали экспонироваться картины, созданные обезьянами, а в Лос-Анжелосе даже объявился «талантливый» одноглазый попугай, оказавшийся автором нескольких сот акварелей и картин. Многие специалисты не в состоянии были отличить эти произведения от «творений» современных модернистов.

«Искусство, призванное покончить со всяким искусством», — так охарактеризовал работы абстракт-

ционистов прогрессивный американский писатель Майкл Голд. Писатель подчеркивает, что сознательная борьба против реалистического искусства, настойчивое внедрение упадочничества исходит от правящих кругов. Он рассказывает, например, о том, как Пегги Гугенхейм, представительница известной семьи мультимиллионеров, пускала в ход свои миллионы, чтобы развращать молодых художников, направлять их развитие в сторону от реализма, по пути декадентства, абстракционизма.

— С ее стороны, — говорит Голд, — это была умная, сознательная классовая тактика.

Но как реагирует на такое фальшивое искусство рядовой американец? Ответ на этот вопрос мы искали в беседах со знакомыми американцами, а также наблюдая за тем, как реагируют посетители музеев и выставок, на которых мы побывали. В Музее современного искусства на 53-й улице мы видели, как люди в недоумении останавливались перед полотнами «страшно известных» модернистов, стараясь разгадать замысел автора и смысл картины. Иногда можно было услышать такие вопросы:

— Почему нанесенные с помощью линейки три линии означают «Моя семья»?

— Разве для того, чтобы передать красоту женщины, ее необходимо нарисовать с двумя носами?

Мы часто убеждались в том, что очень многих американцев не трогает, не возбуждает, не волнует творчество художников, разговаривающих с ними посредством сложных ребусов. Отражение скептического и критического отношения к художникам, у которых нет общего языка с широкой публикой, мы обнаруживали и среди представителей различных видов искусства, иногда даже в произведениях, вышедших из Голливуда. Сравнительно старый фильм «Посредница», который мы смотрели в США, метко высмеивает абстрактную живопись. Молодой инженер влюблен в девушку, увлекающуюся модернистами. Вместе со своими друзьями она устраивает вечеринки для чествования абстракционистов. Инженер огорчен тем, что он, простой человек, не имеющий

никакого отношения к искусству, не понимает их, что их творчество ему кажется «бессмысленной пачкотней». Девушка и ее друзья считают его человеком «безнадежным», неспособным разобраться в «истинном» искусстве, понять полет мысли и глубину замысла лучших мастеров кисти.

Но вот на одном вечере у своей подруги инженер встречает другую девушку, которая называет выкрутасы модернистов простым шарлатанством. Она берет помочь инженеру вернуть любовь своей подруги. Для этого она обещает научить его рисовать так, чтобы он мог создать полотна, которые окажутся по душе его возлюбленной и ее друзьям. Молодой человек впервые в жизни берет в руки кисть, пробует разводить краски, учится их размазывать на холсте. Это полотно его наставница и отправляет возлюбленной. Та в восторге. Она срочно собирает своих друзей, и все они приходят к выводу, что на их глазах родился новый гений, призванный двигать вперед искусство. Они восторгаются «композицией» картины, «глубиной замысла» ее автора, «поражительным сочетанием красок», оттенками.

Между тем сам автор, узнав о проделке своей наставницы, спешит к любимой девушке, чтобы поправить положение, объяснить, что произошло недоразумение, что он не хотел оскорблять ее грязным холстом, о который он обтирал кисти. У девушки он застаёт компанию, в исступлении восторгающуюся этим самым холстом. Инженер умоляет их поверить, что он никогда в жизни не рисовал, что у него не было никакого замысла, когда он мазал холст. «Ценители» искусства и слушать его не хотят. Они говорят, что он сам не понимает, какой гений поселился в нем, что отныне его творения уже принадлежат не ему, а мировой культуре.

Инженер ошеломлен подобным кощунством. Оно окончательно открывает ему глаза на пустозвонов от искусства. Он возмущен и покидает свою девушку и ее друзей. То, что он в конце концов находит счастье со своей наставницей, уже, пожалуй, не имеет прямого отношения к данной теме.

Эта «скульптура» из фонда семьи мультимиллионеров Гуген-
хаймов. Называется она «Женщина, причесывающая волосы».

Во время нашего пребывания в Нью-Йорке на Лексингтон-авеню открылась весьма своеобразная выставка юных художников из числа молодых преступников и дефективных детей. Их работы были выставлены без подписей. Мрачные картины, выполненные в модернистском стиле, включали большой темно-синий портрет Элвиса Пресли, лысую голову какого-то мальчика с пурпурно-зелено-красно-желтым лицом. Критики отмечали, что эти картины мало чем отличались от произведений известных профессиональных художников, чьи полотна экспонируются в солидных музеях.

Выставку организовала восемнадцатилетняя Нэнси Миллер, которая в рекламных целях именовала себя «самой молодой в мире руководительницей художественной галереи». Давая пояснения посетителям, она расхаживала по трем залам выставки в красной рубашке, черных стилизях, обтягивающих фигуру штанах и теннисных туфлях.

— Я сама была поражена, — рассказывала Нэнси. — Работы, представленные некоторыми ребятами, оказались лучше произведений профессионалов. Вы не согласны? Что бы вы ни думали о них, они, во всяком случае, не настраивают вас на веселье. Каждый может заметить, что это работа юношей, которые смотрят на жизнь грустными глазами.

Мы не стали спорить с Нэнси об искусстве.

...В Нью-Йорке очень много разнообразных музеев. Много прекрасных произведений мирового искусства можно увидеть в огромном музее «Метрополитен» и в сравнительно небольшой, но интересной коллекции, собранной стальным магнатом Фриком, а также в других художественных галереях. В некоторых из них проводятся лекции — общие для взрослых и специальные для школьников. При нас в «Метрополитене» начали читать серию лекций о художественных сокровищах Европы. Она привлекла много публики. Нам было приятно отметить, что первая из этих лекций, прочитанная руководителем одного из отделов музея Стерлингом Каллизоном, называлась «Ленинград и Эрмитаж».

Большого внимания заслуживают американские музеи прикладного характера — техники, естественных наук и другие. Здесь особенно выделяется Американский музей естественной истории, монументальное четырехэтажное здание, примыкающее к Сентрал-парку. Ежегодно его посещает более двух миллионов человек, особенно много школьников. Дети часто приходят сюда целыми классами вместе со своими учителями. Они, как правило, проводят здесь четыре часа, знакомясь с элементами геологии, палеонтологии, антропологии, астрономии (при музее имеется планетарий). Экспонаты животных, птиц, насекомых здесь очень умело показаны на фоне той среды, в которой они находились, и отличаются максимальной наглядностью, что делает их доступными для ребят. Восприятие экспозиции усиливается и благодаря остроумно придуманному, хотя и не хитрому аппарату, названному здесь «гидофоном».

Это небольшой радиоприемничек, заключенный в алюминиевую коробку с наушниками и шнурком для того, чтобы его можно было повесить на плечо, подобно фотоаппарату. При входе в музей вы можете взять этот аппарат за небольшую плату (в музей вход бесплатный). Надев наушники, вы избавляете себя от посторонних звуков, и вам остается слушать пояснения экскурсовода, передающиеся по радио. Он рассказывает вам общий план размещения экспонатов, выделяет наиболее интересные из них, затем призывает вас слушать звуки зверей и птиц, к которым вы в тот или иной момент приближаетесь. И вот вы слышите завывание стада волков, тьяканье койотов, рычание льва или тигра, пение редкостных птиц, рев слона, ночные звуки далеких джунглей, шум прибоя на берегу тропического острова.

В разделе географии и исследований хранятся сани арктических исследователей Пири и Амундсена, многие другие экспонаты, имеющие отношение к истории арктических и других географических открытий.

Музей ведет большую научно-исследовательскую работу, издает научную и популярную литературу.

Он располагает богатой библиотекой и читальным залом.

Поскольку на содержание музеев в Соединенных Штатах отпускается очень мало государственных средств, деятельность этого, как и других музеев, финансируется главным образом за счет частных взносов и пожертвований. В зависимости от средств, которыми располагает человек, он может вступить в члены Ассоциации американского музея естественной истории. Они делятся на классы. Таких членов насчитывается более 80 тысяч. Младшим членом ассоциации можно стать, внося по 5 долларов в год, «поддерживающим членом» — за 100 долларов, «пожизненным» — за 300 долларов. Но это не предел. Можно стать «патроном» музея — младшим или полноправным — в зависимости от того, внесете ли вы 1 или 5 тысяч долларов. Или «благодетелем» музея — есть и такое звание, которое также делится на две категории в зависимости от взноса (10 тысяч или 50 тысяч). Но и это не все. Миллиардер, желающий изъять часть своих прибылей из налогообложения (пожертвования не облагаются налогом) и одновременно создать себе репутацию покровителя науки, может внести в кассу музея 100 тысяч долларов. За такую сумму он официально объявляется одним из основателей музея. Члены ассоциации всех классов пользуются различными льготами, начиная от десятипроцентной скидки со стоимости литературы, издаваемой музеем, кончая красиво выполненным дипломом, специально предназначенным для того, чтобы его можно было взять в рамку. Такие дипломы выдаются не всем членам, а только начиная с класса «пожизненных» и выше.

Весьма разнообразна театральная жизнь Нью-Йорка. Для сколько-нибудь подробного ее описания понадобилось бы много места и времени. Когда говорят о театральном Нью-Йорке, обычно имеют в виду шумный, залитый огнями реклам Бродвей с его многочисленными роскошными театрами и мюзик-холлами. Там действительно выступают наиболее модные звезды и ставятся самые популярные пьесы. Многие

Этот маленький радиоприемник называется «гидофон».

из них впоследствии служат канвой для голливудских боевиков. Однако в последние годы всё больше хороших пьес, включая классику, идет в скромных внебродвейских театрах. Их число заметно возросло и они составляют сейчас существенно важную черту современной театральной жизни США.

Опишу хотя бы кратко один из таких театров — «Черри лейн» на улице того же названия в Гринвич Вилледже. Внешне он напоминает очень скромный провинциальный кинотеатр старых времен. Узкая дверь ведет в крохотный коридорчик, где помещается касса. Оттуда дверь открывается прямо в театральный зал, рассчитанный на 150 — 200 зрителей. Простые тесноватые сиденья, несколько запущенные стены. Справа обитая медью дверь. Над нею надпись: «Запасный выход». В антрактах дверь открывается, и вы можете выйти покурить в небольшой коридор, примерно поровну поделенный с соседним ресторанчиком. Оба помещения — театр и ресторация — оборудованы в бывшей конюшне. На улице у входа остановился небольшой «димузин». На его крыше ребром стоит двухсторонний рекламный щит. Эта машина доставляет желающих посетить театр или ресторан с ближайшей большой улицы (с Седьмого авеню), где она дежурит у станции метро.

У входа в театральный зал вас встречает администратор, он же, вероятно, и директор, который проверяет билеты и здоровается с большей частью публики как со старыми знакомыми. Они, должно быть, здешние завсегдатаи. Со своей верхней одеждой вы можете поступить по своему усмотрению: либо оставаться в пальто, либо, сложив его, сунуть под свое сиденье. Вешалки в таком крохотном помещении, разумеется, нет.

Актеры сначала ждут, пока публика рассаживается, снимает пальто и шляпы. Вот уже началось представление, а запоздавших продолжают впускать. Рассаживаясь по местам, раздеваясь, они заслоняют сцену сидящим сзади. Это раздражает публику и вряд ли помогает актерам.

«Черри лейн» — один из десятка возродившихся в последние годы небольших внебродвейских театров, которые пользуются большой популярностью среди любителей сценического искусства. Театр полон. Пьеса знаменитого ирландского драматурга Сина О'Кейси «Пурпурная пыль» идет здесь всего лишь несколько дней и, следовательно, является еще премьерой. Других пьес театр не ставит одновременно — в его репертуаре, как и в других американских театрах, одна пьеса. Она сохранится на сцене до тех пор, пока будет привлекать зрителей. Это может продолжаться несколько дней, месяцев, а может быть и лет. Затем в театре пойдет другая пьеса, чаще всего поставленная силами обновленной или совершенно новой труппы.

Прекрасная сатира О'Кейси на английскую аристократию, пронизанная острым ирландским юмором, находила живой отклик среди публики. Частые аплодисменты, взрывы смеха, следовавшие за остроумной фразой или меткой поговоркой, служили наградой не только драматургу, но и талантливым актерам, прекрасно доносившим пьесу до зрителя.

Во внебродвейских театрах Нью-Йорка и в ряде подобных же театров Чикаго, Филадельфии и некоторых других городов в последнее время с успехом возобновлен заброшенный на протяжении многих лет репертуар, включая произведения Шекспира, Мольера, Шоу, Чехова, Островского, Тургенева.

Правда, когда молодые режиссеры Стюарт Воген и Джозеф Пэпп задумали организовать фестиваль шекспировских пьес в Нью-Йорке, они столкнулись с немалыми трудностями, хотя у Джозефа Пэппа уже накопился кое-какой опыт. Три года назад ему удалось получить разрешение ставить свои спектакли в заброшенной церкви на Шестой улице Восточной стороны. Для этого ему пришлось выложить все собственные сбережения и воспользоваться пожертвованием, поступившим от местного «мецената» торговца тряпьем Лео Броди. Те немногие критики, которых он сумел к себе зазвать, дали хорошие отзывы

о постановках, но денег на рекламу не нашлось, и театр «горел».

Летом 1957 года Пэппу больше повезло. После долгих уговоров ему удалось убедить муниципальные власти предоставить ему заброшенный в последние годы амфитеатр Сентрал-парка, близ Бельведерского озера. С ним согласился сотрудничать режиссер Стюарт Воген. Постановки привлекли много зрителей и даже встретили благоприятную прессу. Уолтер Карр писал в «Нью-Йорк геральд трибюн», что лучших «Ромео и Джульетту» он в своей жизни не видел.

Когда Вогена спрашивают о его системе, он отвечает:

— Станиславский. Мы применяем его систему.

Молодым, полным энтузиазма режиссерам удалось собрать вокруг себя группу талантливых артистов, главным образом молодежь.

Представления начинаются в 7.30 вечера. Но первые зрители появляются с 5 часов: люди спешат занять бесплатные скамейки. Многие из них, услышав от соседей о необычайных представлениях в парке, приходят, чтобы впервые в жизни посмотреть театральную постановку. Другие приходят по нескольку раз подряд, зачарованные волшебным шекспировским текстом и прекрасным его воплощением в игре молодых артистов.

Вход бесплатный. Кто хочет, может на месте внести небольшой взнос или прислать сколько-нибудь денег по почте. За первые десять дней таким путем было собрано менее 500 долларов — взносами, колебавшимися от 50 центов до 50 долларов. Этих средств никак не хватит, чтобы платить хотя бы какое-то подобие жалованья актерам, не говоря уже о других расходах. Приходится изворачиваться, обращаться к друзьям и знакомым, взывать о помощи к любителям Шекспира. Этим занимается энергичный Пэпп. Он мечтает организовать в Нью-Йорке постоянный шекспировский театр.

— Подумайте! — восклицает он. — Как было бы хорошо, если бы нам удалось осуществить свой

план — восемь спектаклей в неделю, включая три утренника для старшекласников. Это значит — тысяча восьмьсот школьников в неделю смотрели бы нашего «Макбета». Мы продержали бы его месяца два, потом дали бы другой шекспировский спектакль.

Но кого интересуешь таким планом? Театральных магнатов с Бродвея он не привлекает. Ведь герои шекспировских пьес не танцуют рок-н-ролла.

После долгих мытарств, под напором общественности, молодым режиссерам удалось добиться от муниципалитета помещения театра «Хекстер» на углу 104-й улицы и Пятого авеню. Однако из-за острой нехватки денежных средств театральная труппа все время находится под угрозой банкротства.

...Любитель эстрады может познакомиться с многими талантливыми американскими исполнителями — певцами, танцорами и представителями других жанров. Феноменальным успехом за последние годы пользуется молодой негритянский певец Гарри Белафонт. Это красивый, высокого роста юноша с черными курчавыми волосами и карими глазами. Выступает он в яркой, открытой у шеи рубашке и черных штанах, с широким кожаным поясом, какие носят моряки. В его репертуаре много народных баллад и песен, включая «Водонос» (широко известную у нас в прекрасном исполнении Поля Робсона), песню про грузчика бананов, «Прощание с Ямайкой» и другие.

Белафонт снимался в нескольких голливудских картинах. Последняя из них, «Остров на Солнце», поставленная группой прогрессивных кинодеятелей, вызвала большой шум, поскольку она посвящена проблеме расовой дискриминации. Белафонт играет в ней центральную роль негра, у которого возникает роман с белой женщиной (ее роль исполняет известная актриса Джоан Фонтейн). Постановщики и участники фильма получили от расистов много угроз и писем. В ряде городов демонстрация фильма была запрещена.

Путь Гарри Белафонта к успеху и популярности не был легким. Отец его родом с Мартиники. Гарри

родился в Нью-Йорке, но в восьмилетнем возрасте уехал с семьей на Ямайку. Впервые в жизни он побывал в театре много лет спустя, когда после возвращения из армии работал слесарем в жилом доме в Нью-Йорке. Один из жильцов дал ему билет в негритянский театр. Сценическое искусство очаровало юношу. Вскоре он поступил учиться в вечернюю драматическую школу, однако, окончив ее, он не смог устроиться ни в одном театре, хотя готов был выполнять там любую работу. Гарри работал на швейных предприятиях — перевозил одежду на тележках. Прекрасный голос и актерские способности открыли ему двери некоторых ночных клубов, где он начал выступать по вечерам. Слава молодого певца росла. Но дальше кабаков, от которых ему претило, он двинуться не смог. Хотелось перестать развлекать пьяную публику пустыми, глупыми песенками, заняться более серьезной народной музыкой и песнями. Вместе с несколькими друзьями ему удалось открыть небольшой ресторан в Гринвич Вилледже. Гарри рассчитывал, что таким путем он получит возможность осуществить свои творческие замыслы. И он действительно занялся настойчивым изучением народной музыки, старой и новой, негритянской, латиноамериканской, североамериканской. Но через восемь месяцев Белафонт и его друзья обанкротились. Снова начались скитания по ночным клубам. Однако популярность певца росла. Его пригласили сниматься в кино. Вскоре на него обратили внимание владельцы фирм грамзаписи. Напетые Белафонтом пластинки имели огромный успех и разошлись во многих миллионах.

...Неплохо, конечно, провести вечер и у телевизора, хотя непривычного иностранца всегда раздражает реклама, вторгающаяся во все передачи и сильно мешающая воспринимать пьесу, концерт или кинокартину.

В Нью-Йорке передачи ведут семь телевизионных станций, но часто трудно бывает найти какую-нибудь интересную программу, не имеющую прямой целью навязать вам какой-нибудь коммерческий продукт.

Время от времени по телевидению показывают самодеятельность, но и на ней чаще всего лежит печать коммерции. Иногда объявляемые компаниями конкурсы привлекают талантливых певцов, танцоров, чтецов как профессионалов, так и любителей. Но слишком часто наспех подготавливаемая самодеятельность пропитана интересами торговой фирмы, которая ее финансирует. Приведу пример: владельцы крупнейшей сети ресторанов-автоматов «Хорн энд Хардот» финансируют передачу по телевидению детской самодеятельности. При этом они больше заботятся о рекламировании своих предприятий и их кулинарной продукции, нежели о художественном воспитании детей. Чувствуется, что организаторы этих выступлений хотят «блеснуть» своей способностью научить детей подражать выступлениям известных эстрадных артистов. Страшно обидно становится за маленьких семи-восьмилетних девочек с косичками, которые, выпучив глазенки, поют: «Знаю, ты принадлежишь другому, но сегодня ты со мною...»

...Можно, наконец, сходить и на интересное спортивное состязание в закрытое помещение — на боулинг — игру в кегли, которой увлекается очень большое число американцев, в том числе и много трудящейся молодежи, или на стадион, чтобы посмотреть бейсбол. Это по-прежнему самый популярный вид спорта в Америке. Бейсбол — довольно сложная игра, требующая большой ловкости и искусства в бросании и перехвате мяча с помощью биты. Играют в нем командами по девять человек, размещающихся веером.

В разгар бейсбольного сезона (он длится с апреля по октябрь) на этой игре сосредоточено главное внимание не только любителей, но и всей молодежи. Газеты отводят целые полосы описанию наиболее крупных матчей. Лучшие игроки крупнейших команд, входящих в одну из двух основных бейсбольных ассоциаций — Американскую лигу и Национальную лигу, пользуются огромной популярностью, и с ними могут конкурировать разве только наиболее извест-

ные звезды Голливуда. Разъезжая по стране, «Янки», «Гиганты», «Доджерсы» («Увертливые»), «Чикаго кабс» («Чикагские волчата»), «Ред сокс» («Красные носки» из Бостона) и другие первоклассные команды привлекали огромные толпы зрителей и собирали очень крупные денежные сборы.

Я говорю об этом в прошедшем времени потому, что в последнее время по ряду причин на крупнейших стадионах Америки собирается гораздо меньше зрителей. На это жалуются бизнесмены от спорта. Например, число зрителей, ежегодно посещающих встречи «Гигантов», за последние десять лет сократилось с 1 600 тысяч до 600 тысяч человек, то есть более чем в два с половиной раза. Соответственно снизились, конечно, и кассовые сборы. Не будем подробно останавливаться на причинах этого явления. Одни склонны винить телевизор, другие говорят о падении интереса к бейсболу вообще, третьи, подобно обозревателю агентства Ассошиэйтед Пресс Сэму Дусону, считают, что «это, возможно, отчасти объясняется непрерывным ростом стоимости жизни».

Дусон, видимо, прав, так как на эту же причину указывают и другие обозреватели. Но так или иначе, посещаемость стадионов резко упала. Этим, в частности, объясняется недавний переезд ведущей бейсбольной команды «Гигантов» из Нью-Йорка в Сан-Франциско, где она имеет сейчас свою постоянную резиденцию.

— «Гиганты» ищут нового «рынка болельщиков», — говорят специалисты.

— Бруклинские «Доджерсы», вероятно, скоро последуют за ними и тоже переберутся с атлантического побережья на тихоокеанское, — предсказывают знатоки бейсбольного бизнеса.

Ведь в условиях Америки любой вид спорта, в особенности же «большой бейсбол», — это прежде всего бизнес, где, как всегда, действует закон погони за максимальной прибылью.

«Возможно, что спорт — главное занятие американцев в свободное от работы время, — говорит о бейсболе Дусон. — Но временами его трудно от-

личить от бизнеса... Большой бейсбол, подобно большому бизнесу, не стоит на месте, а меняется. Во многих областях, где делаются деньги, исчезают различия регионального характера. Расстояния сокращаются. Со времени окончания войны для бейсбола, как и для других видов бизнеса, появились новые рынки и в то же время сократились старые».

Поиски новых рынков для американских спортивных команд — дело не простое. Спортивные рынки давно уже сложились и распределились. Между конкурентами, охотящимися за долларами любителей спорта, разгорается острая борьба. Это, в частности, показало вторжение «Гигантов» на Западное побережье, вызвавшее большое недовольство «Лиги бейсбола тихоокеанского побережья», опасавшейся, что от этого сильно пострадают ее кассовые сборы. Уже появились сообщения о том, что «Гигантов» припрут к стене и заставят уплатить миллион долларов в виде компенсации за свое вторжение. Местная команда «Тюленей» в Сан-Франциско уже потребовала, чтобы ей заплатили в виде компенсации 125 тысяч долларов.

Хотя «Гиганты» покинули Нью-Йорк, в городе осталось немало других бейсбольных команд, с которыми полезно познакомиться, даже если они и калибром поменьше.

Словом, приезжему человеку, желающему познакомиться с самым большим американским городом, есть где побывать и что посмотреть. И он нередко расходится во мнениях со старожилами, с коренными ньюйоркцами, которые жалуются на скучную жизнь в своем городе.

Лэнгстон Хьюз и Махалия Джексон

После оглушающих шумов и воплей Бродвея нам особенно приятно было получить приглашение на концерт Махалии Джексон — королевы «спиричуэлс» — негритянских религиозных песен и гимнов, впитавших народную музыку, которая так ярко отража-

ет борьбу за свободу, против рабства. Этим концертом открывалась ежегодная Неделя негритянской истории. Борьба негров за гражданские и политические права, усилившаяся в последнее время, придавала неделе дополнительное значение.

Актовый зал Хантер-колледжа на углу 69-й улицы и Парк-авеню переполнен неграми и белыми. Трудно сказать, какой цвет кожи преобладает. Одно ясно: здесь нет сторонников сенатора Истлэнда и других расистских мракобесов.

Концерт ведет Лэнгстон Хьюз. Пятидесятипятилетний негритянский поэт, прозаик и драматург, активный борец за демократические права полон сил и энергии. Истекший год был для него особенно плодотворным. Ему удалось не только написать, но и издать три новые книги: автобиографическую — «Я размышляю, когда странствую», детскую книгу о странах Карибского моря и в соавторстве с Мильтоном Мельцером первую «Иллюстрированную историю негра в Америке». Последняя книга продавалась тут же в кулуарах концертного зала. Одновременно Хьюз написал пьесу «Просто божественно», поставленную несколько месяцев спустя одним из небольших театров, расположенных вне Бродвея, на 85-й улице.

Мы вспоминаем молодого Лэнгстона Хьюза, скитающегося по свету поэта, работающего то матросом и лоцманом, то швейцаром и поваром. Первая книга его стихов, «Хорошие вещи лежат в закладе», вышла в 1927 году, первый роман, «Смех сквозь слезы», был издан в тридцатых годах.

И вот сейчас перед нами стоит невысокого роста, заметно пополнившийся и полысевший человек. Но все те же смеющиеся глаза, та же широкая улыбка. Он одет в свободно сидящий, несколько мешковатый костюм. Держит себя просто, без рисовки. Говорит медленно, задумчиво, как бы подыскивая слова для выражения своих мыслей.

Хьюз быстро устанавливает контакт с дружелюбно расположенной аудиторией.

— Меня зовут Лэнгстон Хьюз, — представляется

он. — Я поэт. Некоторые из вас, вероятно, меня знают. Хочу кратко рассказать о себе. Возможно, это поможет вам лучше понять сегодняшний концерт.

Хотя я должен был родиться в Техасе, в действительности я появился на свет в Миссури, а вырос главным образом в Канзасе, в городе Лоуренсе. Семья кочевала с места на место. Так я уже с детства познакомился с большей частью нашей страны.

Но если вас не интересуют детали моей биографии, то вы, вероятно, все же хотите знать, как я стал поэтом.

Вот как это случилось.

У нас, как вы знаете, широко распространено мнение, будто каждый негр умеет петь и плясать. Это, конечно, не верно. Меня, например, в школе освобождали от пения, — предмет этот был выше моих возможностей. Но мнение о неграх как о певцах и музыкантах укоренилось, оно живет и здравствует в народе, в нашей стране и далеко за ее рубежами. Сказалось это мнение и на моей биографии...

После очередных скитаний семьи я поступил в восьмой класс новой для меня школы. Прошло некоторое время после начала учебы, и классная учительница предложила нам, по примеру соседней школы, выбрать старосту, секретаря и других должностных лиц. Она посоветовала подумать о достойных кандидатах. Среди учеников нашего класса было двое негров: девушка и я. «Не беспокойся, все будет сделано без нас, — убеждала она меня по дороге домой. — Еще не было в школе случая, чтобы негра куда-нибудь выбрали». Но, представьте, она ошиблась!

Выборы состоялись на следующий день. Избрали всех, кого следовало. Осталась одна вакансия — пост классного поэта. Учительница предупреждала: поэт должен обладать чувством ритма. Кто-то из школьников смекнул: «Негры — певцы и танцоры, им подвластен ритм!» Он поднял руку и выдвинул мою кандидатуру. Конкурентов не оказалось. На эту должность никто не претендовал. Так я и стал «поэтом», хотя не умел ни петь, ни плясать.

Вскоре, однако, я и в самом деле сочинил свою первую поэму. Положение обязывало! В ней говорилось о могучей реке, несущейся к свободе. Я написал ее в вагоне поезда, пересекавшего Миссисипи. Поэма была навеяна рассказами бабушки, воспоминаниями о детстве...

Очень тепло говорит Лэнгстон Хьюз о Махалии Джексон — бывшей прачке, ставшей одной из лучших негритянских певиц. Ее отец работал сразу за троих: днем — грузчиком, вечером — парикмахером, а по воскресным дням исполнял обязанности священника. Махалия тоже работала служанкой, поварихой, прачкой в Новом Орлеане, а потом с шестнадцати лет в Чикаго. В немногие свободные часы она пела в церковном хоре.

— Впервые я услышал ее в церкви в Чикаго, где находился проездом, — рассказывает Хьюз. — Помню, это было зимой. На улице бесновалась вьюга. Сыро, холодно, неуютно было в помещении, но всех нас согрела своим чудесным задушевым пением Махалия.

После концерта мы окружили ее. Не хотелось расходиться. Какая-то девушка передала привет от своей матери-старушки, прикованной к постели. Старушка не могла больше приходить в церковь и слушать ее.

«Далеко вы живете?» — вдруг спросила Махалия.

«Пять-шесть блоков отсюда»...

«Я пойду с вами».

Пошел и я — и не пожалел. С каким вдохновением пела Махалия у постели больной!

Хьюз останавливается. Он вспоминает другие эпизоды, характеризующие Джексон. Когда Махалию, уже знаменитую певицу, недавно пригласили петь в Монтгомери, где негры, борясь за свои права, объявили бойкот городскому транспорту, не было и разговора о контракте или деньгах. Только в поезде сопровождавшие ее представители комитета из Монтгомери робко спросили, на какой гонорар она рассчитывает. Певица строго взглянула на них.

— Когда я еду, — сказала она, — я не беру денег с тех, кто ходит пешком.

Махалию неоднократно приглашали петь развлекающие песни в дорогих ночных клубах Нью-Йорка, Чикаго. Ей обещали большие гонорары. Она наотрез от них отказывалась.

Не соглашается она также выступать по радио и телевидению по той же причине: ей хотят продиктовать репертуар, «разбавить» негритянские «спиричуэлс» более развлекательной музыкой, чтобы потратить вкусам поклонников рок-н-ролла.

Лэнгстон Хьюз призывает слушать Махалию. Он просит аудиторию не пытаться анализировать философский смысл каждого духовного гимна, песни.

— К этому, — говорит он, — вы можете вернуться позднее. Слушайте ее сейчас своим сердцем...

И вот выступает Махалия Джексон — высокая, полная женщина с печальными глазами. Под аккомпанемент рояля и органа она задушевно, мягким голосом поет то печальные, то веселые песни, зовущие не отчаиваться, не падать духом, не сдаваться, всегда идти вперед.

— Некому поведать горе мое...

Публика замерла. Все слушают затаив дыхание.

Певица темпераментно исполняет ритмичные негритянские песни. Некоторые из них написаны на слова Лэнгстона Хьюза. На его творчество большое влияние оказал негритянский народный фольклор, традиционные песни, которые он еще мальчиком слушал на углу улицы в Канзас-сити.

— Чтобы ни случилось, не снимай руки с плуга...

Присутствующих захватывает лейтмотив, и временами они начинают тихо подпевать, похлопывая в такт ладонями.

Еще одна песня о том, что всем доступна мечта о счастье:

— Ах, как хорошо, что за это не надо платить!

В кратких промежутках на сцену выходит негритянский «Хор ребят из нашего города». Весь он укомплектован молодыми неграми. В свободное время они занимаются любимым делом — поют.

Лэнгстон Хьюз связывает концерт воедино. Делает он это свободно, непринужденно, как бы рассуждая сам с собою.

Перед началом второго отделения он снова выступает. Хьюз говорит о значении Недели негритянской истории, о выставках, прославляющих видных негров — помощника Генерального секретаря ООН Ральфа Банча, бывшего чемпиона мира по боксу Джо Льюиса, известных певиц Мариан Андерсон и Лину Хорн.

Мы вспоминаем, что в последние годы подобные фотовыставки действительно распространяются возросшими тиражами. Вы можете теперь их увидеть не только во многих библиотеках, но и в школах и университетах, в официальных учреждениях. Указывая на такую выставку, вам иногда даже скажут:

— Смотрите... чего стоит красная пропаганда об угнетении негров в Америке! Посмотрите на портреты Мариан Андерсон и Лины Хорн, на Ральфа Банча...

Конечно, с портретов фотовыставки на вас смотрят умные, улыбающиеся лица талантливых людей, а подписи под ними очень лаконичные. Из них вы не узнаете о том, как «Дочери американской революции» издевались над Мариан Андерсон. Или о том, как в 1950 году директор «Метрополитен опера» Рудольф Бинг на пароходе «Куин Элизабет» выехал в Европу «в поисках талантов». Помню, как он заявил тогда корреспондентам, что намерен нанять артистов «независимо от их национальности», но как повисла у него челюсть, когда ему сообщили, что на том же пароходе на гастроли в Европу едет одно из лучших в мире контральто, та же Мариан Андерсон, которую на протяжении многих лет не допускали на сцену «Метрополитен». Правда, шесть лет спустя «Метрополитен» все же был вынужден заключить с нею контракт. Газеты получили возможность пошуметь вокруг «американской демократии». Они вышли с аншлагами: «Первая негритянка на сцене «Метрополитен»!»

А Лина Хорн? Может, ее путь к славе оказался

Махалия Джексон.

менее тернистым. Может, став известнейшей актрисой, она смыла в глазах расистов цвет своей кожи, стала полноправной гражданкой в стране, где она родилась и выросла, стране, которой отдает весь свой талант? Нет. Портреты Лины Хорн можно увидеть на любой выставке, демонстрирующей достижения негритянского народа, но актрисе никогда не дают забыть ее «место» в обществе. Когда Хорн приехала в Майами, город, застроенный виллами миллионеров, чтобы по контракту дать здесь концерты, ее даже не пустили на порог гостиницы, где ей был заказан номер. Директор отеля попросту ее выгнал. Репортерам он дал простое объяснение: он, мол, принял заказ, не зная, что она негритянка. Когда приготовив-

шиеся смаковать очередной «скандал» корреспонденты ринулись к актрисе с вопросами, Лина Хорн с горечью им сказала, что такое отношение для нее не новость. Следует ли удивляться, что возмущенная актриса не стала выступать в Майами. Она порвала контракт и постаралась скорее убраться из этого «рая», каким называют Майами в Соединенных Штатах...

А Ральф Банч, вот уже много лет занимающий пост помощника Генерального секретаря ООН?

Конечно, по роду своей службы ему не приходится особенно часто разъезжать по своей стране. В качестве высокопоставленного международного чиновника он чаще путешествует по чужим странам — там цвет его кожи не вызывает такой неприязни, как в его собственной стране. Удивительно ли, что когда несколько лет назад Банчу предложили высокий дипломатический пост в государственном департаменте в Вашингтоне, он от него наотрез отказался. Банч знал и знает, что такое расовая сегрегация в американской столице. Ему не хотелось, чтобы там издевались над ним и его семьей. Он предпочел остаться в аппарате секретариата ООН.

Тщетно было бы, конечно, искать на этих выставках описания преследования прогрессивных негритянских деятелей, даже таких видных, как Поль Робсон и профессор Дюбуа, которых на протяжении многих лет боялись хотя бы временно выпустить из страны, опасаясь, что они могут рассказать правду о жизни и борьбе своего народа.

Эти факты недавнего периода пришли мне на память, когда я слушал Лэнгстона Хьюза. Поэт между тем продолжал говорить о Неделе негритянской истории.

— Фотовыставки, — говорит он, — славят некоторых из нас, негритянских артистов, спортсменов, писателей. Но кто когда-либо видел выставку, славящую труд простого негритянского рабочего, того, кто создавал и создает богатства нашей страны? — вдруг спрашивает поэт.

— Нельзя забывать о двухсотлетнем рабстве на

Юге. Сколько пота и крови понадобилось, чтобы создать для других несметные богатства! Нельзя забывать и о том, как мы живем теперь.

— Конечно, есть сдвиги, и мы их замечаем, но каким трудом они даются! И сколько еще препятствий на нашем пути! Они нас не остановят...

Хьюз говорит о том, как относятся к негру в американской литературе, в кино, театре, искусстве, о книгах, пьесах, фильмах, унижающих и оскорбляющих негрятянский народ, призывающих и сейчас к «охоте на негров».

— В литературе и искусстве негра все еще изображают человеком неполноценным, низшим существом, — продолжает Хьюз. — Негр просто даже редко выживает до конца книги или фильма, в котором его изображают. Часто его убивают или калечат по ходу развития сюжета. Но ведь в жизни мы не умираем каждый день. Конечно, кое-кто из нас умирает, погибает, но остальные живут, проявляют все признаки жизни, некоторые это даже делают очень активно.

Хьюз рассказывает, как в одной пьесе белый янки берет из рук негра ружье и этим ружьем его застреливает. Он упоминает новейшую кинокартину, в которой негра заживо, подобно окороку, цепляют на крюк.

Выступления Хьюза как бы создавали логическую раму для каждой из песен Джексона. С большим вниманием слушала его публика. Среди нее было много молодежи.

Нам снова хотелось послушать песни Махалии Джексона. В Нью-Йорке она давала всего два концерта, после чего должна была вернуться в Чикаго. Второй концерт предстоял в Бруклинской музыкальной академии. Но нам не суждено было на нем побывать. Не потому, что по долгу журналистской профессии нас заедала «течучка» и мы не могли выкроить на это время. И не потому, что нам не удалось раздобыть билеты. Пригласительные билеты лежали у нас на столе, но мы не могли ими воспользоваться. Волею американских официальных властей, воздвиг-

нувших искусственные препятствия общению между людьми из стран с различными общественными системами, для советских граждан закрыт Бруклин — один из городских районов Нью-Йорка.

К таким ограничениям на «свободной» американской земле мы уже успели привыкнуть. Мы знали, что если нас приглашает к себе знакомый американец из другого города или штата или если мы хотим предпринять воскресную прогулку на автомашине в окрестностях Нью-Йорка или чуть подальше, мы должны заглянуть в специальный справочник госдепартамента, содержащий длинный перечень деревень, городов и целых штатов, куда нам запрещен въезд. В Чикаго, например, мы могли лететь самолетом, но для поездки на автомашине требовалось специальное разрешение — окрестности Чикаго, как и некоторые дороги и лежащие на пути населенные пункты, были для нас «закрыты». Даже в Гленков, небольшой поселок, до которого час езды от Нью-Йорка и в окрестностях которого обычно располагаются наши делегации на сессии Генеральной Ассамблеи, мы имели право ехать по определенному маршруту, а никак не по какому-либо другому.

Правда, подобным ограничениям подвергались не одни мы, советские журналисты. Они распространялись на корреспондентов и всех граждан других стран социалистического лагеря и даже на журналистов из стран Северо-атлантического блока, если только они представляли прогрессивную печать.

Помню, представительнице телеграфного агентства Германской Демократической Республики АДН, прибывшей из Женевы в Нью-Йорк для освещения сессии Генеральной Ассамблеи ООН, было разрешено передвигаться лишь по нескольким улицам города, примыкающим к зданию ООН. Даже в этих предельно ограниченных рамках она не всегда могла ходить по обеим сторонам каждой из отведенных для нее улиц.

— Видите вон тот музей, расположенный на другой стороне улицы, наискосок от гостиницы, в которой я живу? — спросила она меня однажды.

Я посмотрел на небольшое каменное здание, находившееся в 200—300 шагах от подъезда гостиницы, у которой остановилась наша машина.

— Туда мне вход запрещен, — сказала наша спутница. — Я имею право ходить только по этой стороне улицы...

Заведующий международным отделом «Юмани-те», одной из крупнейших французских газет, Ив Моро, прибывший в Нью-Йорк для освещения дискуссии в ООН по алжирскому вопросу, часто был вынужден отклонять приглашения на те или иные интересные журналиста мероприятия, если они устраивались за пределами предписанной ему «зоны». Она ограничивалась пределами от 28-й до 96-й улиц Восточной стороны города. Западная сторона была для него закрыта.

Но вернемся к негритянской музыке. На втором концерте Махалии Джексон нам так и не удалось побывать, но много хорошей негритянской музыки нам довелось слышать и в нью-йоркском Гарлеме и в других местах.

С Лэнгстоном Хьюзом журналистская судьба нас еще неоднократно сталкивала. Мы многое узнали о его взглядах на литературу, театр, на положение негритянского писателя в современной Америке.

Белая американская журналистка, поклонница литературного таланта Хьюза, познакомившая нас с ним, предупредила:

— Этот человек никогда не был равнодушным. Он всегда и везде прежде всего считает себя сыном угнетенного народа.

В этом нетрудно убедиться, не только разговаривая с поэтом, не только слушая его речи и лекции, но и читая его книги. Своеобразной исповедью Хьюза можно считать его новую книгу. «Я размышляю, когда странствую». Яркие страницы книги посвящены поездке поэта в охваченную гражданской войной Испанию, а позднее — в Советский Союз. Побывав в советской Средней Азии, в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и других городах в тридцатых годах, тогда

еще молодой Хьюз убедился в том, как быстро под лучами социалистической революции огромная многонациональная страна избавилась от болезней национального гнета, конца которого еще не видно в его собственной стране.

Хьюз, который является автором более пятнадцати пьес, хорошо знает, как трудно добиться признания негритянскому драматургу, особенно если он не одержим жаждой наживы и отказывается поставлять Бродвею пошлые развлечения, оскорбляющие и унижающие его народ.

Незадолго до премьеры своей пьесы «Просто божественно» Хьюз выступил на форуме артистов и писателей. Собрание проходило не в каком-нибудь из фешенебельных театров Бродвея и не в банкетном зале шикарной гостиницы. Оно состоялось в скромном помещении на Седьмом авеню. Речь шла о проблемах американского театра. Хьюз горячо призывал развернуть кампанию за создание «настоящего внебродвейского негритянского театра, который дал бы выход талантливым молодым негритянским писателям и артистам».

— Театры нашей страны, — сказал он, — используют много произведений, созданных негритянскими авторами, но они это делают не в интересах негритянского народа. Мне хотелось бы увидеть вне Бродвея негритянский театр, не просто театр, целиком укомплектованный неграми, а театр, посвятивший себя темам, волнующим негритянский народ.

Хьюз часто и охотно говорит о проблемах литературы. На состоявшемся недавно первом национальном съезде американских писателей он поднял ряд важных для литераторов проблем, особенно волнующих молодых и даже маститых писателей-негров.

— Будучи черными, — сказал он, — они оказываются в черном списке.

— В Соединенных Штатах, — напомнил Хьюз, — имеются библиотеки, которые не поставят на свои полки книги, написанные негром. В нашей стране имеются журналы, ни разу не публиковавшие произведения негров или произведения, в которых гово-

рится о неграх, имеются киностудии, которые ни при каких обстоятельствах не воспользуются услугами писателей-негров.

Можно представить себе, как трудно в этих условиях пробиться на страницы журнала, на сцену театра или в издательство талантливым молодым негритянским писателям. Даже известным негритянским литераторам чаще всего с большим трудом удастся сводить концы с концами с помощью скудного литературного заработка. Хьюз, например, отмечает, что из десяти-двенадцати наиболее известных американских негритянских писателей более половины фактически находятся в изгнании.

— Они вынуждены жить за границей, — говорил он, — вдали от своего народа, от своих проблем, от источников, питающих их творчество. Это Ричард Райт, живущий в Париже, Честер Хайеме, Джеймс Болдуин, Фрэнк Ирби, Уильям Денби, живущие в Риме, Уильям Мотли, осевший в Мексике. Они покинули родину потому, что считают, что камни, которые хулиганы-расисты бросали в Отерину Люси, бросались и в них, потому что бомбы, подложенные под дом преподобного Мартина Лютера Кинга, предназначались и им и их детям.

В заключение Хьюз прочел свое короткое стихотворение о маленькой негритянке с Юга, которая, видя впервые в жизни расписную карусель в северном городе, спрашивает:

— Мистер, где негритянская часть этой карусели, где лошадка, на которой может прокатиться негр-тенок?

Хьюз говорит, что на всех писателях Америки лежит ответственность, пока черные дети задают такие вопросы.

Сам Хьюз, по праву считающийся одним из крупнейших поэтов и драматургов страны, не может целиком существовать на свои литературные заработки. Ему приходится выступать с платными лекциями.

В этой связи Хьюз рассказал о характерном эпизоде, участником которого он сам оказался.

По договору с лекционным бюро поэт выехал в один из небольших городов, расположенных в северной части страны. Лекцию ему предстояло прочитать в женском клубе. Такие клубы по всей стране чаще всего создаются под покровительством светских дам. Их интересами обычно и определяются программы деятельности таких клубов. Интерес женского клуба к литературной тематике был достоин похвалы, и Хьюзу приятно было думать, что в результате его лекции наиболее серьезная американская литература может приобрести несколько новых поклонниц.

Но неожиданно для самого лектора возникли осложнения. Когда он предстал перед членами комитета, которым поручили организацию лекции, Хьюз сразу же заметил, что они находятся в состоянии крайнего возбуждения. Причина выяснилась позднее. Все, казалось, шло своим чередом, пока не стало известно, что на лекцию собирается явиться несколько негритянских женщин. Кое-кто из белых дам запротестовал: как так, негритянки будут слушать лекцию негритянского поэта! Они категорически отказались присутствовать на такой лекции. Другие дамы тоже их поддержали, но все же заметили, что вряд ли будет выглядеть красиво, если на лекции негритянского литератора не будет ни одного негритянского слушателя, поскольку известно, что среди местного населения немало негров.

— Как-никак, — сказала одна из них, — мы ведь живем на Севере, а не на Юге нашей страны...

В конце концов дело уладили к удовлетворению великосветских дам. Сделали это, конечно, по традиционной ханжеской формуле: одна из дам — членов комитета взяла с собой на лекцию свою служанку-негритянку. Поскольку служанку они не считают за человека, «сто процентные» американки могли себя успокоить — негритянок, с их точки зрения, в аудитории не было. В то же время чернокожая прислуга служила декорацией, рекламой: вот, мол, мы какие — не побоялись пустить на лекцию негритянку!

Так была решена расовая проблема на лекции популярнейшего негритянского поэта Америки.

Джуди и Грэйди

Когда бы я ни приезжал в Соединенные Штаты на протяжении бурных, полных событиями послевоенных лет, мне всегда приходилось сталкиваться с множеством примеров жестокого преследования людей за их идеи и мысли. О таких фактах мы слышали на каждом шагу. Нам рассказывали о них американцы, читали мы о них и в американской печати.

Преследование людей прогрессивных взглядов носило самый разнообразный характер. Редкий год обходился без судебных процессов над лидерами прогрессивных политических организаций — коммунистической партии, профсоюзов, молодежных, студенческих и других организаций. Массовые аресты начались в 1948 году. На основании одного лишь реакционного закона Смита в тюрьмы были брошены сто сорок деятелей коммунистического движения.

Многие коммунисты, прогрессивно настроенные деятели приговорены к длительным срокам заключения и до сих пор томятся в тюрьмах. Среди них, в частности, находятся бывшие руководители Лиги коммунистической молодежи Генри Уинстон и Гил Грин. Один заточен в тюрьму в Индиане, другой — в Канзасе. Уинстон родом из штата Миссисипи. Он прошел путь, типичный для многих негритянских юношей своей страны. Чтобы помочь отцу содержать семью, Генри пришлось сочетать учебу в школе с работой. Когда отец, рабочий металлургического завода, стал безработным, мальчику пришлось расстаться с учебой и искать постоянную работу. Найти ее в годы кризиса было невозможно. Вскоре он вместе с другими молодыми рабочими стал выступать против расовой дискриминации, за предоставление пособий безработным. Путь борьбы привел его в комсомол, потом в коммунистическую партию. В знаменитом «голодном походе» в Вашингтон в марте 1932 года Генри возглавлял молодежную колонну. Он сделал многое для завоевания пособий и оказания помощи безработным в штате Канзас. В 1936—1942 годах Генри Уинстон был одним из секретарей американ-

ского комсомола. В годы войны он мужественно сражался против фашизма в рядах американской армии, а позднее возглавлял комиссию компартии по работе среди негров, был оргсекретарем компартии.

Аналогичный путь прошел и Гил Грин, бывший рабочий завода сельскохозяйственного машиностроения. В тридцатых годах он возглавлял Лигу коммунистической молодежи, после войны был председателем организации компартии в штате Иллинойс.

Многие деятели компартии, профсоюзного, молодежного, женского движения высланы из страны. Среди них, например, Клодия Джонс — умная, энергичная негритянка, которая сложным путем труда и борьбы пришла в ряды передовых людей Америки. Клодия Джонс родилась на острове Тринидад. В США она приехала девятилетней девочкой. Если бы она согласилась быть покорной рабыней, не поднимать свой голос в защиту поработенного негритянского народа, не протестовать против засилия монополий и подготавливаемой ими войны, никто не вздумал бы напомнить ей много лет спустя, что она, оказывается, вовсе не американка, а «иностранка» — родилась-то она на Тринидаде. Клодию неоднократно вызывали в разного рода комиссии, таскали по судам, бросали в тюрьмы и в конце концов выслали из страны.

Сотни организаций в стране зачислены в списки «подрывных». В их число была включена и Лига рабочих молодежи. Членам таких организаций запрещают работать во многих отраслях промышленности, в государственных учреждениях, служить в вооруженных силах, преподавать в школах и т. д. Их травят и преследуют на каждом шагу. Против них используют обширную сеть доносчиков и провокаторов, которых реакция подняла до уровня национальных «героев».

Годы «холодной войны», разгул маккартизма и другие крайние проявления реакционного мракобесия наложили глубокий отпечаток на умонастроения значительной части американской молодежи. Бернайс

Бриджес, крупный буржуазный знаток молодежных проблем, пишет в журнале «Эдалт эдьюкейшн»:

«В дополнение к тому, что многие проблемы представляются весьма сложными... добавляется страх, господствующий в нашем сегодняшнем обществе. Молодые люди чувствуют обязанность думать о своем будущем. Стоит им присоединиться к какой-нибудь группе, пожелавшей высказаться по вопросу о расовой сегрегации, о международных отношениях или выразить надежду на мир, которую разделяют буквально все, как они могут навлечь на себя расследование. Больше того, достаточно провести какую-нибудь молодежную встречу для обсуждения таких вопросов, чтобы почти наверняка вызвать подобное расследование».

Тысячи и тысячи людей подверглись за эти годы открытому или очень слабо замаскированному террору. Сколько деятелей молодежного движения приобрели тюремный стаж? Сколько профессоров, преподавателей университетов и школ, ученых, врачей, библиотекарей были уволены за эти годы по подозрению в «вольномудстве»? Сколько рабочих и служащих включены в «черные списки» как «неблагонадежные»?

Исчерпывающего ответа на эти вопросы получить просто невозможно, хотя США гордятся своей статистикой, точно регистрирующей в иных случаях до мельчайших подробностей многие, даже самые пустяковые явления в жизни своих граждан.

Не знаю, в какую графу официальной американской статистики зачислены два молодых американца из Нового Орлеана, но их судьба достаточно характерна для современного политического климата Америки, чтобы о ней здесь рассказать.

Джуди и Грэйди Дженкинс происходят из Южных штатов. Но не думайте, что вам предстоит узнать о трагической судьбе еще одной негритянской семьи. Оба они белые.

Высокий, стройный, голубоглазый блондин Грэйди родился на ферме в штате Миссисипи. Отец его не был ни плантатором, ни заводчиком. Как и большин-

ство жителей этого края, он был скромным тружеником. Его сын с ранних лет познакомился с безотрадной жизнью в одном из самых отсталых районов страны. Будучи не в состоянии прокормиться в родном штате, Грэйди подался на заработки в торговый флот, бороздил океан на грузовых судах. Позднее он вернулся в родные края, работал на речных пароходах Миссисипи. Грэйди стал квалифицированным механиком. К этому времени он уже многое узнал и понял. Он был членом боевого профсоюза моряков. В этом союзе неплохо было поставлено политическое просвещение, особенно в годы войны, когда гражданские моряки получили большие возможности вносить свою лепту в борьбу с фашизмом, что они делали с большим успехом. Одна из первых политических истин, которую познал Грэйди, заключалась в том, что борьба рабочих за свои права требует единства трудящихся, независимо от цвета их кожи. Теперь он понимал смысл многих явлений, которые наблюдал с детства. Понял, почему плантаторы и фабриканты постоянно стремятся разобщить трудовой народ по расовому, национальному и другим признакам, почему они натравливают белых на негров. Грэйди стал активным участником всех мероприятий, которые, по его мнению, соответствовали интересам трудящихся и помогали ломать искусственно воздвигнутые между ними перегородки.

Грэйди вел большую работу в профсоюзной организации и в сильно возросшем движении негритянского народа, в которое включались сознательные белые американские рабочие и часть интеллигенции.

Два года назад в Новый Орлеан вместе со своей сенатской подкомиссией по вопросам внутренней безопасности прибыл духовный наследник Маккарти, он же глашатай диксикратов, южных плантаторов, сенатор Истлэнд. Сенатор пытался организовать «инквизицию» по образцу тех, которые с таким шумом проводил Маккарти. Вокруг работы подкомиссии умышленно создавалась атмосфера террора и страха. Людей пачками вызывали на допрос к Истлэнду. Среди них оказались и молодые супруги Дженкинс.

...Сидя в просторном коридоре и дожидаясь вызова на допрос, Грэйди не обращал внимания на сновавших кругом репортеров, на вспыхивавшие лампы фото- и киноаппаратов, на окрики полицейских, вводивших новых людей, мужчин и женщин, старых и молодых. Грэйди думал о другом, он думал о своем родном Юге.

— Какой это богатый и какой это вместе с тем нищий край! Кому он принадлежит, кто им владеет? Это, конечно, те же северные магнаты. Их, вероятно, не так уж много. Металлургические заводы Бирмингама, Бессемера, Фейерфилда принадлежат Стальной корпорации, то есть Моргану. Рокфеллеровская «Стандарт ойл оф Калифорния» владеет правами на разработку нефти более чем на двух миллионах акрах в Техасе, Джорджии, Луизиане, Миссисипи, Алабаме, а родственная ей тоже рокфеллеровская корпорация «Атлантик рифайнинг» — свыше чем на трех с половиной миллионах акров в тех же штатах плюс Арканзас, Флорида, Оклахома.

— А хлопок, табак? Весь табак скупают две-три табачные монополии, главным образом «Рейнолдс» и «Америкен табакко». Хлопковые операции почти полностью контролирует «Андерсон, Клейтон и К°» — моргановское заведение. От них зависят и с ними тесно сотрудничают южные плантаторы. Северные магнаты высоко ценят это сотрудничество, особенно в американском конгрессе в Вашингтоне, где вместе с южными ставленниками нефтяных монополий они контролируют важнейшие комиссии сената и палаты представителей.

«Тут-то и зарыта собака, — думал про себя Грэйди. — Иначе не понять смысла шумихи, которую на всю страну затеял Истлэнд. Боятся, что люди поднимут головы. Хотят напустить страху. Истлэнд мастер по этой части...»

Грэйди думает о человеке, который его сейчас будет допрашивать. Он тоже из Миссисипи. Земляки. Бедная Миссисипи! Ее представляет один из тех, кто больше всего над нею измывается. В штате свыше миллиона негров — половина всего населения. Ни од-

ного из них вы не найдете в законодательном собрании штата или хотя бы в каком-нибудь муниципальном органе. Во всем штате вы не насчитаете и полдюжины больниц для негров. Когда некоторое время тому назад в штате появились две негритянские медсестры, большая нью-йоркская пресса преподнесла это событие как «великое достижение на пути прогресса цветного населения».

Бесправны в Миссисипи не только негры. Почти 80 процентов избирателей отстраняются от участия в выборах. В последних выборах президента и членов конгресса от Миссисипи участвовало... 22 процента избирателей!

В защиту такой «демократии» мечет свои громы и молнии рабовладелец Истлэнд, пытающийся еще поучать свободе и демократии народы других стран. Дать бы волю невольникам, орошающим своим потом плантации Истлэнда в Додсвилле, в дельте Миссисипи. Негры-издолщики знают его как «мистер Джим». У него их не мало — больше восьмидесяти семей. Живут они в жалких хибарках, в вечном страхе потерять потолок над головой, если они чем-нибудь не угодят своему хозяину.

Ловкую систему придумал этот барин, такую, что ни охнуть, ни вздохнуть! С одной стороны, они вроде свободные люди, граждане Соединенных Штатов. С другой — чем они лучше рабов?

Полгода, с марта по август, издолщики живут на так называемом «фэрнише», небольшой ссуде, которую им милостиво предоставляет барин. На семью в четыре человека ссуда эта составляет около 40 долларов в месяц. Сбор хлопка начинается в конце августа. Это горячая пора. В течение четырех месяцев вся семья от зари до зари гнет спину на мистера Джима, собирает, упаковывает, очищает его хлопок. Правда, когда говорят «вся семья», не имеют в виду младенцев. Участвуют только дети, достигшие «подходящего возраста». Подходящими их считают «только» с шести лет. Если семье повезет, к концу декабря на ее счету окажется двадцать кип, общим весом (после обработки) не менее 10 тысяч фунтов. За каждую

кипу весом более 500 фунтов издолщик получает 10 долларов, но не деньгами, а чеком. Этот чек он может предъявить только в лавке своего хозяина, мистера Джима. Подсчет показывает, что, работая не менее двенадцати часов в день, семья из четырех человек может заработать у Джима 3 цента в час... Да и эти центы не так-то легко получить у барина.

«Расчеты» обычно производятся в конце декабря. Это очень сложный и темный процесс манипулирования, которым командует бухгалтер мистер Риддел. Он подсчитывает общий размер «фэрнишей», выданных с весны, стоимость товаров, взятых в лавке, разных услуг, оказанных плантацией издолщику. После всего этого многим сообщают, что они остались должниками плантации, других извещают, что за год им причитается 2—3 доллара, некоторым обещают выдать 100—200 долларов. На эти деньги им предстоит прожить зиму. Только весной можно рассчитывать на получение новых «фэрнишей». Все так продумано, что издолщик никогда не может вылезть из кабалы, он вечный должник плантатора. При этом расчеты производятся за его спиной, ему не разрешено заглядывать в бухгалтерские книги, в счета, которые за него ведет доверенный плантатора. Жаловаться некому. Управляющий Годболд — человек крутой. В грубости и ханжестве он мало чем уступает самому хозяину. Такой же до мозга костей расист. Негра он и за человека не считает. Скотина и та ему дороже.

Работающему на Истлэнда издолщику никогда не дают забывать, что тюрьма находится менее чем в 20 милях от плантации, в Парчмене. Между тюрьмой и плантацией постоянно поддерживается самая живая связь. Немало людей из всей округи, осужденных на разные сроки тюремного заключения, отбывали их на плантации Истлэнда. Помощники управляющего плантацией Ратледж и Джонс (в народе их просто зовут «шкуродерами») часто курсируют между тюрьмой и поместьем. То они привозят оттуда заключенных для работы, то увозят туда «своих» провинившихся издолщиков, работавших недостаточно усердно, взбунтовавшихся против обчетов или про-

сто пытавшихся бежать от невыносимых условий жизни на плантации.

Два года назад они поймали двух таких несчастных негров, решивших спастись бегством от ислэндской каторги. Они их избили до полусмерти. Об этом эпизоде никто еще не забыл.

Конституция, гражданство, свобода. Эти понятия лишены всякого смысла для издольщиков.

Никто из них никогда не голосует и не смеет требовать этого своего конституционного права. Мистер Джим не допустил бы такой вольности. Его люди все равно доказали бы, что издольщик не отвечает многим требованиям закона. Чтобы голосовать, надо уметь читать и писать. Многие издольщики никогда не переступали порог школы. Нужно «уметь толковать конституцию». Как бы издольщик ее ни толковал, это толкование не устроит плантатора и его друзей — шерифа, судью и других чиновников. Даже если бы издольщики преодолели все эти барьеры, их не допустили бы к избирательным урнам. Они хорошо помнят, как «обрабатывали» смельчаков, решившихся принять участие в голосовании в соседних городках Белзони и Язу. На них обрушились молодчики из «комитетов белых граждан». Их зверски изуродовали.

Дорога, ведущая к поместью сенатора Ислэнда, проходит по небольшому мосту, перекинутому через речку с красивым названием. Она называется Сан-флауэр-ривер — Подсолнечная река. Местные жители говорят, что «закон никогда не пересекает этот мост».

За мостом господствуют плантатор Ислэнд и его подручные.

— Дженкинс! — кричит полицейский.

Грэйди не сразу соображает, что это относится к нему, что его вызывают к сенатору. Воспоминания уходят куда-то далеко-далеко. Их сменяет учащенное биение сердца, стук в висках. В голове проносится мысль:

«А ведь я не подумал, что сказать инквизитору Джиму...».

Но начинается допрос, и Грэйди напрягает все силы, чтобы придать своему голосу спокойствие. Голова по-прежнему начинает работать ясно.

Он спокойно отвечает на стандартные вопросы: Фамилия? Имя? Возраст? Место рождения? Семейное положение?..

В допрос включается Истлэнд. Он требует, чтобы допрашиваемый рассказал о своих политических взглядах.

Грэйди отказывается отвечать.

— К каким принадлежите политическим организациям? — спрашивает Истлэнд.

Грэйди отказывается отвечать.

— Кто руководит вашей организацией? — требует ответа сенатор.

Грэйди молчит. Он не собирается отвечать и на этот вопрос.

Сенатор багровеет от злости. Он не ожидал так много упрямства в этом бледном, худом, бедно одетом парне из Миссисипи.

— Ты коммунист! — кричит он в исступлении.

Грэйди сжимает кулаки, но сохраняет спокойствие. Ровным, невозмутимым голосом он заявляет, что знаком с конституцией своей страны, что, насколько ему известно, она еще не отменена. Если так, то он хотел бы сослаться на первую, пятую и ряд других поправок к конституции, которые дают ему, Дженкинсу, право не отвечать на такие вопросы.

— Объявляю, что не допущу больше таких ссылок! — вопит Истлэнд.

— Что ж, сенатор, можете объявлять и объявлять сколько вам угодно... хотя бы до тех пор, пока не будут раскрепощены ваши издольщики в штате Миссисипи...

Грэйди сам удивляется, с каким спокойствием ему удалось произнести эти слова. Он сразу же почувствовал, что угодил в одно из самых чувствительных мест противника.

Сенатор вскочил как ужаленный. Он начал стучать по столу своим деревянным председательским молотком с такой силой, что разбил его в щепки.

Секунды тянулись мучительно долго, пока Истлэнд соображал, как ответить дерзкому юноше.

Он прекратил допрос и тут же закрыл заседание комиссии.

Истлэнд поклялся сгноить Дженкинсов в тюрьме.

Его угроза не повисла в воздухе. Семья Дженкинсов почувствовала силу разгневанного мракобеса.

После допроса, которому его подвергли в комиссии, Грэйди, давно уже страдавший от туберкулеза, серьезно заболел. Его пришлось уложить в Дибертскую туберкулезную больницу. В это время и был издан приказ об его аресте по обвинению в «подрывной деятельности» на основании двух актов: принятого в Луизиане в 1949 году закона о так называемой «преступной анархии» и более позднего закона, запрещающего коммунистическую партию и другие прогрессивные организации. Эти организации опротестовали перед Верховным судом США конституционность подобных законов, принятых не только в Луизиане, но и в большинстве других штатов. В деле Стива Нельсона, руководителя пенсильванских коммунистов, им после длительной борьбы удалось добиться отмены решения местного суда, принятого на основе такого же антиконституционного закона. Но ссылки на этот прецедент не принимались в расчет местными властями. Для них директива Истлэнда была важней положений конституции страны. Они и не думали ослаблять преследования Дженкинсов.

Когда друзья стали хлопотать, чтобы Грэйди до суда разрешили остаться на свободе под залогом, судья решил назначить такую сумму залога, которая оказалась бы не под силу хлопотавшим о нем организациям. И он ее назвал: 15 тысяч долларов!

В это же время в тюрьму бросили его жену — Джуди, худенькую блондинку, бывшую сварщицу судоверфи «Хиггинс». Ей предъявили то же обвинение, что и ему, — принадлежность к компартии, борьбу за мир и человеческие права. Дома осталось двое детей — дочка Джойс, двух с половиной лет, и семнадцатимесячный Сэмми, названный этим именем в честь интересного человека, отважного борца за рабочее

дело Сэма Холла, бывшего редактора газеты «Саутерн уоркер» («Южный рабочий»). Их мать посадили в тюрьму без следствия и суда. Сделали это типичными для заатлантической «демократии» методами: хотя Джуди всю жизнь жила в одном и том же доме в Новом Орлеане, в котором она родилась, хотя она в последние годы никуда не выезжала и не отлучалась, ее умудрились квалифицировать как человека, «уклонившегося от правосудия».

Вместе с Дженкинсами арестовали еще трех человек — Ричарда Фейса, его жену Уинифред и негритянского лидера Питтса Одэлла.

Арест Джуди, матери двух крохотных детей, вызвал большое возмущение общественности, и вскоре ее освободили под залог в 3 тысячи долларов, внесенный прогрессивными организациями. Как только общественность успокоилась, Джуди снова арестовали по тому же обвинению.

Видимо, продолжала действовать угроза сенатора Истлэнда. На сей раз власти уже потребовали залог в 15 тысяч долларов — такую же сумму, которая была установлена для освобождения ее мужа.

Расчет был простой: в создавшейся обстановке, когда профсоюзных и общественных деятелей хватали направо и налево, когда реакция готовила один судебный процесс за другим, местным организациям, у которых каждый доллар на учете, нелегко будет собрать 30 тысяч долларов для временного освобождения супругов Дженкинсов. Этого и добивался Истлэнд. Ему важно было поскорее «упечь» супругов в тюрьму, а позднее добиться их осуждения на основе обвинений в «подрывной деятельности». Таким образом, он мог бы «организовать» для Грэйди и Джуди по тридцать пять лет тюремного заключения.

Грэйди все еще оставался в больнице. Болезнь оказалась более серьезной, чем предполагалась, и очень затяжной. Местного шерифа это не смущало. Данный ему приказ гласил: во что бы то ни стало арестовать Дженкинса. Шериф не собирался шутить с этим «красным» парнем. Он лично отправился в больницу. Врач не советовал трогать больного, пре-

дупреждал, что его состояние слишком тяжелое. Тогда шериф, недолго думая, цепью приковал Грэйди к постели...

«Волосы встают дыбом при мысли о злобном характере людей, способных приковать цепью к кровати больного инвалида, как какую-нибудь собаку, — писала по этому поводу в редакционной статье газета «Дейли уоркер». — Международное общественное мнение все еще возмущено ролью Истлэнда и государственного департамента в деле, приведшем к самоубийству канадского дипломата Нормана *. Аресты в Новом Орлеане и зверское обращение с Грэйди Дженкинсом должны вызвать новую волну возмущения».

Глумление над семьей Дженкинсов действительно вызвало возмущение во многих городах Америки. В Новом Орлеане, Нью-Йорке и других городах возникли комитеты защиты отважных молодых борцов за человеческие права. Протесты стали поступать и из-за границы. Прогрессивные люди развернули широкую кампанию в защиту очередных жертв разбушевавшейся реакции.

* Н о р м а н — канадский дипломат, которого травил комиссия конгресса США по расследованию «антиамериканской» деятельности.

**ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ
И ПОЭЗИЯ СМЕРТИ**

Поэту Уолтеру Лоуэнфелсу не приходится обращаться к старику «Уэбстеру» — самому толстому академическому английскому словарю — для выяснения происхождения и смысла слова «реакция». Да и вряд ли его удовлетворит то, что он там найдет. Во всяком случае, там нет ни одной из тех ярких иллюстраций, которые он сам может привести из личного опыта.

Совсем еще недавно его вместе с руководителем передовых пенсильванских рабочих Стивом Нельсоном и корреспондентом «Дейли уоркер» Джеймсом

Долсеном таскали по судам и обвиняли в самых «тяжких преступлениях»: в нежелании поклоняться богу Уолл-стрита, в приверженности новым прогрессивным идеям, овладевшим в середине двадцатого века умами значительной части населения нашей планеты. Судья Обриен рычал на них: «По моему суждению, ваше преступление хуже убийства». Среди вещественных доказательств были книги, которые они распространяли. В их числе «Коммунистический манифест», ленинское «Государство и революция».

У Уолтера очень живые, смеющиеся глаза и юношеская улыбка, раздвигающая черные усы и открывающая белые крепкие зубы. За большим и упрямым лбом следует изрядная лысина, обрамленная черными волосами.

Говорит он спокойно, размеренно, не атакуя своего собеседника, а как бы вводя его в лабораторию своего мышления.

— Знаете, я не просто против капиталистической системы, — поясняет Лоуэнфелс. — Я против абстрактной механизированной концепции мира, цепко владеющей западной цивилизацией на протяжении последних пяти столетий. Но я и не высказываюсь за возвращение к земле, я не хочу, чтобы люди ломали машины. Я хочу, чтобы социализм подчинил машины, чтобы с их помощью мы начали обновлять самих себя, чтобы мы почувствовали, что живем достойной, полнокровной жизнью.

Подумав, поэт продолжает развивать свою мысль:

— В песне, как и во многих других проявлениях человека, лучшим аргументом служит пример. Своими действиями мы можем показать народу, что социализм это светлая песня, она не делает людей рабами. Напротив, именно капиталистическая система превращает человека в механическое приспособление, обезличивает его, лишает гуманности, делает человека рабом хлеба и только хлеба, изгоняет песню из его жизни.

— Поэма нашей жизни в опасности. Мой старый друг, поэт и критик с западного побережья Кеннет Рексрот, называет имена двадцати трех получивших

признание поэтов, покончивших жизнь самоубийством за истекшие четверть века.

Рексрот. Я припоминаю это имя. Это довольно видный американский буржуазный поэт и критик, выступающий по радио, печатающий статьи и рецензии во многих журналах. Это он сравнительно недавно говорил, что поэзии «просто не существует в Соединенных Штатах», что поэт счастлив, если книга его стихов расходуется хотя бы в двухстах экземплярах, что сам он, Рексрот, никогда не зарабатывал на поэзии достаточно средств, чтобы оплатить почтовые и другие расходы по изданию своих произведений...

Лоуэнфелс задумывается. Какие мысли у него в голове? О чем он думает, о чем вспоминает? Быть может, поэтов, которых знал, с которыми не соглашался, спорил. Многие из них блуждали по тропкам жизни, заходили в тупик, не находили выхода на широкую светлую дорогу, не видели ничего, кроме окружавшего их мрака. Загнивание буржуазного общества рисовалось им как гибель всей цивилизации. И тогда многие из них, по выражению одного из героев Генри Миллера, принимались танцевать свой «последний чудовищный танец» над кратером. Они оплакивали себя и свое поколение, воспевали смерть и разрушение, а нередко и сами сходили с тропы жизни, внося свою лепту в рекордную статистику самоубийств.

Быть может, упомянув о Рексроте, Лоуэнфелс вспомнил о дискуссиях и спорах с этим своим другом, который при всех его недостатках, во всяком случае, хорошо знает и понимает, в какие узкие рамки современное долларовое общество загоняет своих поэтов, как и других людей творческого труда. Ведь именно он, старина Кеннет, размышляя над судьбою писателя в его родной стране, тонко подметил, что он может писать о чем угодно, лишь бы не покушался на образ жизни, установленный капиталом.

— Вы, — говорил Рексрот, — можете писать о трущобах, о проституции, о деградации в высших кругах, но мораль «американского образа жизни» всегда должна там присутствовать; она должна быть впле-

тена в ткань произведения таким путем, чтобы никто этого не заметил.

Помолчав, Лоуэнфелс возвращается к своей прежней мысли, к разговору о поэзии жизни и поэзии смерти.

— Я не собираюсь высказываться в пользу самоубийства, — говорит поэт. — Фил Боноски* как-то сравнил поэтов с птичками, которых горняки, бывало, брали в забой. Жертвуя собой, птички предупреждали горняков об отравлении воздуха. Но когда птички сами режут себе горло, разве это не верный признак появления отравы?

Меня самого пытались обвинить в самоубийстве. Мне говорили, что я, мол, сменил поэзию на политику. Я изменил своей вере, утверждали некоторые мои старые друзья. Поэт, говорят они, несет определенную ответственность, он обязан быть поэтом.

Я не отмахиваюсь от этих аргументов. Я разъясняю, что никогда не отказывался от поэзии. Для меня политическая деятельность всегда была и есть поэзия, процесс творческий. Я не вижу водораздела между политикой и поэзией. Отказался я не от поэзии как таковой, а от определенного вида поэзии, от поэзии смерти. Политическая деятельность, которая представляется мне поэзией, спасла мою жизнь. А ведь это нечто прямо противоположное самоубийству.

Лоуэнфелс говорит о положении литератора, поэта в современной Америке.

— Нам постоянно угрожает опасность — опасность, что нас может засосать цинизм, отчаяние, насилие, которые изо дня в день в наши головы вбивает механическая капиталистическая культура. Этим я не хочу сказать, что у нас нет ничего другого. Я лишь подчеркиваю господствующий тон этой культуры, тон, навязывающий один и тот же слепой выход из любого идиотизма — атомное уничтожение. Это одна из причин, почему я говорю, что мирное сосуществование — уважение прав других, сам по себе мир —

* Филипп Боноски — прогрессивный американский рабочий писатель.

это поэма нашего времени. Вершиной же капиталистической культуры, очевидно, является война, а не мир. Крупнейшие генералы становятся во главе университетов и самого правительства. Их самые чудодейственные механизмы достигают наибольшего совершенства при изготовлении водородных бомб. В наши дни наши повелители постоянно угрожают взорвать себя и потянуть за собой столько из нас, сколько они сумеют отравить гамма-лучами в обозримом отрезке будущего времени.

Лоуэнфелс останавливается, в глазах появляются огоньки, на лице мягкая улыбка.

— Вот почему, — заканчивает он беседу, — я решительно высказываюсь за создание такого общества, в котором число самоубийств сокращается весной, в противоположность нынешней тенденции, когда в нашей стране самоубийства возрастают как раз тогда, когда расцветает природа.

«Прощайте, госпожа война»

Эрни Либермэн, молодой учитель из Лос-Анжелоса, — талантливый исполнитель народных песен. Его знают во многих штатах. Свою педагогическую деятельность Эрни сочетает с концертными выступлениями.

Если вы хотите познакомиться с его репертуаром и манерой исполнения, не ищите Эрни на подмостках модных ночных клубов и кабаре. Не найдете вы его имя и в программах американского радио и телевидения. Зато его легко встретить на рабочей массовке, на собрании, где обсуждаются гражданские права, на скромной ферме, где соседи собираются послушать приятный голос молодого певца, поющего о простых людях, об их горестях и радостях, их заботах и тревогах, надеждах и мечтах.

Народные песни полюбились ему давно. В концертах Эрни начал исполнять их в шестнадцатилетнем возрасте. К двадцати годам он совершил два больших турне «вдоль да поперек» своей страны.

Позднее он побывал с концертами в разных странах Европы.

Многие именитые певцы, развлекающие отборную публику в кафешантанах и мюзик-холлах, могут позавидовать молодому Эрни. У него всегда имеется понимающая и благодарная аудитория. Чаще всего ему приходилось выступать среди рабочих-электриков, грузчиков, обувщиков и кожевенников, на собраниях и вечерах профсоюзных организаций, Конгресса в защиту гражданских прав, Ассоциации защиты цветного населения, студенческих и других молодежных организаций.

В последние годы значительным успехом пользуется исполняемый Эрни с большим подъемом цикл песен, посвященных борьбе за мир. Он открывается песней «Прощайте, госпожа война», включает ряд других народных антивоенных песен, в частности негритянскую «Не нужно больше войны».

Для Эрни песня — это прежде всего выражение возвышенных человеческих чувств, средство борьбы за улучшение и украшение жизни. Вот почему, когда несколько лет назад группа молодых музыкантов объединилась для издания небольшого ежемесячного журнала, названного ими «Синг аут!» («Пой!»), в редколлегию вошел также Эрни. В журнале наряду с маститым Полем Робсоном, поэтом Уолтером Лоуэнфелсом активно сотрудничали собиратели и исполнители народных песен Бетти Сэндерс, Пит Сигер и другие.

«Этот журнал, — говорилось в программной редакционной статье первого номера, — посвящается музыке. Да, мы знаем, что в нашей стране уже существует немало музыкальных журналов. Что же особенного в нашем издании?

Разная бывает музыка. Странная вещь произошла со значительной частью музыки в наше время — она уже больше не имеет ничего общего с народом. Дело дошло до такого состояния, когда иные ведущие композиторы с серьезным видом утверждают, будто музыка — это только математическое сочетание звуков, лишенное всякого иного смысла. Такое ут-

верждение противоречит всей истории. Можно показать, и мы это в дальнейшем покажем, что музыка всегда была тесно связана с жизнью народа. Мы намерены посвятить себя созданию, развитию и распространению чего-то нового и в то же время не столь нового, поскольку начало положено уже давно. Для нас это народная музыка. В какой степени она служит общему делу человечества? Думая об этой цели, мы пришли к глубокому убеждению, что главной задачей в наше время является мир. Только в обстановке мира мы можем наслаждаться нашим музыкальным наследием и обогащать его, только в условиях мира можем мы продвигаться к большей свободе и полному братству. Этого мы должны добиваться в музыке и в жизни...»

Редакция сдержала свое слово. В первом же номере она поместила тексты музыки и слов нескольких интересных песен. В одной из них, «Песни о молоте», содержится призыв к свободе и справедливости. Другая была рождена героической обороной участников знаменитого концерта Поля Робсона в Пикскилле (близ Нью-Йорка). В песне «Облицованные мрамором банки» (сочиненной фермером Л. Райсом из штата Нью-Йорк) поется о тяжелой доле тружеников в стране, где господствует власть денег, о разорившемся фермере, чей дом и все хозяйство продаются с молотка на аукционе, о безработном моряке, который не может найти себе работу, о горняке, чьи дети забнут от холода, так как у семьи нет угля.

В маленьком журнальчике можно было найти и другие песни. Рядом с национальным гимном порабощенной американской колонии Пуэрто-Рико — «Ла Боринкена» — на обрамленной цепью страничке редакция поместила заметку, рассказывавшую о том, как исполнение этого гимна при выходе пуэрто-риканской команды на спортивной олимпиаде стран Центральной Америки вызвало дипломатический инцидент. Представитель госдепартамента США Паттерсон заявил резкий протест против того, что появление пуэрто-риканских спортсменов отметили пуэрто-риканским гимном, а не гимном США.

В песенке «Нет больше красных в профсоюзе», перекликающейся с событиями сегодняшнего дня, рассказывается о том, как деградировал профсоюз, из которого реакционерам удалось «изгнать красных» и направить организацию по пути соглашательства и уступок хозяевам, усиливающим эксплуатацию рабочих.

Была здесь и коротенькая песенка об антинегритянском терроре. Ее привезли с Юга. Поется она от лица закованного в кандалы, произвольно осужденного негра.

К месту была напечатана и баллада о погибшем горняке. Таких песен много в Америке. И хотя их нельзя услышать на Бродвее или по радио, нам рассказывали, что их поют во многих горняцких семьях Пенсильвании и других штатов.

Была в этом замечательном журнальчике и статья самого Эрни Либермэна, пылкого юноши, делившегося своими впечатлениями о поездке с народными песнями в районы «глубокого Юга».

— Проехав в автобусе двадцать пять часов, — рассказывал Эрни, — я сошел на незнакомую землю и вскоре оказался в помещении местного профсоюза. Там шло собрание. Окна были плотно занавешены. Меня поразила царившая тишина и очень сосредоточенные лица. В самом центре антинегритянского Юга белые и негры собрались на одно общее собрание. Один этот факт что-то да значил. Собрание организовал Конгресс борьбы за гражданские права штата Джорджия.

Председателем был маленький старичок со сморщенным лицом, говоривший шепотом. Слушали его внимательно. Люди знали, что этот хилый на вид человек показал себя мужественным, стойким борцом. Ему не приходилось рассказывать о том, как куклуксклановцы зажгли огненный крест перед его домом, как он один отогнал их с помощью электрического фонаря и охотничьего ружья. Об этом инциденте знали все.

Собрание проходило активно. Началось оно молитвой, взывавшей к освобождению народа. Затем

Рядовому американцу война не нужна.

хором спели несколько негритянских песен, потом внимательно слушали мое пение, выступления ораторов.

Обсуждалась программа борьбы в защиту гражданских прав. Наметили кампанию вербовки в члены Конгресса борьбы за гражданские права. Решили добиться увеличения рядов конгресса в этом штате.

с восьмисот человек до восьми тысяч. План действий включал защиту молодого негра из Кароллтона (Джорджия). Его приговорили к смертной казни по обвинению в преступлении, к которому он не был причастен.

— В Новом Орлеане, — продолжал Эрни, — я обнаружил широкое поле для нашей деятельности. Я выступал в Диллардском университете, на вечере, организованном Ассоциацией молодежи и Конгрессом борьбы за гражданские права, в негритянской баптистской церкви и на банкете, устроенном в крупнейшем негритянском ресторане города.

Много тысяч километров с тех пор изъездил по родной стране молодой певец. С гитарой в руках, с песней — то грустной, то веселой, но всегда бодрой — Эрни пробуждает и просвещает людей, предупреждает их об опасности войны, зовет к укреплению великой армии мира и труда. Разоблачая фабрикантов оружия, пригвозждая к позорному столбу торговцев смертью, провокаторов, готовых поджечь земной шар водородными факелами, запевала Эрни вместе с передовой молодежью своей страны поет: «Прощайте, госпожа война».

Они были в Москве

Кого только не встретишь в здании Организации Объединенных Наций, огромном стеклянном небоскребе на берегу широкой Ист-ривер. Многие жители Нью-Йорка приходят сюда в дни наиболее интересных дискуссий. Тогда у конторок на первом этаже, где одетые в строгие синие форменные костюмы девушки выдают входные билеты, выстраиваются длинные цепочки очередей. Временами здесь появляются делегаты происходящих в городе конгрессов и конференций учителей, профессоров, врачей, инженеров. Иногда по коридорам прохаживаются дородные джентльмены с приколотыми к петлицам большими ярлыками, на которых мелким шрифтом написано: «Конгресс ассоциации кредитных компаний», или: «Национальная конференция

владельцев спирто-водочных предприятий», и более крупными буквами: «Мистер Джеймс Р. Паттерсон», или: «Мистер Айвон Д. Колдгери». Это значит, что сюда пришли бизнесмены, которые между своими деловыми заседаниями осматривают достопримечательности города.

Но больше всего здесь бывает экскурсий любознательной молодежи, студентов, школьников. Они приезжают группами, классами, а то и целыми школами или факультетами. В подземных гаражах здания ООН вы можете увидеть десятки автомашин и автобусов с номерными знаками близких и далеких штатов. На первом этаже в специальном магазине посетители запасаются справочной литературой, сувенирами, открытками, значками, марками, флажками разных стран — членов ООН. Затем они попадают во власть экскурсоводов, рассказывающих, как на месте трущоб и скотобоев было построено импозантное международное здание. Им расскажут, что оно обошлось в 68 миллионов долларов, а если экскурсоводом окажется девушка с умным лицом и большими карими глазами, говорящая по-английски с французским акцентом, она, возможно, добавит: «Это на два миллиона долларов меньше, чем у вас тратят на строительство одного линкора». Дальше она, вероятно, не пойдет, хотя ей, быть может, очень захочется сказать этим простым американским юношам и девушкам, как важно для них самих и для всего человечества, чтобы они активно включились в борьбу за мир. Ее, как и других экскурсоводов, предупредили: не занимайтесь политикой, будьте нейтральны. Но как можно быть нейтральным в вопросах мира и войны? Такой нейтралитет ей представляется равнозначным поведению человека, который отворачивается и закрывает глаза, когда видит, что злоумышленник пытается поджечь дом, полный мирно спящими людьми. И она старается немного расширить горизонт своих молодых американских друзей.

Если судить по той американской молодежи, которая с таким живым интересом знакомится с Организацией Объединенных Наций, ее деятельностью, спрашивает про делегации различных стран, их пози-

ции и предложения, то невольно возникает вопрос: почему так много газетных обозревателей в США изображают молодежь своей страны «потерянным поколением», которое они с эдакой легкостью готовы на чисто списать со счетов как фактор общественно-политической жизни своей страны?

Тот, кто внимательно следит за политической жизнью Соединенных Штатов, не может, конечно, пройти мимо весьма интересного и, можно смело сказать, симптоматичного явления. Споры по вопросу о направлении внешнеполитического курса США продолжают разгораться, выявляя различные мнения и тенденции. В ходе «большой дискуссии», как ее иногда называет пресса, заметно крепнут голоса сторонников обновления политики, приспособления ее к новым условиям, сложившимся в мире, придания ей большей гибкости и реалистичности. Они требуют отказа от бесплодной политики «с позиции силы», от «холодной войны» как средства сознательного сохранения международной напряженности; настаивают на проведении серьезных международных переговоров и достижении между государствами соглашений по наиболее актуальным вопросам и в первую очередь по вопросу о прекращении испытаний ядерного оружия. Весьма характерно, что такие требования в последнее время исходят не только от прогрессивных организаций трудящихся, от рабочих, фермеров, студенчества, но и от некоторых наиболее дальновидных буржуазных деятелей.

— Мы, — говорит, например, крупный американский финансист Сайрус Итон, — заблуждаемся, если думаем, что коммунизм в России и Китае рухнет. К сожалению, такого мнения придерживались многие в Соединенных Штатах на протяжении сорока лет. Последние двенадцать лет мы ведем «холодную войну» против России в военной области, в политической области, в области культуры, дипломатии и идеологии... Эти двенадцать лет безумия принесли лишь утрату доброго отношения к нам со стороны даже наших друзей по НАТО и породили угрозу атомной катастрофы.

Я убежден в стремлении русского народа к миру. Русские делают нам предложения о мире, мы игнорируем их... В Соединенных Штатах народ также стоит за «мирное наступление». Мы ждем динамичного руководства.

Свежие ветры проникают и во многие американские молодежные организации, включая студенческие. В университете штата Вашингтон за одну неделю было собрано свыше двух тысяч подписей под петицией, требующей запрещения испытаний водородных бомб. «Прекращение испытаний, — говорится в петиции, — серьезно способствовало бы приостановлению гонки ядерного вооружения». Такое соглашение «помогло бы ослаблению напряженности и созданию политической атмосферы, благоприятной для положительных шагов по укреплению мира».

Аналогичные требования исходят и от других студенческих групп и молодежных организаций.

Среди американской молодежи нередко можно встретить спорящих между собой юношей и девушек. Многие молодые люди разуверились или по крайней мере ставят под сомнение преподносимую им' изо дня в день пропаганду, которая шиворот-навыворот изображает международную жизнь, рисует империалистов «агнцами», а борющихся за мир и независимость людей — «дезорганизаторами», «смутьянами», «бунтовщиками».

Мне приходилось наблюдать, как часто бродившие по коридорам ООН студенты и школьники заглядывали в то крыло здания, где надписи гласят: «Район ограниченного доступа. Секция прессы». Здесь размещается отдел печати секретариата, который устраивает пресс-конференции, раздает корреспондентам тексты речей, докладов, предложений, меморандумов, так называемые «пресс-релизы», предназначенные для печати заявления и сообщения. Здесь же находятся филиалы крупнейших радиотелеграфных компаний. Их услугами журналисты пользуются для передачи своих сообщений. Наиболее крупным агентствам и газетам отведены отдельные комнаты, где они име-

ют свои телефоны, телетайпы, машинки, радиоприемники.

Попав в эту «резервацию» для прессы, рассматривая таблички с коротенькими названиями агентств и газет, молодые экскурсанты нередко останавливались у двери комнаты, отведенной советским корреспондентам. Наиболее робкие иногда толпились у двери, дожидаясь, пока выйдет советский человек, чтобы просто посмотреть на него или сказать «хэлло!». Другие без особых церемоний открывали нашу дверь, и тогда на нас устремлялись десятки пар широко раскрытых любопытствующих молодых глаз.

Один такой эпизод мне особенно запомнился. Это было весной 1957 года. Затянувшаяся в тот год сессия Генеральной Ассамблеи подходила к концу. Она была довольно бурной. Дискуссия по вопросам разоружения и укрепления мира и безопасности, по колониальным проблемам проходила значительно острее, чем на предыдущих сессиях, и даже «Нью-Йорк таймс» уныло констатировала, что в ООН заметно усилилась роль антиимпериалистических стран «и равновесие сил значительно изменилось. США, например, могут провалить резолюцию в Ассамблее, но они не могут добиться принятия резолюции против объединенной африкано-азиатско-советской оппозиции».

В эти-то дни к нам и заглянула группа молодых экскурсантов.

— Хэлло, добрый день! — слышались звонкие голоса.

Мы оторвались от своей работы и повернули головы в сторону неожиданно нагрянувших на нас гостей.

— Вы что, все русские репортеры? — спрашивает подавшийся вперед парень в полосатой куртке.

— Да, — отвечает один из нас.

— Заходите, не стесняйтесь, — говорит другой.

— А это русский негр? — спрашивает белокурый юноша, показывая своими веселыми голубыми глазами на нашего телетайписта, небольшого, но коренного негритянского парня, быстро выстукивающего на клавишах наши телеграммы в Москву.

— Нет, — отвечаю я, — он американец. Почему вы удивляетесь?

— Да так просто. Мы тут думали, спорили... Мы ходим несколько часов по этому зданию и еще не видели негра за телетайпом. Мы думали, он ваш... Вот и все...

Возникла какая-то неловкая пауза. Продолжалась она всего несколько секунд.

— Вы все из Москвы, от одной газеты? — вдруг спросила высокая девушка, усевшаяся на край одного из столиков, на котором стояла машинка.

— Нет, не все, — снова отвечаю я. — Вот этот наш коллега приехал из Киева, он представляет здесь крупнейшую украинскую газету. А вот тот молодой человек в очках — специальный корреспондент белорусской столичной газеты. Он посылает свои телеграммы в Минск, откуда приехал. Остальные освещают работу ООН для нашего телеграфного агентства ТАСС, пишут комментарии для центральной газеты Коммунистической партии «Правда», для нашего правительственного органа «Известий», профсоюзного органа «Труд», для молодежной газеты «Комсомольская правда».

— Скажите, а на молодежный фестиваль, который собираются устроить в Москве, пустят американцев? — неожиданно задает вопрос все та же бойкая девушка.

Мы смотрим на нее в недоумении. Кто-то из нас, в свою очередь, спрашивает:

— Кого вы имеете в виду — ваш государственный департамент или наши власти, — кто вас пустит или не пустит?

— Слушайте, вы не обижайтесь, — продолжает девушка. — Я вам говорю правду. На прошлой неделе мы спорили у себя в колледже. Наши ребята считают, что вы не пустите к себе молодых американцев, если они захотят поехать на фестиваль. И мы вас за это не осуждаем. Мы знаем, что наши власти не хотят впускать к нам ваших людей. Я читала в газетах, что наше правительство боится впускать в нашу страну ваших спортсменов, шахматистов, даже балерин. По-

чему же вы должны впускать каждого американца, который захочет к вам поехать? Я все это очень хорошо понимаю и повторяю: мы вас нисколько не осуждаем.

С нашей стороны сразу же раздалось несколько удивленных голосов.

— Позвольте вас спросить, — взволнованно сказал представитель молодежной газеты. — Кто вам наговорил столько чепухи?

— Я ведь вас просила не обижаться, — пыталась успокоить его наша собеседница.

— Она разговаривает с вами искренне, — поддержала ее подруга с фотоаппаратом в руках. — То, что она сказала, очень логично. Об этом можно жалеть, но логика-то от этого не меняется...

— Я сам читал в газете, — прервал ее белокурый паренек, тот, который так интересовался нашим негритянским телетайпистом, — что на фестиваль пустят только коммунистов или тех, кого называют «попутчиками».

— Вот вы и не правы, — отвечает им уже спокойно наш товарищ. — Вы меня извините, но у вас в мыслях царит какой-то невообразимый хаос. Фестиваль молодежи и студентов устраивают десятки международных организаций более сотни стран. Это всемирный форум молодежи, организуемый под девизом: мир и дружба. Приглашаются люди разных стран и различных взглядов. Да, я не сомневаюсь в том, что если бы одна только советская молодежь устраивала свой собственный фестиваль, она тоже рада была бы видеть у себя в гостях молодежь Америки.

— Неужели это правда? — спрашивает удивленная девушка.

— Ты, Молли, действительно все перепутала, — обращается к своей подруге высокий молодой американец в очках. — В газетах писали, что в Чикаго образовался какой-то комитет, который хочет организовать поездку делегации американской молодежи на фестиваль в Москву. Но государственный департамент возражает.

Выходит, нам с тобой не доверяют. Считают, что

мы слишком молоды, чтобы ехать в Москву. Боятся, что мы не разберемся что к чему.

— Ну уж этому я не поверю! — решительно сказала Молли. — Если мы захотим поехать, кто же нас может остановить?

— А ты попробуй, — отвечает ей тот же высокий юноша.

— И попробую! — говорит Молли.

Между молодыми американцами разгорается шумный спор. Вскоре их окликает экскурсовод, и мы расстаемся.

Молли кричит на прощание:

— Си ю ин Москоу! *

— Уэлком!** — отвечает несколько наших голосов.

Как мне впоследствии хотелось узнать, была ли среди американских участников фестиваля Молли и кто-либо из ее друзей, так неожиданно нагрянувших на нас в здании ООН. Или была ли на фестивале дочь американской учительницы, рассказывавшей нам в кафетерии, как ее Кэйт, заканчивающая среднюю школу, мечтала поехать на фестиваль вместе со знакомыми ребятами, но у нее, как и у них, не было на это средств.

— Знаете, что они придумали? — говорила нам учительница. — Ребята ходят в нью-йоркский порт и пытаются выяснить, возьмут ли их в качестве матросов, кочегаров, официантов на пароходы, отплывающие в Европу. Таким путем они рассчитывают добраться поближе к фестивалю, а там им хватит заработанных денег. Для мальчиков это, может, и выход, но дочку мне боязно пускать в такое путешествие.

...Шли дни. Первое время американские газеты крайне редко и скудно сообщали о подготовке к фестивалю. Позднее телеграммы, заметки и статьи на эту тему встречались чаще. Заговорил о фестивале и государственный департамент. Появлялись сообщения, что представители американского дипломатического

* Увижу вас в Москве!

** Добро пожаловать!

ведомства активно отговаривают от участия в фестивале не только молодежные организации своей страны, но и западноевропейских стран. Говорили, что американским посольствам на этот счет были даны недвусмысленные инструкции. Редкий день проходил без того, чтобы в американских газетах не появлялись статьи, искажавшие цели и смысл фестиваля, пугавшие молодых американцев, собиравшихся в Москву.

— По имеющимся у нас сведениям, — писал обозреватель агентства Интернейшнл ньюс сервис Хесс, — каждая иностранная группа, которая приедет на фестиваль, будет окружена таким «вниманием», что не будет вольна располагать собою. Делегатов будут пичкать красной пропагандой. В течение круглых суток им будут «промывать мозги».

Газета «Нью-Йорк джорнэл — Америкэн» в специальной передовой статье заклинала молодых американцев, намеревавшихся поехать на фестиваль, утверждая, что это будет для них «бесплодная, эмоционально опасная поездка». Газета уговаривала юношей и девушек отказаться от мысли о поездке и вместо этого принять участие в «конференции морального перевооружения», приуроченной к тому же времени, что и Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Устраивалась эта конференция в штате Мичиган. Газеты печатали портреты почти каждого молодого иностранца, согласившегося приехать на эту конференцию. Их было не так уж много.

Бешеную активность развернул госдепартамент. «Государственный департамент, — писал вашингтонский корреспондент агентства Юнайтед Пресс Уильям Голдбрейт, — стремится расстроить планы американских студентов, желающих участвовать в шестом Всемирном фестивале молодежи, открывающемся 28 июля в Москве. Госдепартамент опасается, что молодые американцы — даже если они руководствуются самыми лучшими побуждениями — окажутся втянутыми в пропагандистскую затею. Всех, кто обращался по этому поводу в госдепартамент, старались отговорить. Тем, кто присылал письменные запросы, отвечали спе-

циально заготовленным письмом, подчеркивавшим, что «участие американцев в фестивале не соответствует интересам Соединенных Штатов». В департаменте нам не смогли сообщить, примет ли какая-либо группа американской молодежи участие в фестивале. Барбара Пери, двадцатидвухлетняя студентка из Чикаго, пыталась добиться поддержки госдепартаментом посылки американской делегации, но ей не удалось этого добиться».

Барбара Пери действительно прилагала немало усилий к тому, чтобы убедить американские власти в неразумности занятой ими позиции.

— Я не коммунистка, — рассказывала представителям печати Барбара. — На прошлых выборах я голосовала за Эйзенхауэра. Я знаю слишком мало о коммунизме, чтобы судить о нем...

Единственное, что нас интересует, это мир. Но если мы хотим мира и взаимопонимания с русскими, как же мы можем понять их, если не будем с ними встречаться?

Поскольку замолчать фестиваль не удалось, почти вся печать сообщала о нем в таком тоне, чтобы отбить у молодежи охоту участвовать в нем.

Журнал «Нью рипаблик» отважился опубликовать статью вашингтонского юриста Гарриса Уоффорда-младшего, высказывавшегося за посылку делегации США на фестиваль, хотя тут же поместил другую статью — бывшего председателя Национальной ассоциации студентов Гарри Лунна, поддерживавшую абсурдную позицию госдепартамента.

— С тех пор как молодежь начала проводить свои фестивали, — отмечал Уоффорд, — прошло уже десять лет, а государственный департамент все еще оперирует старыми аргументами в своем нежелании допускать сближения с Советским Союзом.

Автор приводил некоторые аргументы, выдвинутые деятелями госдепартамента в пользу неучастия американской молодежи.

— Мы против участия американцев по той причине, — сказал один сотрудник американского дипломатического ведомства, — что их могут сфотографиро-

вать улыбающимися рядом с русскими, а потом распространить эти снимки по всему миру.

Его, видимо, страшно пугала перспектива увидеть улыбающихся американских юношей и девушек рядом со своими сверстниками в Советском Союзе.

— Позвольте, но кое-кто из молодых американцев все же поедет, — возразили ему. — Что же в таком случае помешает русским заснять улыбающихся американцев?

Недипломатично почесав затылок, американский дипломат ответил буквально следующее:

— Да, но им все же удастся сделать меньше таких снимков.

В этих кратких репликах позиция государственного департамента США, пожалуй, отразилась яснее, чем в десятках многословных выступлений Даллеса.

С приближением дня отъезда на фестиваль госдепартамент нажимал на все педали. Нажим оказывался не только на собиравшихся ехать юношей и девушек, но и на их родителей. Шестнадцатилетняя пианистка Маурин Лундрот, мечтавшая показать свою игру и послушать представителей музыкальной молодежи многих других стран, уже выехала из Сан-Франциско в Нью-Йорк, чтобы лететь в Европу. Перед самым отъездом в Европу она получила телеграмму от матери, потребовавшей немедленного возвращения домой.

Мать испугалась кампании травли будущих участников фестиваля. Агентство Ассошиэйтед Пресс распространило по всей стране через свою фототелеграфную сеть снимок Маурин. Она сходила с самолета с чемоданом в руках. «Нью-Йорк джорнэл — Америкэн» увеличила этот снимок, напечатав его на видном месте под крупным заголовком: «Для нее поездка не состоится».

Подобный трюк печать проделала и со студентом Лерри Джонсоном из Лос-Анжелоса, родители которого тоже поддались запугиванию. «Два калифорнийца отказываются от участия в молодежном фестивале», — трубили газеты.

Однако сколько ни старался госдепартамент, полностью изолировать американскую молодежь от великой манифестации мира и дружбы ему не удалось.

Подавляющая часть 160 американских юношей и девушек, побывавших на фестивале, вернулась убежденная в необходимости и возможности отстоять мир, крепить дружбу и сотрудничество юношества всех стран и континентов. В кругу товарищей по работе и учебе, в семье и среди соседей, на страницах прогрессивной печати они продолжают делиться своими впечатлениями, рассеивая ложь и предрассудки. На всю жизнь остались у них яркие воспоминания о встречах с молодежью разных стран, с радушными хозяевами, юношами и девушками Москвы, поразившими их своим гостеприимством и искренностью.

Многим запомнилась теплая встреча с советской молодежью в театре «Ромэн» в Москве. Им очень понравились наши песни, новые и старые, отрывки из классических произведений. Американцы убеждались и в том, что советским юношам и девушкам пришлось по душе популярные американские народные песни, негритянские мелодии и танцы и даже то, как они исполняли с трудом разученную советскую песню «Ой, туманы мои, растуманы».

Было много интересного, даже забавного и смешного на этой встрече. Некоторые американские юноши и девушки пытались показать нашей молодежи образцы буги-вуги и рок-н-ролла. Другие поспешили предупредить, что и в США далеко не вся молодежь увлекается этими танцами.

Группами беседовала друг с другом американская и советская молодежь. Американцы расспрашивали об условиях учебы, работы в Советском Союзе, о развлечениях, литературе, взаимоотношениях детей с родителями. Они задавали сотни вопросов.

Москвичи помнят выступление самодеятельного американского ансамбля в составе 25 участников фестиваля. Многие исполнявшиеся ими народные песни переплетались с темой мира и дружбы между народами. В одной такой песне поется:

Пегги- Сигер и Гай Каравэн.

«Это был самый большой в истории сбор молодежи, — писал Белфредж. — Все, кто не закрывал умышленно глаза, видели, как в Москве снова творилась история. Ни москвичи, которые обзавелись адресами новых друзей во всех странах мира и лихорадочно изучают сейчас иностранные языки, ни побывавшая у них в гостях молодежь никогда не забудут этих дней... Единственная «пропаганда», в отрицательном смысле этого слова, исходила от американских властей, не прекращавших своих попыток повернуть историю вспять, в результате чего они сами оказывались в смешном положении. В то время как американское посольство придумывало разного рода идиотские затеи, втягивая в них некоторых американских делегатов и журналистов и посылая соответствующие реляции в Вашингтон, даже англичане уступили могучему движению и устроили, например, несколько приемов для делегатов своей страны, на которых дочь английского посла танцевала с сыном лидера Английской компартии Гарри Поллита...

Мысль о том, что этот ликующий, празднично украшенный город служит мишенью для вооруженных водородными бомбами самолетов, готовых вылететь в любую минуту с окружающих социалистические страны военных баз, напоминала нам о чудовищном характере практикуемой госдепартаментом политики. Из окна своей гостиницы я наблюдал, как полмиллиона юношей и девушек собрались вечером на соседней площади с лозунгами: «Трагедия Хиросимы не должна повториться!» Среди всего фестивального веселья москвичи и их гости не могли забыть о существующей угрозе».

— Мир и дружба, — говорили москвичи.

— Мир и дружба, — отвечали юноши и девушки, собравшиеся со всех концов земли.

Барбара Стенберг, студентка из Лос-Анжелоса, размышляя над фестивалем, над той ролью, которую он сыграл в ее молодой жизни, говорила:

— Фестиваль мне очень понравился. Благодаря фестивалю я смогла лучше узнать людей, ознакомиться с их идеями и культурой.

— Для обеспечения мира и счастья на земле, — добавила она, — требуется лучшее понимание культуры и идей.

Из Лос-Анжелоса приехал также Ноэль Киддер, студент математического факультета. Ему удалось участвовать в незабываемом празднике юности вместе со своей женой Сюзанной. Куда бы они ни ходили в Москве, с кем бы ни встречались, они на каждом шагу убеждались в ошибочности многих представлений, которые у них складывались на родине.

— Я узнавал о вашей стране из книг, газет и журналов, — рассказывал он, делясь своими первыми впечатлениями. — Совпадает ли то, что я читал о России, с тем, что здесь есть на самом деле? Я видел еще слишком мало. Но, например, распространенная в Америке фраза «русские — рабы» потеряла для меня всякий смысл. Я знакомился со многими людьми, но рабов не встречал ни разу. Я читал, что люди в России очень несчастны, а здесь я вижу только счастливых.

Киддер останавливается. Он смотрит собеседнику в глаза, и чувствуется, что он хочет выразить хорошо обдуманную, взвешенную мысль.

— Между нашими народами, — говорит он, — безусловно, много общего, и основное состоит в том, что они оба желают мира. Это я знаю твердо.

Были среди американских участников и такие молодые люди, которые преследовали цели, прямо противоположные девизу фестиваля. Стэнли Мумфорд, студент богословского факультета из штата Вашингтон, например, больше интересовался фотографированием некоторых промышленных объектов, нежели яркими концертами и горячими дискуссиями разноплеменной молодежи. Ричард Медали, студент юридического факультета Гарвардского университета, по возвращении в США откровенно признал, что стремился воспользоваться сравнительной дешевизной поездки на фестиваль, чтобы «заработать с помощью статей». Реакционный характер этих статей был предопределен заранее. Ту же цель, видимо, преследовал и Джордж Абрамс, который лез из кожи вон, чтобы ядом «холодной войны» отравить атмосферу дружбы, господствовавшую на фестивале. Корреспонденты некоторых американских газет и радиокорпораций в Москве ходили по пятам за Абрамсом в надежде, что он сумеет обеспечить им какую-нибудь сногшибательную сенсацию провокационного свойства. Надежды эти так и не оправдались, но Абрамс по возвращении в США неплохо заработал на серии статей и выступлений, клеветавших на участников фестиваля и Советский Союз. Правда, таких «ловкачей», готовых потратить реакционной пропаганде, было немного среди американской молодежи.

Лоуренс Рассел Шварц, который после окончания университета пробыл год в Европе, знакомясь с Ирландией, Англией, Францией, Испанией, Голландией, Данией, прибыл на фестиваль с намерением продолжить изучение людей различных стран, их образ мысли и жизни.

— Мое первое впечатление о советском народе, — говорил потом Лоуренс, — было сильным и ошелом-

ляющим, я был искренне и глубоко тронут морем улыбок, радостных лиц, так не похожих на те, которые я видел у себя дома и в Европе. На меня особенно сильное впечатление все это произвело еще и потому, что я не имел до этого никакого понятия ни о Советском Союзе, ни о его народе.

Вне всякого сомнения, фестиваль, который нам так понравился, раскрыл перед нами огромную возможность и значение тесных контактов, дал нам возможность обмениваться опытом, увидеть, что у нас есть много общего, понять сущность проблем, которые нас объединяют.

VI фестиваль стал интереснейшей страницей в еще не написанной книге моих впечатлений, потому что в Москве я узнал большую радость дружеских приветствий, произнесенных на десятках различных языков, увидел лица тысяч друзей, с которыми по пути всем, кто хочет мира.

Деятнадцатилетняя Шарлотта Сейкс из Цинциннати, возвратившись в Соединенные Штаты, написала статью — первую за всю свою жизнь. Искренне, задушевно делилась она своими впечатлениями о фестивале:

«Многие русские спрашивали меня не раз, не изменилось ли мое отношение к их стране после приезда, — писала Шарлотта. — Да. Мои взгляды значительно переменились. Перед приездом в Россию я верила во многое, что писала об этой стране наша пресса. Мне казалось, что, приехав в Москву, я увижу скучный бесцветный город, что русские будут угрюмо сторониться нас. К тому же я думала, что они плохо одеваются и что вообще жизненный уровень в Советском Союзе очень низок.

Вы можете представить мое удивление, когда я увидела сама, что Москва прекрасный, процветающий город, что люди хорошо одеты и что в Советском Союзе высокий уровень жизни. Повсюду мы видели людей, погруженных в чтение даже на ходу, даже на эскалаторе метро. Если вы попросите «среднего» американца назвать фамилии нескольких великих композиторов или писателей, скорей всего он вам ничего

не ответит. А вот простой русский рабочий — и в этом я убедилась сама — одинаково хорошо разбирается и в литературе, и в музыке, и в театральном искусстве, всегда внимательно следит за новинками зарубежной литературы и искусства. Когда сейчас мне приходится слышать лживые утверждения о том, что широкие массы глупы и не способны разобраться и понять все тонкости культуры, я смеюсь...

Из бесчисленных разговоров и дискуссий, в которых мне пришлось участвовать, я поняла, что Советское правительство пользуется всеобщей поддержкой народа и что советские люди совсем не «изнывают под гнетом социализма», как об этом любит писать западная пресса, а совсем наоборот — счастливы, довольны своей судьбой и гордятся своим социалистическим строем. И нет ничего удивительного в этом.

Было радостно видеть, как между американцами и русскими воцаряется дух дружбы. Как только они ближе познакомились друг с другом, они немедленно находили общий язык. К сожалению, было немало и такого, что мешало нам установить истинную дружбу. Что мы могли, например, ответить, когда русские чистосердечно и прямо спрашивали нас: «Почему США располагают свои базы вдали от своих границ и так близко к границам Советского Союза?»

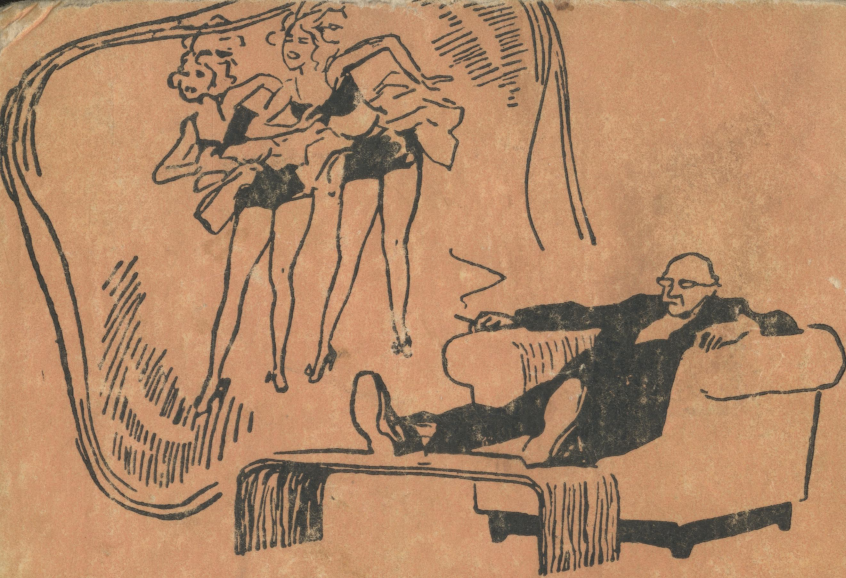
Я действительно не знала, что ответить на этот вопрос...

Большинство американских делегатов были далеко не левыми, и все же, я думаю, большая часть из нас полагает, что нам не говорили правду о России ни американская пресса, ни правящие круги».

Читая эти строки, я ловил себя на мысли: как было бы хорошо, если бы конкурс на звание мисс Америки проводился не из рекламно-коммерческих соображений, а преследовал совершенно иную цель — воспитание и развитие лучших черт юности — ее душевную красоту и чистоту, бодрость, ее пытливый ум, благородное стремление к знаниям, к лучшей, достойной человека обеспеченной и осмысленной жизни в мире и дружбе со всеми народами.

СОДЕРЖАНИЕ

На берегу Волги	3
Десять лет спустя	11
Кормит, поит и... калечит	13
Дворцы и трущобы	17
Заботы простых людей	22
Несмотря на газетные шоры	34
Ти Вон Ли едет в Америку	38
«Шайн?»	41
«Лишние» люди	47
Трагедия Новой Англии	55
Пальма первенства	58
Докеры дают о себе знать	62
«Народный капитализм»	68
Рокфеллеры развлекаются	78
Рекордсменка Мэйзи	82
«Семейное счастье» — оптом и в розницу	85
Стиляги штурмуют Таймс-сквер	93
Король рок-н-ролла	97
За что избили репортера Боба	105
Молодежь — это рынок	110
Мисс Америка	118
Почему Джонни мало читает?	124
Лишенные знамени	138
Интервью с молодым гангстером	145
Леди-гангстер	159
Причины преступности	166
Джон Каспер пробивается в фюреры	171
Случай в Денвере	179
Американский легион прежде и теперь	181
Полковник Пурди усердствует	189
«Городские огни»	194
Молодежный форум	200
На досуге	204
Лэнгстон Хьюз и Махалия Джексон	219
Джуди и Грэйди	233
Поэзия жизни и поэзия смерти	245
«Прощайте, госпожа война»	249
Они были в Москве	254

5 p. 55 к.

Всего 1200 экз.

Всего 1200 экз.